

Джулиан Готорн

Самые интересные истории 19
века

0+

Джулиан Готорн
**Самые интересные
истории 19 века**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53970941

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06587-1

Аннотация

Познавательные и удивительные истории прошлого, которые будоражили сознание людей в начале 19 века.

Содержание

Детективные истории из реальной жизни	5
Побег в Техас (авт. Артур Трейн)	5
Приключения в Секретной службе почтового ведомства	34
Заблудший Пастух	42
Претендент в Конгресс	54
Судьба Сэта Сэвиджа	57
Неожиданно исполненное желание	61
Возрождение старой игры	69
Грозное оружие	72
Сен-Жермен Бессмертный (авт. Эндрю Ланг)	80
Человек в железной маске	101
ЛЕГЕНДА	101
История камердинера	105
Хозяин камердинера	128
Правдивые истории Современной Магии	156
Исповедь колдуна	156
Самостоятельная подготовка	156
Ясновидение	162
Телепатия	166
Волшебник, который стал послом	185
Лицом к лицу с пистолетом араба	199
Раскрытие обмана спиритизма (Дэвид П.	209

Аббот)

Методы доктора оккультных наук	209
Как удавались трюки	217
Имя умершего	224
Чтение мыслей на публике	239
Некоторые великолепные выступления	261
Прохождение материи сквозь материю	266
Обман, объясненный психологией	268
Как материализуются духи (Аноним)	281

Детективные истории из реальной жизни

Побег в Техас (авт. Артур Трейн)

Бегство и экстрадиция Чарльза Ф. Доджа, бесспорно, повлекли за собой одну из самых необычных битв с правосудием в истории уголовного права. Средства, которыми располагали те, кто был заинтересован в побеге заключенного, были неограничены, и главный заговорщик, ради безопасности которого был похищен Додж, был настолько влиятельным в политических и криминальных кругах, что ему почти удалось бросить вызов прокурору округа Нью-Йорк, даже при поддержке военного и судебного аппарата правительства Соединенных Штатов. Ибо в то время, когда Додж совершал побег, одного шепота Хаммеля было достаточно, чтобы сухие кости многих влиятельных и якобы уважаемых чиновников затрещали, а язык в ужасе прилип к небу.

(Офис окружного прокурора в Нью-Йорке, несомненно, является одной из лучших сторожевых башен, с которых можно наблюдать "реальные детективные истории").

Артур Трейн, бывший когда-то членом этого прокурорского штаба, имеет возможность записать несколько любо-

пытных и захватывающих "правдивых историй преступлений". Ничто так не походит на вымысел, при том, что это истинная правда, несмотря на драматический интерес, как представленный здесь "Побег в Техас".

Те, кто читали газеты несколько лет назад, помнят имена Абрахама Хаммеля и Чарльза Ф. Доджа. Последний, железнодорожный кондуктор, который якобы лжесвидетельствовал по указанию первого, известного как одного из самых блестящих и наименее щепетильных адвокатов в этом городе. Одной из самых больших амбиций окружного прокурора Джерома было привлечь Хаммеля к ответственности. Такая возможность была. Если бы только Доджа можно было заставить свидетельствовать в суде об этом лжесвидетельстве, то Хаммеля, несомненно, осудили бы за преступление, которое не только лишило бы его адвокатской профессии, но и посадило бы в тюрьму.

Додж убежал и исчез, когда шторм, казалось, вот-вот разразится. Где же он был? Кто мог найти и вернуть его вопреки желанию Эйба Хаммеля? РЕДАКТОР.)

Кто мог совершить то, в чем закон был бессилен? Хаммель. Кто мог загнать на край света людей, на которых раньше не лежала и тень сомнения? Хаммель. Кто диктовал начальникам полиции иностранных городов, что они должны или не должны делать в тех или иных случаях, и кто мог движением пальца вызвать в свою похожую на темницу контору в Нью-Йоркском Лайф-Билдинг, куда его переселила фирма

с Сентер-стрит? Самый выдающийся юрист, самый выдающийся гражданин? Конечно, нет, только Хаммель. И теперь Хаммель боролся за свою жизнь. Единственным человеком, стоявшим между ним и железными прутьями Блэквеллс Ай-ланд, был Чарльз Ф. Додж – человек, которого он похлопал по колену в своем кабинете и назвал "талисманом", когда по роду своей деятельности нуждался в небольшом лжесвидетельстве, чтобы помочь богатому клиенту.

Хаммель в ужасе задействовал все ресурсы, к которым за сорок лет практики были привязаны его крошечные щупальца. Кто скажет, что, хотя он и делал вид, и каждый вечер легкомысленно развлекался в Tenderloin, он не был уверен, что в конце концов эта опасность исчезнет, как и другие, которые время от времени угрожали ему во время его преступной карьеры? Но Хаммель прекрасно понимал упорство человека, решившего избавить Нью-Йорк от его пагубного влияния. Его Немезида преследовала его. В его снах, если он вообще когда-нибудь видел сны, она, вероятно, принимала облик широкоплечего окружного прокурора, в тени офисного здания, где мелкий мошенник занимался своим делом. Если бы ему сказали, что эта Немезида на самом деле веселый человек небольшого роста с круглым румяным лицом и блестящими голубыми глазами, то он бы рассмеялся так искренне, как только мог. Но таков был факт. Маленький человек, похожий не столько на детектива, сколько на коммивояжера, продающего Масло Св.Питера или еще что-нибудь, с мане-

рами столь же мягкими и голосом столь же мягким, как весенний зефир, который всегда снимал шляпу, когда входил в контору, казалось бы, застенчивый до самоуничтожения, был тем, кто взял Чарльза Ф. Доджа у границ Мексики и держал его железной хваткой, несмотря на всех тех к кому Хаммель мог обратиться за помощью, от жуликоватых полицейских чиновников и продажных судей, до банд головорезов под видом шерифского отряда, боровшихся за его освобождение.

Джесси Блочер не работает в округе Нью-Йорк и по деловым соображениям не желает, чтобы его нынешний адрес был известен. Приезжая в Нью-Йорк, он время от времени заглядывает в кабинет писателя, чтобы выкурить сигару и дружески поболтать о старых временах. И когда он сидит там и так скромно и с таким тихим юмором рассказывает о своих приключениях с тexasскими рейнджерами среди усеянных кактусами равнин штата Одинокая звезда (Техас), даже тому, кто знает правду, трудно поверить, что этот человек-один из величайших детективов, или, скорее, один из самых способных, находчивых, ловких и сообразительных рыцарей приключений, которые когда-либо отправлялись на, казалось бы, невыполнимое задание.

Нет необходимости объяснять, каким образом окружной прокурор обнаружил существование "Джесси", как мы его знали. Достаточно сказать, что в субботу утром, 23 июля 1904 года, ему были вручены соответствующие верительные грамоты и даны инструкции немедленно отправиться в Но-

вый Орлеан, штат Луизиана, и "найти", если это было в человеческих силах, Чарльза Ф. Доджа, обвиняемого в лжесвидетельстве и потенциально главного свидетеля против Абрахама Х. Хаммеля по обвинению в заговоре. Ему было сказано коротко и по существу, что, несмотря на официальные сообщения из полицейского управления Нью-Йорка и Нового Орлеана об обратном, есть основания полагать, что Додж живет, хотя и не зарегистрирован, в отеле "Сент-Чарльз" в указанном городе. Ему было дано неполное и неточное описание Доджа, и он был предупрежден о необходимости соблюдать крайнюю осторожность, чтобы никто не узнал о его миссии. Как только Доджа обнаружат, он должен будет держать его под наблюдением и немедленно телеграфировать в Нью-Йорк.

Таким образом, Джесси покинул город в тот же день в 16.45 и прибыл двумя днями позже, в 9.15 утра понедельника, в Новый Орлеан, где он направился прямо в отель "Сент-Чарльз", зарегистрировался и получил номер 547 на пятом этаже. Где-то в отеле был спрятан Додж. Вопрос был в том, как его найти. Целый час Джесси сидел в фойе отеля и задумчиво наблюдал, как посетители приходят и уходят, но не видел никаких признаков своей добычи. Затем он встал, надел шляпу и отправился на поиски канцелярского магазина, где за два цента купил ярко-красный конверт. Затем он зашел в контору билетного спекулянта, взял визитную карточку владельца и написал на обороте записку Доджу, предлагая

ему дешевый транспорт до любой точки, которую он пожелает. Вооружившись этим, он вернулся в гостиницу, подошел к конторке, небрежно просмотрел несколько телеграмм, разложенных на стойке, и, когда клерк повернулся к нему спиной, незаметно положил на стойку записку, адресованную Чарльзу Ф. Доджу. В конторе было полно народу, гости постоянно сдавали ключи и получали почту, и пока Джесси наблюдал за развитием событий, клерк обернулся, нашел записку и быстро положил ее в ящик номер 420. Очень простая схема сработала, и клерк совершенно бессознательно указал номер комнаты, которую занимал Додж.

Джесси, не теряя времени, поднялся на четвертый этаж, осмотрел комнату номер 420, вернулся к столу, сказал портье, что недоволен назначенной ему комнатой, и попросил, чтобы ему предоставили комнату номер 421, 423 или 425, одну из которых он, по его словам, занимал во время предыдущего визита. После некоторого обсуждения клерк выделил ему комнату номер 423, которая была почти прямо напротив комнаты Доджа, и детектив сразу же приступил к наблюдению за появлением беглеца.

Не прошло и часа, как дверь отворилась, и Додж с компаньоном, впоследствии оказавшимся Э. М. Брэкеном, по прозвищу Брэдли, агентом, нанятым Хау и Хаммелом, вышли из комнаты, подошли к лифту и спустились в столовую на втором этаже. Джесси подождал, пока они благополучно устроятся за завтраком, а затем вернулся на четвертый этаж, где

дал горничной чаевые, сказав, что оставил ключ в конторе, и убедил ее отпереть дверь номера 420, что она и сделала, предположив, что именно Джесси покинул комнату в компании Доджа. Содержимое комнаты убедило Джесса, что он нашел Доджа, так как он обнаружил там две ручки с именем Доджа, а также несколько писем на столе, адресованных ему. Детектив вернулся в холл и немного поговорил с горничной.

– Пожилой мужчина, сопровождавший вас, сильно болен, – сказала она. – Как он сегодня?

– Ему немного лучше, – ответил Джесси.

– Да, сегодня он выглядит получше, – добавила она, – но вчера ему было очень плохо. Конечно, он из комнаты дней пять или шесть не выходил.

Это утверждение подтверждалось внешностью Доджа, потому что он выглядел изможденным и измученным.

Теперь Джесси был уверен, что нашел Доджа, несмотря на сообщения полиции Нового Орлеана об обратном, и он также был уверен, что беглец слишком болен, чтобы немедленно покинуть отель. Поэтому он телеграфировал своему начальству, что обнаружил Доджа и что тот болен в отеле "Сент-Чарльз".

В три часа дня Джесси получил следующую телеграмму из Нью-Йорка:

“Департамент полиции Нового Орлеана утверждает, что подозреваемого там нет. Он уехал в Мексику три недели назад. Выясните точное место расположения и сразу же теле-

графируйте”.

Джесси тут же ответил:

“Никаких сомнений относительно личности подозреваемого и его присутствия здесь в данный момент”.

Теперь он взял на себя задачу держать свою добычу под абсолютным наблюдением днем и ночью, и эта обязанность с этого момента продолжалась в течение почти десяти месяцев.

Весь остаток дня и всю ночь Додж и Брэкен оставались в номере 420, а вечером их посетили несколько незнакомцев, в том числе полицейский в штатском из полицейского управления Нового Орлеана. Маленький Хаммел, обедая на Лонг-акр-сквер в ярком свете Бродвея, нажимал какую-то невидимую кнопку, которая передавала силу его влияния даже полицейскому правительству города, расположенному в двух тысячах миль отсюда.

На следующий день, 26 января, около 8.40 утра Додж и Брэкен спустились в вестибюль. Брэкен вышел из отеля, оставив Доджа оплачивать счет в окошке кассы, и Джесси услышал, как он заказал такси до станции "Сансет Лимитед" Южнотихоокеанской железной дороги в 11.30 и распорядился, чтобы его багаж убрали из номера. Джесси сделал то же самое.

Тем временем Брэкен вернулся и ровно в 11 утра отправился на вокзал в такси с Доджем. Джесси последовал за ним в другом. Когда они проходили через ворота, детектив мель-

ком взглянул на билет Доджа и увидел, что он был выписан мексиканской национальной железной дорогой. Удалившись в телеграфную контору на вокзале, он телеграфировал в Нью-Йорк следующее:

“Птичка улетает – Сансет Лимитед. Пункт назначения не известен. Я с ним”.

Затем он торопливо купил билет до Хьюстона, штат Техас, и сел в поезд. Компаньон Доджа попрощался с ним, когда поезд тронулся, и теперь задача Джесса состояла в том, чтобы выяснить куда направляется Додж. После некоторых затруднений ему удалось разглядеть весь билет беглеца и таким образом выяснить, что он направляется в Мехико через Игл – Пасс, штат Техас, в то время как от кондуктора Пульмановского вагона он узнал, что Додж взял спальный вагон только до Сан-Антонио, штат Техас.

Пока все шло хорошо. Он знал Доджа, но Додж не знал его, и позже днем он имел удовольствие долго беседовать со своей добычей в смотровом вагоне, где они дружески обсуждали текущие события и спорили о политике с такой же горячностью, как если бы они были путешественниками, случайно оказавшимися в компании друг друга. Додж, однако, ловко уклонялся от любого упоминания о цели своего путешествия.

Когда поезд прибыл в Морган-Сити, штат Луизиана, в 3 часа пополудни, что было первой остановкой, Джесси телеграфировал в Нью-Йорк следующее:

"На Сансет Лимитед с другом. У него есть транспорт до города Мехико, через Орлиный перевал, куда я сейчас еду с ним. Ответьте Бомонту, штат Техас".

Позже во второй половине дня он прислал еще одно сообщение из

Лафайет, Луизиана:

"Видел транспорт друга и точно знаю, куда он едет".

Додж занимал 3е купе спального вагона "Capitola". Он рано пошел спать.

В Бомонте Джесси не получил никакого ответа на свои многочисленные послания, а когда поезд прибыл в Хьюстон, из Нью-Йорка не пришло ни слова, пока не подошло время отправления. Ожидая практически до последнего, Джесси поспешил к воротам вокзала Юнион-Стейшн в Хьюстоне и купил билет до Сан-Антонио. Когда он выходил из билетной кассы, к нему подбежали начальник полиции Джон Говард и два офицера, озабоченно спрашивая про "Господина Джесси". Подкрепление прибыло.

Снаружи "Сансет Лимитед" только начинал трогаться от перона. Первые судорожные гудки вырывались из трубы. В поезде Додж мирно спал на своей койке. Джесси, сопровождаемый Говардом, поспешил к кондуктору, который уже готов был вскочить на подножку вагона, и приказал ему придержать поезд, пока беглеца не увезут. После недолгих препирательств кондуктор с ворчанием подчинился, и Додж очнулся от приятных грез о "креольском квартале", в холодной

реальности, в которую его вытащил из постели полицейский. Его бесцеремонно вытолкали из спального вагона и отвезли в штаб-квартиру, где он представился и сказал:

– Я знаю для чего я нужен, но я никогда не вернусь в Нью-Йорк.

У него на руках была найдена сумма в размере 1563,15 долларов, а также многочисленные письма из юридической фирмы "Хоу и Хаммел" и несколько газетных вырезок, относящихся к его делу.

Додж умолял шефа Говарда не закрывать его, уверяя, что он болен, и предлагал хорошую сумму, если его отвезут в гостиницу и будут охранять до конца ночи. Но то, что "прошло" в Новом Орлеане, не "прошло" в Хьюстоне, и лучшее, что Додж мог получить для себя, была койка в "женской комнате для задержанных" на втором этаже тюрьмы.

Рано утром следующего дня Джесси посетил полицейское управление и впервые встретился с Джорджем Эллисом, шефом полиции Хьюстона, к которому он всегда будет испытывать чувство глубокой благодарности за его активное сотрудничество и верность во многих волнующих событиях, которые последовали. Теперь Додж получил телеграмму из Нью-Йорка, которая была передана Джесси, прежде чем попасть к заключенному, о том, что Хоу и Хаммел посылают адвоката, чтобы помочь беглецу избежать экстрадиции, и сообщают ему, что они наняли господ Ханта и Мейерса в качестве адвокатов, чтобы заботиться о его благополучии. Эти

последние немедленно взялись за работу и во второй половине того же дня получили акт “Хабеас корпус” от Нормана Дж. Китрелла, окружного судьи округа Харрис, штат Техас, подлежащий исполнению на следующее утро.

На следующий день, 28 января, Китрелл освободил Доджа из-под стражи.

Джесси предвидел это и немедленно выписал еще один ордер, в результате чего заключенного арестовали еще до того, как он покинул зал суда.

Тем временем в интересах Доджа была нанята еще одна адвокатская контора, Господа Эндрюс и Болл, которые на следующий день добились от судьи Эша второго судебного приказа “Хабеас корпус”.

В результате того, что первая встреча закончилась вничью, адвокаты обеих сторон согласились, что этот акт не может быть исполнен в течение шести дней. В течение этого периода окружной прокурор Джером нанял господ Бейкера, Боттса, Паркера и Гарвуда представлять его интересы и добился от губернатора Оделла в Олбани ходатайства о выдаче заключенного губернатору Техаса Ланхэму, которое он поручил детективу сержанту Херлихи из Нью-Йоркской полиции. Херли прибыл в Хьюстон с почтовым поездом вечером 30 января, и с ним на том же поезде приехал Абрахам Каффенбург, сотрудник юридической фирмы “Хоу и Хаммел” и племянник последнего. Точно так же пришел и Брэкен, все еще называя себя “Э. М. Брэдли”, и отныне Брэкен был

неразлучным спутником, проводником, философом и другом (?) несчастного Доджа, чье дальнейшее существование на этой земле стало такой угрозой для маленького адвоката в Нью-Йорке.

Херлихи в сопровождении судьи Гарвуда проследовал прямо в Остин, где они нашли Доджа вместе с г-дами Эндрюсом и Боллом, которые на слушаниях перед губернатором Лэнхэмом предприняли решительные усилия, чтобы заставить этого чиновника отказаться выполнить требование губернатора Нью-Йорка. Эта попытка провалилась, и губернатор Лэнхэм выдал ордер, но не успел Херлихи вернуться в Хьюстон с целью забрать заключенного, как ему было вручено предписание, запрещающее ему вместе с шефом полиции Эллисом брать Доджа под стражу до слушания по новому делу “Хабелас корпус”, которое было вынесено судьей Уоллером Т. Бернсом из окружного суда Соединенных Штатов по Южному округу Техаса. Это новое постановление было исполнено 9 февраля.

После исчерпывающих, но бесполезных аргументов адвоката Доджа судья Бернс передал заключенного под стражу Херлихи, чтобы тот был возвращен в штат Нью-Йорк, но не успело это решение быть вынесено, как адвокаты Доджа подали апелляцию, и заключенный был освобожден под залог в двадцать тысяч долларов.

В течение этого периода Додж находился под охраной в отеле "Райс" в Хьюстоне, а на следующий день после заседа-

ния был внесен залог в двадцать тысяч долларов наличными, и Додж был освобожден из под стражи.

Однако Джесси, тем временем, зная, что никакая сумма, сколь бы велика она ни была, не удержит Хаммела от похищения Доджа из страны, принял меры к тому, чтобы получить новый ордер на экстрадицию от губернатора Техаса, так что, если заключенному удастся выбраться за пределы Южного округа Федерального суда Техаса, его можно будет арестовать и доставить в Нью-Йорк.

Конечно, кто-то должен был присматривать за Доджем, пока Джесси спешил в Остин к губернатору, и было решено оставить сержанта Херлихи, которого для этой цели заставили вернуться несколько местных детективов. Но пока бдительный Джесси отсутствовал, Брэкен занялся делом в духе старых добрых Хоу и Хаммела. Множество людей, которых Герлихи никогда раньше не видел, приходили и заявляли, что он самый лучший парень, которого они когда-либо встречали. А так как Херли был, в сущности, славный малый, то он радушно принимал их, обедал и пил за их счет, пока не проснулся в отеле "Менгер" в Сан-Антонио и не спросил, где он.

Джесси тем временем вернулся из Остина и обнаружил, что Додж со своими спутниками, Каффенбургом и Брэкенном, выскользнул из Хьюстона рано утром 11 февраля, избавившись от Херлихи и ускользнув от его бдительных помощников. Хаммел был впереди, и к десяти часам следующего

утра Додж и его товарищи были уже на борту английского торгового судна, стоявшего в гавани Галвестона. Позже, в тот же день, "Хаммел Стейтс" зафрахтовал у Южнотихоокеанской железной дороги за три тысячи долларов морской буксир "Хьюз", на который теперь был переведен Додж, чтобы доставить его в порт Тампико в мексиканской Республике.

Но тут провода Хаммеля пересеклись с проводами Джерома, и, к несчастью для маленького адвоката, люди, у которых был арендован буксир, оказались тесно связаны с интересами обвинения, в результате чего капитан буксира получил указание от своего начальства ни в коем случае не заходить в мексиканский порт, а, напротив, задержать свой выход из гавани Галвестона на два дня, а затем проследовать только до Браунсвилла, штат Техас, где он должен был принудить беглеца высадиться на берег. Капитан, который был не только хорошим офицером, но и хорошим спортсменом, тотчас же бросился в трюм и сказал Бракену и Каффенбургу, что по барометру видно, что приближается сильный шторм (который, должно быть, имел зловещее значение для этих двух несчастных джентльменов) и что он не может думать о выходе в море. Как только "шторм" утих, буксир двинулся в путь по голубым водам Мексиканского залива. Но теперь Брэкен и Каффенбург были впервые поставлены в известность о невозможности заходить в какой-либо порт Мексиканской Республики, так как это вызвало бы международные осложнения и вынудило бы отозвать лицензию капитана. В

отчаянии "Хаммели" предложили капитану пять тысяч долларов наличными за то, что он пренебрежет его инструкциями и отправится в Тампико, но достойный морской волк был непреклонен. Видеть трех господ в такой панике видимо стоило для капитана пяти тысяч долларов.

Пока Додж и его сообщники развлекались в Галвестонской гавани, Джесс воспользовался возможностью немедленно отправиться по железной дороге в Элис, штат Техас, который в то время был самым дальним южным пунктом, куда можно было добраться по железной дороге в направлении Браунсвилла. По прибытии он сразу же обратился к капитану Джону Р. Хьюзу, командиру роты техасских рейнджеров, который принял его с большой радостью и приказал отряду рейнджеров встретить буксир в Пойнт-Изабель в устье реки Рио-Гранде на границе с Мексикой. Тем временем Джесси отправился в утомительное путешествие на дилижансе в Браунсвилл, через сто семьдесят миль пустыни, которое заняло два дня и две ночи и потребовало, чтобы он не спал все это время. Во время поездки Джесси не слышал ни слова по-английски, а в компании у него были только мексиканские скотоводы. Каждые пятнадцать миль на смену запрягали новую партию "Бронкос", и после нескольких минут отдыха страдания возобновлялись.

Джесси спешил в Браунсвилл на дилижансе, в то время как Додж, Каффенбург и Брэкен причалили в Пойнт-Изабель, где их держал под пристальным наблюдением сержант

рейнджеров Том Росс. Оттуда они сели на поезд до Браунсвилла, зарегистрировавшись в доме Миллера под вымышленными именами К. Ф. Догерти, А. Кунцмана и Э. М. Баркера, все из Оклахомы. Но, хотя они и не знали этого, сержант Том был рядом с ними, и если бы Додж попытался пересечь границу Мексики, он был бы немедленно арестован.

Поскольку Браунсвилл находился в Южном округе Федерального суда Техаса, Джесси решил не арестовывать Доджа до тех пор, пока тот не попытается бежать, и когда Додж и его спутники на следующее утро, 15 февраля, вошли в дилижанс (тот самый, на котором прибыл Джесси) и направились к Элис, Джесси и Том Росс раздобыли лучших лошадей, которых смогли найти, и отправились за ними, держась в поле зрения дилижанса. Додж намеревался пересечь на мексиканскую международную железную дорогу в Элис и пересечь границу с Мексикой через Ларедо.

Джесси и Росс преодолели семьдесят четыре мили от Браунсвилла до Ранчо Санта-ла-Крус к четырем часам дня, что было довольно утомительно для Нью-Йоркского детектива, и здесь они почувствовали себя настолько уставшими и измученными после поездки, что с радостью наняли пару лошадей и коляску, чтобы доехать до Элис. К счастью, им удалось установить телефонную связь с различными владельцами ранчо, расположенными вдоль дороги, и договориться о том, чтобы каждые двадцать миль им поставляли свежую партию лошадей, и здесь Джесси позвонил капитану Хью-

зу в "Элис" и предложил ему заменить постоянного ночного клерка в городской гостинице одним из рядовых рейнджеров по имени Хэррод.

Додж и его спутники прибыли в Элис 17 февраля и, как и предполагал Джесси, сразу же отправились в городскую гостиницу, где, поскольку они были грязными от пыли и подавлены отсутствием общества, они сразу же вступили в восторженную и доверительную дружбу с человеком за стойкой в конторе отеля, в высшей степени не подозревая, что раскрывают члену тexasских рейнджеров все свои самые тайные намерения. Хэррод был так же рад видеть Доджа, как Додж, очевидно, был рад видеть Хэррода, и любезно предложил помочь беглецу попасть в Мексику любым способом, который тот пожелает. Додж, со своей стороны, воспользовался его полезностью до такой степени, что попросил его купить им железнодорожные билеты, планируя на следующее утро уехать из Элис в Монтерей, Мексика. Через три часа после того, как дилижанс с Доджем и его компанией подъехал к отелю "Сити", в два часа ночи Том Росс и Джесси въехали в город в сопровождении пары потрепанных "Бронко". Джесси уже пять дней не спал и не ел как следует, и у него едва хватило сил подняться на один лестничный пролет и рухнуть в постель, из которой он не вылезал много часов.

Тем временем рассвело, и Додж, Каффенбург и Брэкен, позавтракав, с комфортом доехали до международного железнодорожного вокзала и устроились в курильне, но не

успели они реализовать свои намеренья, как вошел капитан Хьюз и арестовал Доджа. Удивление последнего можно оценить, если учесть, что с того момента, как они покинули Хьюстон, они понятия не имели о том, что за ними следят, и считали, что полностью обманули Джесси и его помощников.

Пока Джесси гонялся за Доджем по пустыне, его адвокаты не сидели сложа руки и получили в Остине еще один ордер на экстрадицию от губернатора Лэнхема, который, получив известие об аресте, немедленно телеграфировал капитану Хьюзу, чтобы тот взял на себя ответственность за арестованного и передал его в руки Нью-Йоркского офицера, который должен был доставить его в Нью-Йорк.

Теперь началась такая судебная тяжба, какой никогда не знал штат Техас. Хаммеля загнали в последнюю канаву, и он отчаянно боролся за жизнь. Через Каффенбург он сразу же подал прошение о новом постановлении “Хабеас корпус” в графстве Нуэсес и нанял адвоката в Корпус-Кристи, чтобы помочь в борьбе за освобождение заключенного. Именно так, как и предполагал Хаммель, шериф Райт из Нуэсеса въехал в Элис и потребовал пленника у капитана Хьюза. Но этого Хаммель НЕ ожидал, капитан Хьюз отказался выдать пленника и велел шерифу Райту идти к ... ту, он сказал ему, что намерен выполнить приказ своего главнокомандующего, губернатора Техаса.

20 февраля Хаммель через Каффенбурга попытался полу-

читать еще одно предписание “Хабеас корпус” в графстве Би, и тут же к с жужжанием к Хьюзу примчался шериф графства Би и потребовал Доджа, но Хьюз ответил ему так же, как и Райту.

Возбуждение в Элис достигло такой степени, что судья Бернс из федерального суда в Хьюстоне приказал маршалу Соединенных Штатов Джону Ванну из Элис взять на себя ответственность за арестованного. Однако неукротимый Хьюз обращал на Маршала Соединенных Штатов не больше внимания, чем на местных предводителей. Но ситуация была настолько щекотливой, и столкновение властей могло так легко привести к кровопролитию, что в конце концов все стороны согласились, что лучше всего будет вернуть заключенного в Хьюстон под совместную опеку капитана рейнджеров Хьюза и Маршала Соединенных Штатов.

Джесси через своего адвоката, в надлежащем порядке, подал прошение о лишении Доджа залога и заключении его под стражу, но адвокаты Хаммела в конце концов убедили суд, под предлогом того, что заключение Доджа в тюрьму повредит его и без того сильно ослабленному здоровью, разрешить заключенному выйти на свободу по значительно увеличенному залогу, тем не менее ограничив его передвижение в округе Харрис, штат Техас.

Хотя Джесси до сих пор вел победоносную войну, он был на пределе своих возможностей в том, что касалось выдачи заключенного, поскольку Додж теперь был на свободе, ожи-

дая решения по окружного апелляционного суда Соединенных Штатов делу “Хабеас корпус” в Форт-Уэрте и Верховного суда Соединенных Штатов в Вашингтоне. Но ему было приказано доставить Доджа обратно в Нью-Йорк. Поэтому с помощью новых людей, присланных с севера, он начал еще более тщательное наблюдение за арестованным, чем когда-либо прежде, днем и ночью.

Тем временем Каффенбург отбыл в Нью-Йорк, спасаясь от гнева судьи Бернса, который вызвал его в суд за неуважение к Федеральному суду на том основании, что он вынудил Доджа попытаться нарушить свои обязательства. На смену буйному Каффенбургу был послан другой сотрудник знаменитой юридической фирмы “Хоу и Хаммел”, Дэвид Мэй, человек совершенно иного склада. Мэй был таким же мягким, как июньский день,—настолько же вежливым, насколько Каффенбург был дерзким. Он впорхнул в Хьюстон, как белый голубь мира, с пресловутой оливковой ветвью во рту. Отныне тактика, применявшаяся представителями Гуммеля, была в высшей степени примирительной. Господин Мэй, однако, недолго оставался в Хьюстоне, поскольку было очевидно, что ни одна из сторон ничего не может сделать до решения суда, и в любом случае Додж был в изобилии снабжен местными адвокатами. Теперь пришло время, когда Хаммел, должно быть, почувствовал, что судьба против него и что двадцатилетний срок в тюрьме штата стал реальной возможностью даже для него.

Тем временем Додж и Брэкен разместили свою штаб-квартиру в отеле "Райс" в самом дорогом номере, очевидно, придумав новый план, как вывести заключенного за пределы досягаемости Нью-Йоркских судов. Теперь Додж предавался всем мыслимым излишествам и порокам. Он был погружен в роскошь, не было такого разврата, который не мог бы обеспечить Брэкен, и их образ жизни скоро стал поводом для разговоров в графстве и продолжал оставаться таковым в течение десяти долгих месяцев. Существует не один способ убить кошку и не один способ уничтожить единственного свидетеля против отчаявшегося человека, стремящегося избежать последствий преступления.

Распорядок дня Доджа был примерно таков: он никогда не ночевал в собственном отеле, а вставал утром между десятью и одиннадцатью часами, когда его сразу же навещал Брэкен и подавал многочисленные напитки вместо завтрака, к которому у него никогда не было никакого желания. В полдень они вдвоем завтракали и пили еще. После обеда они отправлялись в бильярдные и играли на скачках, а когда скачки заканчивались, отправлялись в казино Фаро и играли там до полуночи или позже. Затем они отправлялись на другой курорт на Луизиана-Стрит, где действительно жил Додж. Здесь, можно сказать, начинался его день, и здесь он тратил большую часть своих денег, часто платя по пятьдесят долларов в ночь за вино и неизменно заканчивая в отвратительном состоянии опьянения. Вполне вероятно, что никогда в

истории разврата ни один человек не был так предан всевозможным излишествам в течение того же периода времени, как Додж летом и осенью 1904 года. Беглец так и не ступил ногой на Землю-матушку. Если они проезжали всего один квартал, Брэкен вызывал такси, и оба, казалось, испытывали особое удовольствие, заставляя Джесси, как представителя Джерома, тратить как можно больше денег на аренду такси. Хьюстонские Иеговы никогда больше не переживали столь благоприятного времени, как во время дождливого сезона Доджа; и жизнь беспутства продолжалась до тех пор, пока время от времени узник не ослабевал настолько, что был вынужден лечиться у врача. Несколько дней воздержания всегда восстанавливали его жизненные силы, и тогда он начинал новый круг удовольствий.

В течение этого времени Джесси вел тщательную личную слежку за подозреваемым. В течение более чем десяти месяцев он спал менее четырех часов в день, его усталость возрастала из-за постоянных опасений предательства среди его собственных людей и необходимости быть всегда начеку, чтобы предотвратить какое-либо движение со стороны защиты, чтобы увести арестованного. В течение лета неоднократно предпринимались попытки избавиться от наблюдения Джесси и его людей, и несколько отчаянных попыток были сорваны ими, в том числе один раз, когда Бракену удалось проскочить до Галвестона, где они были вынуждены отказаться от своего замысла.

Время от времени Брэкен исчезал из Хьюстона на неделю или десять дней, заявляя по возвращении, что он был в Нью-Йорке, после чего неизменно появлялся какой-нибудь новый ход, чтобы увести заключенного. Время и пространство мешают дать подробный отчет обо всех маршах и контрмаршах, которые имели место в этой битве умов.

В августе 1904 года Брэкен совершил один из своих периодических визитов в Нью-Йорк, а когда вернулся, разыскал Джесси и сказал, – Блохер, будь хорошим парнем и получай свое, пока можешь. Я имею в виду, что Додж не вернется в Нью-Йорк, даже если его невозврат будет стоить миллион долларов.

Через несколько дней Брэкен послал к Джесси игрока по имени Уорнер, который предложил последнему тридцать пять сотен долларов за то, чтобы тот "исчез" на срок достаточный для того, чтобы пленник смог ускользнуть в Мексику. Действуя по совету своего адвоката, Джесси поощрял эту попытку, полагая, что если он сумеет поставить силы Хаммеля в такое положение, что они попытаются подкупить его, то залог заключенного может быть аннулирован и он сам будет взят под стражу. Однако Хаммель насторожился и, по видимому, на время отказался от идеи подкупа. Позже Брэкен снова исчез. Когда он вернулся, в его поведении произошла заметная перемена, и Джесси заметил, что он постоянно советуется с Доджем, из чего детектив сделал вывод, что они собираются предпринять какой-то последний отча-

янный шаг к побегу заключенного.

Однажды Джесси увидел, как Брэкен показывает Доджу карту и какие-то чертежи на бумаге, это так взбудоражило его подозрения, что он с неослабевающим усердием последовал за ними и через день или два был вознагражден небрежностью Брэкена и возможностью обшарить карманы его пальто в бильярдной. Здесь он нашел полный набор тщательно проработанных планов переправки заключенного из Сан-Антонио в Мексику во время ярмарки штата. Эти планы были очень тщательно продуманы, каждый пункт был спланирован от покупки билетов и прохождения багажа через таможню до размещения в отелях в Мехико и Тампико, а также билетов на пароход из Тампико в Европу.

План состоял в том, чтобы добиться разрешения суда на выезд Доджа из Хьюстона под предлогом посещения ярмарки в Сан-Антонио и там "потерять" его во время гуляний из-за большого скопления народа.

Разумеется, нет нужды говорить, что эти планы были отвергнуты, когда Брэкен обнаружил, что Джесси уже предупрежден.

Почти сразу же после этого окружной апелляционный суд в Форт-Уэрте, штат Техас, принял неблагоприятное решение по одному из дел "Хабеас корпус", но все же позволил арестованному сохранить свободу до окончательного решения вопросов, связанных с Верховным судом в Вашингтоне.

Однако силы Хаммеля явно теряли надежду, поскольку в

начале октября была предпринята еще одна попытка подкупить Джесси. Однажды вечером Брэкен вошел к нему в комнату и сказал, что он может установить собственную цену, если только будет хорошим парнем, и даже зашел так далеко, что показал сумму денег, которая, по его словам, составляла двадцать пять тысяч долларов. Единственным результатом этого предложения было то, что Джесси удвоил свои предосторожности, поскольку он понимал, что ситуация действительно должна быть острой, когда такое предложение можно считать стоящим. После этого стало очевидно, что веселье Доджа и его спутников только усилилось. Соответственно, Джесси пополнил свой отряд помощниками.

2 декабря 1904 года Натаниэль Коэн, еще один сотрудник фирмы "Хоу и Хаммел", прибыл в Хьюстон, и на следующий день Верховный Суд в Вашингтоне вынес решение по апелляции "Хабеас корпус" против заключенного, которого судья Бернс сразу же отдал под стражу маршалу Соединенных Штатов Уильяму М. Хансену.

Для Доджа все выглядело действительно черным, а для Хаммела – еще чернее. Как, должно быть, дрожал в своих лакированных сапогах маленький адвокат, обедавший в полдень за четыре тысячи миль отсюда, в ресторане Понтинна на Франклин-стрит! Его последний эмиссар, Коэн, сразу же нанял помощника по имени Брукман и вместе с ним отправился в округ Уортон, штат Техас, где они получили новое предписание "Хабеас корпус" и убедили местного шерифа,

дать присягу в составе сотни человек и прибыть в Хьюстон и силой оружия забрать пленного из рук маршала Соединенных Штатов.

Это была одна из самых смелых и отчаянных попыток, предпринятых в последние годы, чтобы сорвать исполнение закона. Джесси считал, что реальная цель этой группы состояла в том, чтобы спровоцировать драку между ними и федеральными властями. Не исключено, что в таком случае Додж мог либо сбежать, либо погибнуть. Люди, составлявшие отряд, были самого отчаянного характера и состояли в основном из так называемых "феодалных группировок" графства Уортон, известных как "дятлы" и "сойки". Джесси был проинформирован, и исходя из того, что он был отличным специалистом, можно довериться его мнению и сказать, что этот шаг обошелся войскам Хаммеля в пятнадцать тысяч долларов и что каждый член отряда получил по сто долларов за свои предполагаемые услуги по "спасению" заключенного. Но гражданская война, даже в небольших масштабах, не может скрыта, и до получения мандата Верховного суда судья Бернс приказал доставить заключенного в Галвестон в целях безопасности.

Таким образом, долгая, дорогостоящая и тяжелая борьба наконец закончилась, ибо судья Бернс в свое время распорядился, чтобы Чарльз Ф. Додж был доставлен в Нью-Йорк под личную охрану Маршала Соединенных Штатов и передан им Нью-Йоркским властям "в пределах границ этого штата. Та-

кой приказ был, конечно, чрезвычайно необычным, если не почти неслыханным, но он был абсолютно необходим из-за мощного влияния и ресурсов, а также бессовестного характера тех, кто был заинтересован в том, чтобы обеспечить исчезновение Доджа.

Чтобы сорвать любые планы по освобождению заключенного насильственным или иным способом, а также предотвратить задержку с помощью юридических формальностей, Хансен и Джесси решили доставить Доджа в Нью-Йорк по воде, и 16 декабря маршал и пять его помощников сели на пароход линии Мэллори в Галвестоне и прибыли в Нью-Йорк со своим заключенным вечером 23 декабря.

Додж добрался до Нью-Йорка в полном изнеможении. Как его заставили сказать всю правду после того, как он признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, – это отдельная история. Теперь наступила неизбежная реакция на его распутство, и в течение нескольких дней его жизнь была на волоске. Джесси тоже был, как говорится, "в полном изнеможении", и единственными людьми, которые еще могли оценить прелести Нью-Йорка, были дюжий маршал и его ребята, которые некоторое время были объектами интереса, когда они прогуливались по Бродвею и пили "глубоко и сердечно" в кафе. Для помощников окружного прокурора они были героями, и к ним относились соответственно.

О том, как Додж в конце концов дал показания против Хаммела на свидетельской трибуне, уже говорилось. Как го-

ворят в центре, если бы Джером никогда не делал ничего другого, он бы "исправился", заперев Эйба Хаммела. Никто никогда не верил, что он это сделает. Но Джером никогда бы не запер Хаммела без Джесси. И, как говорит Джесси со смехом, откидываясь на спинку стула и глубоко затягиваясь сигарой, – я думаю, что не сделал бы этого снова—нет, я не сделал бы этого снова за все деньги, которые вы могли бы мне дать. Удивительно, что я вышел оттуда живым.

Когда читатель задумается об этом, он, вероятно, согласится с ним. Р. Н. Вудворт.

Приключения в Секретной службе почтового ведомства

Автор нижеследующих страниц был главным специальным агентом Секретной службы почтового ведомства Соединенных Штатов во времена пионеров и романтиков. Любопытные приключения, о которых идет речь, частично взяты из его собственных наблюдений, а частично из записных книжек коллег-офицеров, действовавших во многих частях страны.

Эти истории правдивы, хотя, конечно, справедливость требует, чтобы в некоторых случаях люди и места обычно маскировались под вымышленными именами.

Эти истории интересны не только своей захватывающей игрой честного ума против нечестного, но и предостережениями, которые они озвучивают против веры в то, что "слишком хорошо, чтобы быть правдой" из-под пера незнакомцев.

Существует класс почтовых воров, которые специализируются на том, чтобы рыться в заказных письмах, проходящие через их руки в транзитных поездках большей или меньшей дальности. Некоторые из них управляли операциями очень хитро, очевидно, полагая, что они открыли безошибочный метод выполнения работы и в то же время избежали обнаружения. Слишком поздно они обычно узнают на пе-

чальном опыте, что ничто не помогает скрыть преступление. В этих случаях всегда остается что-то осязаемое, чтобы показать особый стиль работы, присущий каждому из них; и часто непосвященный удивился бы, узнав, сколько черт характера, какие признаки привычки и призвания могут быть обнаружены при тщательном изучением мельчайших деталей, представленных для осмотра. Однако, если агент не развивает вкус к тщательности даже в мелочах и деталях, которые на первый взгляд могут показаться совершенно незначительными, он никогда не преуспеет в интерпретации иероглифов.

С интервалом в две-три недели, начиная с лета 1871 года, зарегистрированные посылки, проходившие туда и обратно из Чикаго в город в глубине территории Дакота, который для удобства будет называться Веллингтон, хотя это и не было его названием, поступали в департамент вскрытые. По мере того как сезон подходил к концу, жалобы участились. При старом методе ведения дел в штаб-квартире, дела распределялись примерно поровну "среди работников"; агент, находившийся в Чикаго, вначале получал большинство жалоб, затем часть из них была послана агенту в Айову, и по мере того, как число жалоб увеличивалось, Фьюрей в Омахе был удостоен редкой возможности. При нынешней, более совершенной системе все очень стараются сгруппировать все жалобы, вытекающие из каждой серии ограблений, определить место возникновения неприятностей путем тща-

тельных сравнений, сделанных в самом департаменте, и передать все, имеющее отношение к данному вопросу, офицеру, которому конкретно поручено расследование.

Наступил март прежде, чем господин Фьюрей нашел время уделить личное внимание этому конкретному вору. Он проехал по дороге в Веллингтон, длиной в восемьдесят миль, дилижансом от ближайшей железнодорожной станции, с десятью промежуточными почтовыми офисами. Все посылки оставались на ночь в Сиу-Сити, штат Айова, – факт достаточно важный, чтобы привлечь к нему пристальное внимание, но сыщик вскоре убедился, что ему придется искать грабителя в другом месте. Затем его подозрения были направлены в другой офис, где также находилась почта в течение ночи; но у почтмейстера было такое открытое и честное лицо, что он тоже был избавлен от подозрений.

Он продолжал путь в Веллингтон, ведя расследование по пути и наблюдая за лицами почтмейстеров; но эти физиогномические исследования не проливали света на тайну, так как чиновники департамента на маршруте, хотя и были далеко от центрального надзора, казалось, были всем, чего мог желать их любящий дядюшка в Вашингтоне. На обратном пути детектив был столь же наблюдателен и столь же озадачен. В это время года Дилижанс останавливался на ночь в Ганнибале; но и там у почтмейстеров были честные взгляды, которые, казалось, преобладали в Восточной Дакоте.

Продолжая путь, пассажиры дилижанса пообедали в "во-

роньем гнезде", где некий Майкл Махони-старший держал небольшой магазин и почту, а также—с помощью маленького сына и зятя-ферму. Магазином управлял Майкл Махони-младший, женатый сын, который отсутствовал и тогда, когда специальный агент уходил, и тогда, когда он возвращался. Лицо старика говорило о том, что он порочен, невежествен и беспринципен, но, очевидно, он не был достаточно умен, чтобы выполнять подобную работу.

Ознакомившись с маршрутом, специальный агент вернулся немного пораздумав и решил, что лучше в данных обстоятельствах, дать птице еще немного поволноваться, прежде чем возобновить охоту. Между тем вор становился все более безрассудным, и бумаги, которые приходили к господину Фьюрею, хотя и освещали лишь часть ограблений, обозначали вора в нижней части маршрута, в пятидесяти милях от конечной станции.

В течение лета один или два других агента бегло занялись этим делом, но не сделали никаких открытий. Тем временем господин Фьюрей был слишком занят чередой важных дел в Небраске, чтобы уделять много внимания отдаленной территории Дакоты. Наконец, в сентябре он тщательно просмотрел бумаги, накопившиеся за время его поздних длительных отлучек, и вскоре точно знал, где искать человека, который так долго безнаказанно грабил публику.

В течение некоторого времени Чикаго закрывал зарегистрированные конверты с пакетами воском, который, по

крайней мере на этом маршруте, эффективно защищал их от вскрытия. Подражая этому примеру, Кэмден, Дакота, начал делать то же самое; но, не имея подходящей для этой цели печати, импровизировал замену, используя плоскую поверхность рашпиля.

Почтальон из Кэдмена заливал воском каждый конец конверта, что существенно мешало игре вора, потому что именно здесь он действовал. Очевидно, задетый тем, что сельский почтмейстер осмелился перехитрить его, он усердно старался изобрести какой-нибудь способ вскрыть эти особые посылки, не оставив таких следов своей работы, которые привлекли бы внимание других чиновников, через чьи руки они впоследствии могли бы пройти. Это усилие увенчалось заметным успехом, ибо г-н А. Фьюрей во время упомянутого общего осмотра первым обнаружил, что печать была подделана.

Так как необходимо было сломать одну из печатей, то целью грабителя было как можно скорее восстановить ее первоначальный вид; для этого он использовал смоченный наперсток, катая его по воску, пока тот был горячим. На стоянке был только один такой конверт, но он рассказывал всю историю глазу, который мог проникнуть в ее смысл. Когда наперсток проходил по краю, он оставлял след от обода, затем гладкую узкую полосу, за которой следовали заостренные возвышения, очень похожие на непрерывные линии.:

===== -

На противоположной стороне той же печати воск расплющивался так, чтобы покрыть большую часть поверхности, и, чтобы придать ему желаемый вид, манипулятор снова прибегал к наперстку, но на этот раз использовал другой, причем углубления на поверхности были заметно тоньше и более мелкими.

Взлом этой единственной печати выдал вора, так как детектив сразу же предположил, что работа была сделана в магазине, где оператор имел доступ к различным наперсткам. Требовался только один, и ни один человек, кроме торговца, не мог иметь больше одного в пределах удобной досягаемости. В магазине, однако, было бы естественно взять полную коробку и положить ее на прилавок, чтобы выбрать из нее наугад. Выбрав один наперсток, вор использовал его и бросил обратно. Затем вор нашел другое место, требующее внимания, и, не утруждая себя поисками первого наперстка, так как воск остывал и времени нельзя было терять, он схватился за первый, попавшийся под руку. Он был слишком увлечен, чтобы думать о мелочах. Ни один мошенник не может быть достаточно умным, чтобы контролировать каждый шаг, – общий факт, который снова и снова иллюстрирует в опыте человека ту основополагающую истину, что в корыстном и физическом, а также в высоком и духовном смысле нет ни мудрости, ни выгоды вне пределов абсолютной целостности и непоколебимой прямоты.

Детектив с легким сердцем отложил бумаги в сторону, по-

нимая, что наконец-то полностью овладел ситуацией. Ниже Кэмдена по дороге почта помещалась в магазине только в двух местах, и ни в одном из них наперстки не продавались. Ключ безошибочно указывал на воронье гнездо как на место, где только и можно было найти необходимые условия, чтобы объяснить отпечаток на нарушенной печати. Офицер направился туда, и в тот момент, когда его взгляд остановился на Майкле Махони-младшем, он узнал черты лица вора, заклеянного небесами.

Вернувшись в Сиу-Сити, он телеграфировал другому агенту, у которого было много дел, связанных с грабежами, чтобы тот немедленно приехал. Двое мужчин заняли места по обе стороны Вороньего Гнезда, и через тридцать часов они арестовали молодого преступника, который в промежутке украл четыре письма-Приманки и заплатил часть содержимого одному из офицеров, который проверял его.

Господин Фьюрей собрал с вора и его родственников всю сумму, украденную с почты в течение всего периода ограблений, возвращая деньги законным владельцам доллар за долларом. Молодой Махони сделал письменное признание, дополненное тремя или четырьмя записями, относящимися к предметам, которые, говоря его собственным языком, “сначала не приходили мне в голову”.— Его судили в феврале следующего года и приговорили к тюремному заключению сроком на три года.

Через пятнадцать дней после того, как двери тюрьмы за-

крылись за сыном, Старый злодей-отец, действуя, возможно, исходя из теории, что два выстрела никогда не попадают в одно и то же место, начал также грабить почту. В назначенное время господин Фьюрей снова появился на сцене и взял старого негодяя под стражу. Когда начался судебный процесс, один важный свидетель обвинения отсутствовал, и отсутствие его показаний оказалось фатальным для дела, так как, проведя день и ночь на виселице, присяжные вынесли оправдательный приговор.

Заблудший Пастух

Изобретательность и упорство братства мошенников сравнимы только с доверчивостью и терпением тех, кого они обманули. В смутные времена, последовавшие за войной, огромные состояния были внезапно приобретены классом мошенников, которые действовали на доверчивость публики через подарочные предприятия, лотереи и другие родственные схемы. Большинство крупных концернов основали свои штаб-квартиры в Нью-Йорке, наводнив всю страну, особенно юг и Запад, литографскими циркулярами, написанными, по-видимому, пером исключительно в интересах получателя, и показывающими, как можно надежно заработать состояние, перечисляя определенные суммы в соответствующие дома. Некоторые из фиктивных фирм просто прикарманивали деньги корреспондентов, не претендуя на то, чтобы предоставить какой-либо эквивалент; в то время как другие, не более честные, но немного более продуманные, посылали бесполезные драгоценности и другие вещи бушелем.

Один из самых злодейских и в то же время успешных приемов был построен на предложении фальшивой валюты с большой скидкой. По существу, циркуляры, исходившие от разных партий и от одних и тех же партий под разными названиями, были все одинаковы. Они обычно начинались с коварного комплимента в адрес адресата, в том смыс-

ле, что из заслуживающих доверия источников автор слышал о нем, как о человеке более чем обычных способностей и проницательности и, ободренный высокой оценкой его способностей людьми, достаточно компетентными, чтобы судить, автор выбрал его в качестве того самого человека, который поможет обеспечить состояние для них обоих с "абсолютной безопасностью". В циркуляре обычно говорится, что автор – первоклассный гравер, действительно "один из самых опытных в Соединенных Штатах", в то время как его партнер – первоклассный печатник. Следовательно, фирма обладает непревзойденными возможностями для имитации национальной валюты. Получатель особенно остерегается класса негодяев, которые наводняют город Нью-Йорк и рекламируют по всей стране товары, которые он производит, но не посылают ничего, кроме мусора. "Подлинный доктор Джейкобс" безжалостно отчитывает целое племя мошенников, чьи негодяи развращают и навлекают позор на торговлю. Он призывает джентльмена, пользующегося большой репутацией "проницательного и осторожного человека", соблюдать предельную осторожность при проведении операций и дает ему четкие указания, как направлять деньги на покупку.

Несколько лет назад один проповедник Евангелия, расквартированный неподалеку от северной границы республики, получил по почте одно из соблазнительных посланий фирмы "Рэджем и Ко." из Нью-Йорка. Мошенник начал с обычных комплиментарных намеков на особую личную при-

годность священника для предполагаемого предприятия и продолжал утверждать, что в обмен на подлинные деньги, "Рэджем и Ко." снабдили бы в пропорции пятьдесят к одному имитациями настолько совершенными, что самые опытные банковские служащие не смогли бы отличить их друг от друга. Преподобный Захария Сапп—таково было благозвучное имя проповедника – внимательно изучив лестное предложение, положил документ в карман своего сюртука для удобства ознакомления. Поразмыслив день или два, он решил написать в "Рэджем и Ко." для получения более подробной информации.

Со свойственным гильдии чутьем угадав характер рыбы, клюнувшей теперь на голый крючок, плут решил рискнуть немного наживкой и, соответственно, прислал ответной почтой подлинную однодолларовую бумажку с письменным приглашением как для ответа, так и для личного ознакомления.

Никогда прежде преподобный Захария Сапп не подвергал лист бумаги такому тщательному изучению. И невооруженным глазом, и под микроскопом— пережиток студенческих дней—он изучал гравюры и филигранные работы. Деталь за деталью он сравнивал предполагаемую имитацию с купюрами известной подлинности, не находя между ними ни малейшего различия. Бумага, печать и гравировка казались абсолютно совершенными. Пока шло исследование, воображение священника парило в эмпиреи ослепительных ожида-

ний. Зачем продолжать тяжело трудиться за небольшие гроши, когда золотые яблоки висят в пределах легкой досягаемости? Зачем влачить нищенское существование, когда ему предложили богатство и его радости?

Захария, однако, был благоразумен и бережлив – даже более бережлив в глазах прихожан, чем подобает тому, кто по праву веры имеет право собственности на небесные особняки. Почти так же скоро он рискнет своим будущим наследством, как рискует в сомнительной аванюре несколькими сотнями долларов, аккуратно скопленными на черный день благоразумием и экономией.

Не желая полностью полагаться на собственные суждения, он довольно неохотно решил навестить банкира в соседнем городе, с которым имел небольшое знакомство. Обдумывая этот вопрос, он был сильно озадачен, чтобы решить, как начать эту тему. Конечно, он не мог позволить кассиру разгадать его тайную цель, и все же его угнетало смутное сознание, что только полупрозрачная пленка скрывает его мысли от мира. Раз или два, когда он ехал по незнакомому делу, слабый и нерешительный, он почти решился повернуть назад, но жадность в конце концов взяла верх, и он продолжил идти в деревню.

Сделав сильное, но безуспешное усилие, чтобы казаться спокойным, он неторопливо вошел в банк. После обычного обмена приветствиями он нервно сказал, – брат Хайд, поскольку я шел сегодня сюда, чтобы навестить брата Томп-

кинса, я взял на себя смелость зайти и задать вам вопрос по одному вопросу из вашей области.

– Очень хорошо, – ответил банкир, – я буду счастлив услужить вам.

– Несколько дней тому назад, – продолжал священник, – я заключил сделку с разносчиком, совершенно мне незнакомым, который, отдавая сдачу, дал мне несколько банкнот, которые, как я подозреваю, поддельные. Я хочу знать Ваше мнение.

– Пожалуйста, покажите мне их, – попросил Мистер Хайд. Он взял из рук неверного пастора банкноту в один доллар и, внимательно изучив ее, спросил:

– Что с ней не так?

– Все хорошо? – спросил встревоженный хозяин.

– Жаль, что у меня нет такой, – ответил банкир. – В этой банкноте нет ничего подозрительного. С чего вы решили усомниться? Возможно, вы показали мне не то, что нужно. Дайте мне посмотреть на остальные.

– Остальные я, должно быть, оставил дома, – ответил священник, роясь в карманах своей записной книжки.

Выполнив свою миссию, не совершив, как он полагал, ни одного рокового промаха, Мистер Сапп завершил беседу несколькими банальными замечаниями и поспешил прочь, чтобы насладиться в уединении видениями будущего изобилия.

Когда последнее сомнение было удовлетворительно пре-

одолено, планы будущего миллионера быстро обрели форму. Он мог бы собрать пятьсот долларов, которые по предложенному курсу обмена купили бы двадцать пять тысяч "абсолютно совершенных имитаций". Сумма казалась огромной, неисчислимой. Его воображение, до сих пор связанное узкими обстоятельствами отдаленной сельской жизни, пошатнулось, пытаясь ухватить концепцию такого огромного богатства. Подобно тайнам времени и пространства, она казалась слишком грандиозной для понимания. Затем его мысли перешли в другое русло. Какие благородные люди были "Рэджем и Ко.". Почему среди сорока миллионов людей они выбрали именно его, неизвестного священника, живущего в безвестном месте за сотни миль от столицы, в качестве избранного получателя несметных богатств? Конечно, это особое Провидение. Ни один воробей не упадет на землю без Его ведома. Он следит за своими чадами. Внезапно заблудший священник чувствует, как что-то сильно дергает его за сердечные струны. Какое право имеет он, собираясь предать священное доверие и участвовать в операциях, клейменых позором по законам страны, требовать бдительной заботы Провидения? Разве всевидящее око не последует за ним? Не ударит ли его в гнев всемогущая рука? Бедняга вытирает холодный пот со лба и думает, окупится ли это.

Но он слишком долго бледнел, и теперь дьявол требует его к себе.

Вернувшись домой, Сапп написал в "Рэджем и Ко." с ука-

занием количества имеющихся у него ресурсов и сообщением, что в определенный день и час он встретится с ними в назначенном месте. В следующее воскресенье после окончания дневной службы прихожане были поражены необычным заявлением с кафедры.

Прежде чем произнести благословение, пастор сказал: "я пользуюсь этой возможностью, чтобы сообщить вам частицу личной информации, которую я до сих пор держал в секрете. По завещанию родственника, который недавно умер в штате Мичиган, я унаследовал большую сумму для меня, с моими скромными потребностями, очень большую сумму. По предварительной договоренности я должен встретиться с душеприказчиком на этой неделе в Нью-Йорке, чтобы получить первый взнос наследства. Я не собираюсь покидать вас, мои дорогие прихожане, но останусь среди вас и буду трудиться вместе с вами, как делал это много лет. По крайней мере, значительную часть своего наследства я намерен вложить в эту общину, чтобы соседи и друзья могли совместно участвовать в моем процветании. Я надеюсь, что меня направят на мудрое использование талантов, столь неожиданно и, можно сказать, провидчески вверенных мне. Из Священного Писания мы знаем, что богатство влечет за собой большую ответственность, и что мы будем строго отвечать за то, как мы его используем. Пусть ваши молитвы пребудут со мной".

Прихожане столпились вокруг пастора с поздравлениями. Особенно показательны были восторги двух или трех

братьев, которые видели возможность обменять различные непродаваемые вещи на кусочки наследства.

Мистер Сапп прибыл в Нью-Йорк вечером, и важная встреча должна была состояться на следующий день рано утром. Сон приходил короткими и прерывистыми обрывками. Но звезды продолжают вращаться в своих величественных сферах, невзирая на надежды и страхи смертных. Наконец наступил день, когда проповедник встал с постели встревоженный и не отдохнувший. Незадолго до назначенного времени он проследовал в одно здание и, поднявшись на два лестничных пролета, увидел перед собой магический номер на двери. Когда часы пробили, он вошел. Согласно заранее обдуманному плану, он вытер правый уголок рта белым носовым платком и трижды кивнул. Единственный человек в комнате, хорошо одетый и по-видимому приветливый джентльмен, ответил, вытирая левый уголок рта красным шелковым платком и кивая три раза. На сигнал отвечают правильно: это он! До сих пор все работает прекрасно, и каждое обещание выполняется. Купюра была совершенной имитацией, гравер находится здесь.

Парень, проходящий под именем "Рэджем и Ко.", встретил новоприбывшего радушно.

– Ах, – сказал он, – ваша быстрота и осмотрительность показывают, что я не разочарован в своем человеке. Я вижу, что вы полностью оправдали мои ожидания. Знаете ли вы, что я прекрасно разбираюсь в людях? На самом деле, я редко

или никогда не ошибаюсь. Нам обоим повезло.

– Я был приучен к пунктуальности с ранней юности, – ответил священник и, перейдя непосредственно к делу, без дальнейших околичностей продолжил, – мне удалось собрать пятьсот долларов, что дает мне право по договору на двадцать пять тысяч.

Вынув из внутреннего кармана несколько булавок, он извлек шесть стодолларовых банкнот и пояснил, – для большей безопасности я перевел свои деньги в банкноты большого достоинства. Одну я оставляю на случай непредвиденных обстоятельств, остальные пять – для вас.

–Ваши деньги здесь, в сейфе, – сказал Рэджем, беря пять банкнот и поворачиваясь к сейфу, как будто хотел открыть его. Но негодяй, очевидно, рассудил, что было бы глупо довольствоваться пятью, когда он с такой же легкостью мог бы взять и шестую.

Возвращаясь, он сказал, – я хочу показать вам, что мои большие банкноты так же хороши, как и маленькие, – и, как бы для сравнения, взял оставшуюся банкноту из рук священника.

В этот момент раздался страшный стук в боковую дверь, угрожавший быстрым разрушением хрупкого барьера.

– Беги, беги, – прошептал яростный голос, словно охваченный ужасом, – полицейская облава.

Проповедник не нуждался во втором приглашении, страх разоблачения давал крылья его ногам. Почти бегом он пре-

одолея два лестничных пролета и вышел на улицу, пройдя несколько кварталов и завернув за несколько углов, прежде чем осмелился оглянуться.

Добросовестный обитатель комнаты, где встретились эти лица, не имел никакого отношения к совершившимся там гнусным сделкам. Благодаря предательству дворника мошеннику было позволено в определенные часы пользоваться квартирой для свиданий со своими жертвами. Сообщник, находящийся снаружи, сильно стучал, как только клиенты были ошипаны, и нужно было избавиться от их компании. Случайные намеки на неподобающие методы доходили до ушей настоящего арендатора, но они еще никогда не принимали такой формы, так как жертвы мошенников молчали.

Через два-три часа Мистер Сапп набрался храбрости и вернулся. Поднявшись по лестнице, он осторожно вошел в комнату. Его напарника там не было. Рослый джентльмен, который, по-видимому, был хозяином дома, вопросительно взглянул на него и был немало озадачен, когда посетитель дополнил свое представление вытиранием правого угла рта тремя неторопливыми кивками.

– Чем могу быть вам полезен сегодня? – спросил джентльмен, вставая.

– Я полагаю, вы партнер Мистера Рэджема, – ответил Сапп. – Я вижу, он вышел. К сожалению, наши утренние дела были прерваны полицией, и я вернулся, чтобы завершить их.

– Какие дела? – спросил хозяин с нескрываемым удивле-

нием.

Теперь проповедник сделал вполне естественную ошибку, предположив, что удивление, проявленное его собеседником, было просто вопросом политики и осторожности. Поэтому он принялся объяснять.

– Рэджем должно быть сказал вам. Я тот самый джентльмен, который дал ему пятьсот долларов, а он сказал, что мои двадцать пять тысяч закрыты в сейфе.

– Хозяин не стал дожидаться продолжения и, схватив испуганное существо за шиворот, прогремел, – я уже слышал о тебе. Ты тот самый негодяй, который превратил мой кабинет в логово воров? Наконец-то я тебя поймал!

Очнувшись от частичного понимания ситуации, бедняга пробормотал, – должно быть, произошла какая-то ошибка. Меня зовут А-А-а Смит, Джон Смит.

– Джон Смит, не так ли?– прорычал хозяин. – Ну, все, что я могу сказать, Джон Смит, если ты не самый большой, то самый распространенный негодяй в городе. Джон, пойдем в полицейский участок.

И пошел Иоанн, и волны беды накатили на него, как воды Красного моря сомкнулись над фараоном. Тщетны усилия вспомнить утешительные тексты, относящиеся к этому случаю! Он действительно был жестоко наказан, но раны были нанесены не в любви, а в гневе. Он скорбел, но откуда ему было искать утешения?

Чтобы избежать худшей участи, заключенный раскрыл

свою личность, предъявил корреспонденцию от "Рэджем и Ко." и сделал полное изложение фактов. Эта печальная весть достигла церкви вскоре после возвращения пастора, когда его проповедническая карьера подошла к позорному концу. Вскоре он удалился на дальний запад, надеясь похоронить свой позор в тени первобытного леса.

Грехопадение преподобного Захарии Саппа звучит предупреждением и без его проповедей. Единственный верный путь в борьбе с искушением заключается в том, чтобы с самого начала отразить его коварные подходы. Тот, кто терпеливо слушает шепот Сирены, уже наполовину потерян. Человеческий опыт в изобилии подтверждает божественную мудрость заповеди "Отойди от Меня, Сатана", как единственный надежный способ встретить наступление зла. В конце хорошо прожитых, полезных жизней мириады людей могут благодарить доброе Провидение не за то, что они оказались сильнее других, кто оказался не таким, как все, а за то, что их испытывали меньше. Идя среди невидимых опасностей, никто не может без угрозы разорения сбросить даже на мгновение доспехи честности и истины.

Претендент в Конгресс

Несколько лет назад" Достопочтенный "Джон Уимпери Брасс из Джорджии, один из" вдумчивых патриотов "того времени, который время от времени находил время, чтобы отложить заботы о государственном управлении и заняться своими маленькими частными делами, соблазнился заманчивыми предложениями "Wogan & Co." из Нью-Йорка, и написала в этот несколько мифический концерт письмо с предложением стать их агентом по распространению "фальшивок". Даже получив первый взнос за свой товар, почтенный джентльмен не понимал, что фирма имеет дело исключительно с опилками, а не с валютой. Он написал еще раз, жалуясь, что после шестидесятимильной поездки по ухабистой дороге до ближайшей надежной курьерской конторы не нашел ничего, кроме ничего не стоящего пакета с надписью "С. О. Д.", ожидающего его. Может "Wogan & Co." не доверяют его чести или верности? Он осмелился заявить, что ни один человек в государстве не может служить им так эффективно. Он только что баллотировался в Конгресс и, хотя был избит на выборах "мошенников", намеревался оспорить это место с шансами на успех в свою пользу. Горцам, среди которых он жил, было безразлично, хороши или плохи деньги в их карманах, пока они циркулировали. Он мог выпустить на поверхность тысячи фальшивок, не опасаясь, что

их обнаружат. Его избиратели верили в него и поддерживали его. Валюты в этом конгрессменском округе было очень мало, и его народу было бы очень полезно дать им больше. После изложения взаимной выгоды, которую можно извлечь из доверия к нему, он обратился к компании "Wogan & Co." с пылкостью и энергией швейного машиниста или агента по страхованию жизни, чтобы отправить товар без дальнейших задержек. Они никогда не должны сожалеть о том, что имели с ним дело, его характер и положение были достаточной гарантией того, что он не мог притворяться. Он действовал добросовестно и ожидал такого же обращения в ответ.

К несчастью для политических устремлений "достопочтенного" Джона Уимпери Брасса, власти вскоре после этого совершили налет на логово "Wogan & Co.", где нашли великое множество писем от доверчивых дураков, и большой запас опилок—их единственный запас в торговле. Послания предполагаемого конгрессмена были опубликованы, что позволило получить гораздо более широкую валюту, чем он предлагал дать поддельным долларам. Предполагалось, что этот шумный малый ускользнет в какую-нибудь пещеру в своих родных горах и никогда больше не покажется с наглой физиономией среди честных людей. Но наглость "достопочтенного" Джона Уимпера Брасса поднялась до уровня чрезвычайной ситуации. Вместо того, чтобы спрятаться или повеситься, он опубликовал статью, в которой говорилось, что он вступил в схему с целью захвата "Wogan & Co." и привле-

чения их к ответственности.

Жалким было зрелище, свидетельствовавшее о доверии простодушной души к собственной доблести, о добровольце-сыщике, выкапывающем параллели на южных отрогах Голубого хребта для поимки хитрого мошенника за тысячу миль отсюда! Вооружившись зернышком кукурузы, отважный гусенок отправляется ловить злую лису, которая охотится на стадо! Если отважные горцы, окружение "достопочтенного" Джона Уимпери Брасса, не могут похвалить благоразумие, проявленное проектором "Энтерпрайза", они, несомненно, должны восхищаться его отвагой. Несмотря на все трудности, мало кто из гусят пойдет добровольцем.

Возможно, эта статья была бы принята более доверчивым классом сочувствующих, как удовлетворительное объяснение писем, если бы честолюбивый государственный деятель со временем не попал под суд за махинации с пенсиями вдов; кампания против "Wogan & Co." настолько истощила добродетель этого любителя, что у него даже ничего не осталось для последующих махинаций.

Судьба Сэта Сэвиджа

Одно время мошенники-лотерейщики вели успешный бизнес, но совместные усилия Почтового департамента и законодательных органов Соединенных Штатов в последнее время, довольно эффективно загнали их в дикую местность. Менеджеры питаются тем же классом людей, что и мошенники с опилками, добывая списки имен таким же способом. Распространенный метод процедуры заключается в том, чтобы вместе с объявлениями о призах вместе с местом и датой розыгрыша вложить один или несколько должным образом пронумерованных билетов. Большое доверие выражается в личной пригодности адресата, которому предлагается выступить в качестве агента по продаже билетов. Через несколько недель предполагаемой жертве посылается еще одно письмо, в котором сообщается, что билет данного номера, пересланный ему в такой день, получил приз, стоимость которого варьируется от нескольких сотен до многих тысяч долларов. Затем его просят немедленно выслать десять долларов (больше или меньше) за билет, возможно, еще десять или двадцать как дополнительную плату, и обещают полную номинальную стоимость приза немедленно отправить экспресс-почтой, чеком в Нью-Йорк или любым другим способом, который может быть удобен получателю. В заключение автор ловко намекает, что он желает, чтобы счастливец по-

казал деньги своим соседям, сообщая, как он их получил, и упоминая, в частности, адрес агента, у которого был куплен билет, с целью создать волнение в этом месте с целью больших продаж для следующего розыгрыша.

Даже в таком прозрачном трюке, как этот, жертвы исчисляются тысячами, а разоблачения и предупреждения одинаково игнорируются. Увлечение определенного класса невежественных и легковверных людей хорошо иллюстрирует случай с Сетом Сэвиджем, бедняком, владевшим несколькими акрами земли в окрестностях небольшой деревни в Вермонте. Однажды, когда специальный агент с большим опытом работы случайно оказался на почте, Сет получил письмо, прочтение которого повергло его в неистовое возбуждение.

– Что случилось? – поинтересовался почтальон – У тебя похоже хорошие новости.

– Послушай, – ответил Сет, держа послание в своих сморщенных костлявых пальцах, – вот уже почти шестьдесят пять лет, господин Мартин, я работаю и работаю, и работаю ради пропитания. Теперь, когда я почти стар, мало радуюсь подобному, и удача приходит ко мне.

– Это так? – спросил господин Мартин. – Я очень рад, но скажи мне, в чем дело? Все твои соседи будут рады услышать о твоей удаче.

– Читай, – сказал Сет, торжествующе протягивая ему письмо.

Почтальон прочел письмо. Некий Девиит из Нью-Йорка

оповещает господина Сэвиджа, что некий билет, присланный ему месяц назад, принес выигрыш в три тысячи долларов; что по получении тридцати пяти долларов в письме, составленном заранее, согласно инструкции, вся сумма будет ему переправлена.

– Конечно, Сет, – упрекнул его почтальон, – тебя же не проведешь так просто. Девитт – обманщик, мошенник.

– Откуда тебе знать? – спросил Сет. – Он тебя обманул когда-то?

– Я не имею дела с такими людьми, – мягко возразил господин Мартин. – Я не люблю, когда кого-то обижают, особенно соседа. Вот джентльмен, который знает все о таких вещах. – И Сета официально представили специальному агенту, который постарался полностью объяснить суть аферы.

Офицер покинул деревню с приятной уверенностью, что его краткий визит по крайней мере способствовал спасению одного несчастного человека из пасти пожирателя.

Однако Сета это не убедило. Продав свою единственную корову, он сумел довести скудный запас наличности до требуемой суммы и отослал ее Девитту, вполне рассчитывая, что через несколько дней сможет ошеломить почтальона демонстрацией своего новоприобретенного богатства. Дурачок, вложивший в это предприятие немалую часть своих скудных средств, ждал долго, если не терпеливо. Наконец, когда иссякла последняя надежда, господин Мартин спросил, – как случилось, Сет, что ты выбросил свои деньги на

эту лотерейную аферу, когда мы показали тебе, что все это было обманом?

– Раз все и так потеряно, – ответил Сет. – Я расскажу тебе, как это было. Человеческая природа "подозрительна по сути". Я не хотел, чтобы ты и этот другой почтальон получили приз для себя; я не хотел, чтоб меня одурачили.

Неожиданно исполненное желание

Когда мошенники-лотерейщики были изгнаны из больших городов энергичными почтовыми властями, они некоторое время пытались действовать из маленьких сельских городов, вступая в сговор с нечестными почтальонами. По мере того как преступления последовательно выявлялись, их головы скатывались в корзину у подножия официальной гильотины. Мошенникам, однако, удалось подкупить новых жертв, и какое-то время хитрость и двуличие с терпимым успехом удерживали плацдарм против власти департамента.

Среди других подобных мошенничеств, в свое время по более отдаленным Штатам были разостланы запечатанные циркуляры, объявляя, что в определенный день состоится розыгрыш серии великолепных призов в Ливингстон-холле, № 42 Элм-Авеню, Уингтон-Джанкшн, Коннектикут. Меценатов убедили в срочном порядке перечислить деньги за билеты, так как ни при каких обстоятельствах нельзя было откладывать грандиозное событие: "Фортуна, – продолжала сверкающая реклама, – стучится ко всем сразу, а теперь стучится и к вам".

Как обычно, многие проглотили наживку, но некоторые, вместо того, чтобы отправить зеленые доллары в Highfalutin & Co., переслали циркуляры в департамент. После этого специальному агенту Шарреттсу было поручено посетить Уин-

стон-Джанкшн, чтобы выяснить, правильно ли почтмейстер исполняет свои обязанности. Как-то утром, воспользовавшись ранним случаем для выполнения задания, он сошел на станции и стал осматривать город, состоявший из четырех или пяти домов, разбросанных вдоль шоссе на расстоянии полумили. "Ливингстон-Холл" и "Элм-Авеню" нигде не было видно. Было очевидно, что "номер 42" на любом проспекте был отдаленной случайностью, которая вряд ли возникнет в нынешнем поколении.

Предварительно удостоверившись, что почтмейстера исполняет также функции стрелочника на перекрестке, а заботы о конторе возложены на его жену, офицер подошел к строгому на вид человеку, стоявшему перед маленькой круглой стрелочной будкой, вся энергия которого в этот момент была направлена исключительно на жевание огромного фунта табаку, и который, после долгого разглядывания незнакомца, ответил на его приветствие приглушенным протяжным голосом: – Доброе утро, сэр.

– Не будете ли вы так любезны сказать мне, сэр, где можно найти мистера Морриса, почтмейстера? – спросил агент.

– Ну, кажется, меня зовут Моррис. Как я могу вам помочь?

– Господин Моррис, мне бы хотелось несколько минут побеседовать с вами наедине по очень важному делу, которое может оказаться выгодным для нас обоих. Я не хочу, чтобы меня подслушивали или прерывали. В наше время даже глу-

хие стены имеют уши.

Последнее предложение, по-видимому, послужило пропуском к доверию почтмейстера. Направляясь к коммутатору, он сказал: – Входите. Итак, что же это такое?

– Дело в том, господин Моррис, что кое-кто из моих друзей собирается заняться мелкими спекуляциями, которые повлекут за собой большую корреспонденцию, и по причинам, которые я не стану объяснять такому человеку, как вы, они не хотят, чтобы каждый оборванец – бобтейл, служащий почты, корпел над их письмами и задавал дерзкие вопросы в окошке доставки. Если им удастся найти умного, уравновешенного человека, который умеет держать язык за зубами и которого не проведешь, который за приличное вознаграждение упрячет письма в безопасное место, пока их не потребуют, они готовы заключить соглашение, которое будет выгодным для всех. Вас рекомендовали именно как такого человека. Мне сказали, что вы обычно знаете, с какой стороны ваш хлеб намазан маслом, и меня попросили узнать, не можем ли мы договориться о встрече.

– Ну ты сказал, – воскликнул Моррис, лукаво подмигнув. – Я знаю, чего ты хочешь, но моя жена сама все уладит. Мне нечего делать с этими письмами. Сюю все сделает. Люди, работающие на нас, сказали, что мы должны быть очень осторожны с проверяющими. Держу пари, что им не вычислить мою жену.

С этими словами он высунулся в окно и крикнул: – Сюю,

Сью!

Когда звук затих вдали, высокая костлявая женщина, на щеках которой за несколько лет до этого поблек румянец юности, вышла из боковой двери двухэтажного коттеджа, расположенного примерно в восьмидесяти шагах от нее, и быстрым шагом направилась к коммутатору, где ее представили незнакомцу как "моя жена."

После небольшой предварительной перепалки она пригласила агента зайти в коттедж. Будучи должным образом препровожден в "лучшую комнату", он приукрасил для нее историю, уже рассказанную мужу.

– Я думаю, что помогу вам, – вырвалось у нее, – но вам придется хорошо заплатить за это. Я знаю, как это все делается, но если нас обнаружат проверяющие, то нам конец.

Ее условия были десять долларов в неделю. Highfalutin & Co. заплатили шесть, но теперь она разбиралась в этом деле гораздо лучше, чем когда заключала с ними сделку. Агент счел цену довольно высокой, но в конце концов согласился заключить контракт на эту сумму.

– Мадам, откуда мне знать, может быть, кто-нибудь из этих "проверяющих" придет в себя и, увидев мои письма, поставит меня в затруднительное положение?"

– Ну что ж, законы милосердны, – сказала она, – не пашите, вы же шутите, предоставьте это мне. Все эти письма я прячу здесь в бюро, – сказала она, указывая на предмет мебели в углу.

– Это безопасное место?– спросил агент.

– Да, – ответила женщина. – Как сторожевая башня. Ключ всегда в кармане.

Она усмехнулась, рассчитывая на понимающую улыбку, восхищаясь собственной сообразительностью.

– Я полагаю, что тайник достаточно надежен, – ответил офицер с видом человека, который хочет, чтобы его убедили, так как он еще не достиг полной уверенности.

–Вы, кажется, очень щепетильны и вам трудно угодить, – продолжала Миссис Моррис, – но если вы не верите в это, то идите и посмотрите сами.

Она подошла к бюро, открыла ящик и, подняв клетчатый хлопчатобумажный носовой платок, выставила на всеобщее обозрение контрабандные письма. Все они были направлены в лотерейную фирму и время от времени передавались посреднику, когда ему было удобно за ними заехать. Поскольку ни одна из таких фирм не вела дел в Уингтон-Джанкшн, почтмейстер обязан был пересылать письма в департамент, как фиктивные и не подлежащие доставке, все письма с адресом мошенников. В подобных случаях пренебрежение правилами рассматривалось как достаточное основание для немедленного увольнения.

Довольный результатом осмотра более, чем предполагала женщина, офицер продолжил, – я вижу, вы очень разборчивы в своих методах ведения дел и не хотите, чтобы вас застали врасплох. Соглашение, которое мы собираемся заклю-

читать, очень важно, и, поскольку вы не почтмейстер, ваш муж должен присутствовать, чтобы засвидетельствовать и утвердить сделку.

– Бог с вами, – ответила она, – все нормально. Я веду весь бизнес. Мой муж в это даже не вмешивается.

– Сударыня, – отвечал офицер, – простите меня. Я учился в большом городе и привык обращать внимание на каждую мелочь. Ваш муж является главным в этом деле и должен ратифицировать соглашение, чтобы сделать его обязательным. Конечно, вы получите все преимущества, но его присутствие необходимо как вопрос формы.

Очевидно, удовлетворенная, она позвала "Джона", который немедленно откликнулся на вызов.

– Господин Моррис, – сказал офицер, – ваша жена согласилась сохранить мои письма для меня.

– А как же, – вмешался почтмейстер. – Я знал, что она так сделает. Ты увидишь, что она все делает правильно. Никто не сравнится с ней в хитрости, правда, Сью? Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из этих, проклятых проверяющих, появился, чтобы посмотреть, как она обведет его вокруг пальца. Вот бы повеселились. – И он позволил себе громко расхохотаться над абсурдностью предположения, что кто-то может сравниться в хитрости с его любимой Сью.

– Письма будут приходить по этому адресу, – сказал агент, вынимая у почтмейстера свое поручение и показывая его паре.

С первого взгляда поняв, в чем дело, Моррис подпрыгнул на несколько дюймов, хлопнул себя по бокам и воскликнул: – проверяющий, все таки здесь, ну и ну!

– Значит, мы разорены, – вставила Сью с грустной усмешкой.

Так оно и случилось. Письма Highfalutin & Co. Отправились в Вашингтон, а Моррис уволился с почты, но то, что Сью обошли, ранило его больше, чем потеря места.

8 июня 1872 года был принят закон, предусматривающий уголовную ответственность за использование почтовых отправок с целью обмана других лиц, проживающих в Соединенных Штатах или за их пределами. Генеральный почтмейстер был также уполномочен запретить выплату почтовых денежных переводов лицам, занимающимся мошенническими лотереями, дарственными предприятиями и другими схемами обмана населения, и почтмейстерам поручили возвращать письма отправителям, со словом "мошеннические", написанным или оттиснутым снаружи, все заказные письма, адресованные таким лицам или фирмам. До введения в действие этого закона самые массовые и неприкрытые операции проводились профессиональными мошенниками, главным образом через средства, предоставляемые почтой, с почти абсолютной безнаказанностью. Письма, адресованные фиктивным фирмам, действительно пересылались из отделов доставки в департамент как "фиктивные" и "не подлежащие доставке", и многие тайные почтальоны были обезглав-

лены. Такие мелкие военные меры служили лишь для того, чтобы досадить вампирам и подогреть их дьявольскую изобретательность для изобретения новых устройств. Однако с тех пор, как вступил в силу закон 1872 года, негодяи вынуждены были идти по тернистой дороге. Были произведены десятки арестов, и во многих случаях преступники были приговорены к тюремному заключению.

Даже перечислять приемы, которые с большим или меньшим успехом пробовали разные мошенники, было бы выше наших возможностей. Подарки различных видов являются наиболее распространенными и печально известными способами мошенничества, образуя отдельную отрасль бизнеса; но способов выманивания у доверчивых людей действительных денежных средств ради мнимых выгод, неисчислимое количество. Несколько примеров приведены здесь в качестве иллюстраций.

Возрождение старой игры

18 сентября 1875 года в Западной Вирджинии был арестован человек, который посылал жертвам письма, копия которых приводится ниже:

– В прошлую субботу от апоплексического удара умерла дама, которая жила вместе со мной. Она оставила сундук со следующим имуществом: одни очень красивые женские золотые часы и цепочку, одно женское золотое ожерелье, шесть женских колец, серьги и много дамской одежды. Среди прочего было письмо, адресованное вам. Я полагаю, что вы родственник покойного и хотите, чтобы сундук переслали вам. Когда мисс Томпсон умерла, она оставила неоплаченным счет за пансион на сумму \$ 20.50. Пожалуйста, пришлите эту сумму обратной почтой, и сундук будет отправлен вам немедленно.

Вместо того, чтобы перечислить деньги, как скромно просили, получательница одного из этих писем, дама, проживающая в Пенсильвании, послала письмо мэру города, где оно было датировано и получило почтовый штампель, а затем было передано специальному агенту Шаллкрессу, и ему в течение одного-двух дней удалось поймать негодяя.

Эта особая форма игры в доверие очень стара, однако, в год Господа нашего тысяча восемьсот семьдесят пятый мошенник с ее помощью преуспевает. Он не только обеспечи-

вает себя, но еще и умудряется щеголять с яркой женщиной!

Там, где письма адресованы мужчинам, предметы, обнаруженные в воображаемом сундуке, изменяются в соответствии с мужскими привычками и желаниями. Хотя авторы данных писем получают и ответы, среди которых есть довольно занимательные. Нижеследующее письмо, датированное давным-давно из небольшого городка на юге, может служить образцом:

Полковник СНОУДЕН,

– Дорогой сэръ, ваше письмо получено, и вы говорите, что Джон мертв. Бедняга! Я всегда этого ждал. Смерти случаются в семьях. Внезапно умер от обжорства – съел слишком много яблок. Ну, я всегда думал, что Джон навредит себе, поедая яблоки. Я полагаю, вы его похоронили. Вы ничего не сказали о расходах на похороны. У него был сундук, золотые часы в нем, и т. д. Ну и ну, какое неожиданное наследство! Но иногда происходят странные вещи. Никогда не думал, что мне так достанутся золотые часы. И часы у него были в сундуке, не так ли? Бедняга! Он всегда был так разборчив в своих часах. У него было два револьвера. Что же это такое? Я никогда не слышал, чтобы Джон что-нибудь говорил о них. Ну, вы были так добры, что написали мне; просто сохраните вещи, вы можете их забрать, но золотые часы, пришлите мне с курьером. Пошлите как можно скорее.

Искренне ваш,

ГЕО. СТРИМ

П. С. Моя теща говорит, что если будете проездом, звоните. Ей нравится знакомиться с такими хорошими, добрыми людьми.

Можно с уверенностью заключить, что "полковник Сноуден" так и не принял приглашение позвонить от гостеприимной тещи.

Грозное оружие

Летом и осенью 1875 года по всей стране были разосланы циркуляры, а в еженедельных выпусках нескольких ведущих газет Нью-Йорка и других крупных городов появились объявления, в которых говорилось о редких достоинствах оружия уничтожения под названием "Новый дешевый семизарядный револьвер Аллана". В качестве образца остроумного описания здесь воспроизводятся наиболее заметные части циркуляра:

“Представляя этот триумф механического гения американской публике, уместно сказать, что он не является совершенно новым изделием, но что в последнее время он был улучшен по внешнему виду; простота конструкции и точность делают эту модель во многих отношениях лучше тех, что были сделаны до этого. Производители, усовершенствовав условия для быстрого и дешевого изготовления револьвера, снизили цену до одного доллара пятидесяти центов; и хотя прибыль за один револьвер невелика, эта цена делает его доступным для всех.

Мы хотим, чтобы человек четко понимал, что это не дешевое, ни на что не годное "игрушечное ружье"; и хотя никто не может ожидать, что оно будет "серебряным" за \$1.50, они смеют надеяться, что улучшенный семизарядник, так необходимый обществу, стоит своих денег.

Большое внимание уделяется настройке каждого револьвера, поэтому все они одинаково хороши и надежны. В их производстве не обошлось без хлопот и расходов. Был изготовлен сложный и полный набор машин и калибров, с помощью которых все детали производятся совершенно одинаково, обеспечивая таким образом большую однородность в характере производимой работы.

Это замечательное оружие, одинаково полезное как для мира, так и для войны, предлагается уважаемой публике по низкой цене – \$1,50 за штуку, или \$13 за дюжину. Из-за дешевизны изобретатель предпочитает почту Экспрессу как средство доставки своих товаров. На самом деле он вообще отказывается покровительствовать экспресс-компаниям, если только предоплата в размере двадцати пяти процентов не сопровождает каждый заказ в качестве гарантии "добросовестности покупателя"

Поначалу предприятие превзошло даже самые оптимистические ожидания своего создателя, письма с вложенными деньгами сыпались сотнями. В течение нескольких месяцев, однако, после первой публикации объявления, "этот триумф механического гения", хотя и "не совсем новая статья", существовал только в обширном мозгу джентльмена, который имел величие различить в несовершенной работе предшественников зачатки идеального совершенства. Не имея семизарядников для отправки, он был вынужден игнорировать требования ожидающего "путешественника, моряка, охот-

ника, рыбака и т. д. Хотя он старательно откладывал в сторону все эти огласки, он совершенно забыл даже вспомнить своих покровителей, чтобы записать их имена.

В свое время, однако, "фабрика" вступила в строй, и семизарядники были фактически произведены. Механический "триумф", грубо сделанный из дешевой металлической композиции, является дубликатом игрушки, давно используемой мальчиками к радости друг друга и к досаде старших. Движущая сила находится в стальной пружине, которая имеет силу, достаточную, чтобы отправить заряд через большую комнату. Это оружие обойдется производителю примерно в шесть-восемь центов. Часть заказов была теперь выполнена, большая часть по-прежнему выбрасывалась в мусорную корзину, как и прежде.

На голову мошенника посыпались проклятия, громкие и проникновенные. Жалобы дошли до департамента, и специальный агент К. Э. Генри начал охоту на Wilcox & Co., из Виндзора, штат Огайо, ибо таково было направление в объявлениях и на циркуляре. Пройдя несколько миль от ближайшей железной дороги, он нашел деревню, где должен был находиться завод.

Руководствуясь различными соображениями, он наконец подъехал к небольшому фермерскому дому, где жили родители Wilcox & Co.

– Я ищу Мистера Уилкокса из фирмы Wilcox & Co.

– Это я, – сказал юноша лет двадцати двух, лицо которого

сразу же говорило о проницательности и хитрости. – Что вам угодно?

– Я хотел бы осмотреть Арсенал и оружейный завод, расположенные здесь, – ответил детектив, неторопливо оглядывая окрестности.

– Работы ведутся в Кливленде, – ответил великий изобретатель. – Вы можете увидеть их, позвонив туда.

– Но где же арсенал? Насколько я понимаю, он располагался именно здесь.

– Ваши сведения верны, – ответил молодой человек. – Вот он, через дорогу.

Бросив взгляд в указанном направлении, офицер увидел шаткий дровяной сарай размером примерно семь на девять футов.

Заметив улыбку удивленного недоверия, которая играла на лице его собеседника, Уилкокс повторил с видом наполовину оскорбленного достоинства.

– Вот именно. Мы держим там наши семизарядники. Но послушайте, прежде чем все это пойдет дальше, я хочу знать, кто вы такой.

– Конечно, сэр, – ответил незнакомец. – Вы не найдете во мне ничего такого, что я хотел бы скрыть. Я – специальный агент почтового ведомства, и мое дело – арестовать вас.

– Но что я такого сделал, чтобы заслужить такой визит? – вопрошала юная невинность.

– Я буду счастлив разъяснить вам это, – ответил сыщик, –

хотя боюсь, что просвещение придет слишком поздно, чтобы оказать вам большую услугу. Используя почту в целях мошенничества, вы нарушили законы страны и должны понести наказание.

– Но при чем тут мошенничество? – возразил Уилкоккс. – Я рекламировал семизарядник. Я ничего не говорил о револьвере. Он выстрелит семь раз, или в два раза больше, если вы только зарядите его. Если кто-то достаточно глуп, чтобы предположить, что я имел в виду револьвер, то это его проблема, а не моя.

– Мы не обязаны решать этот вопрос, – сказал специальный агент. – Это вопрос для суда и присяжных. Но вы должны поехать со мной в Кливленд. Так что готовьтесь.

Убедившись, что уговоры, доводы и увещевания бесполезны, великий механический гений собрал свою сумку, готовясь к путешествию. Оказавшись в пути, он стал общительным и объяснил причины, побудившие его пуститься в это предприятие.

– Во-первых, – сказал он, – я прочел жизнеописание Барнума и принял учение, что американцы любят, когда их обманывают. Я сам спланировал оружие, и, формулируя циркуляр, стремился охватить все пункты и держаться в рамках закона. Думаю, мне это удалось.

– Я позволю себе не согласиться, – возразил специальный агент. – Помимо общей лживости описания, есть конкретные утверждения, которые вы не можете оправдать.

– Я не вижу этого в таком свете, – ответил изобретатель семизарядника. – Я говорю: “Где бы они ни появлялись, они рекламируют себя”. – Ну, разве не так? Тот, кто его получит, будет склонен рассказать об этом своим соседям. Разве это не реклама сама по себе? Я также говорю: “продажа одного открывает рынок для дюжины в любом районе”, но заметьте, я не утверждаю, что в этом районе будет продано еще больше, даже если рынок открыт. Что касается моей гарантии, я гарантирую, что они будут такими же хорошими после трех лет использования, как и при первой покупке. Будете ли вы или любой суд ставить это под сомнение?

– Вас обвиняют в том, – сказал офицер, меняя тему разговора, – что вы пренебрегли многими заказами. Как вы это объясните?

– Ну, чтобы сделать оружие и заплатить почтовую пошлину, приходится ужасно сокращать прибыль, – последовал уникальный и характерный ответ.

Заказы начали поступать в ответ на циркуляр почти за пять месяцев до того, как первый стрелок вышел из рук фабриканта; и так как ни один из них никогда не был заполнен или даже записан, то невозможно подсчитать, сколько дураков долго следили за почтой в тревожном ожидании и, возможно, приписывали свое разочарование недобросовестности сотрудников отдела.

Конечно, газеты, напечатавшие это объявление, отвергли бы самозванца и разоблачили бы мошенничество, если бы

узнали правду. Самые скрупулезные и осторожные издатели часто обманываются в характере рекламы, которая приходит по обычным каналам бизнеса и кажется правдоподобной в их глазах. На самом деле религиозные журналы являются излюбленным средством передвижения мошенников. Збота газетчиков не только о своей репутации, но и об интересах своих покровителей нашла свое отражение в переписке, найденной у Уилкокса. Влиятельный западный журнал адресовал ему две заметки следующего содержания:

“Джентльмены: мы часто получаем письма от подписчиков, которые говорят, что они не получают ответов на письма, которые они посылают вам, содержащие деньги для "7-зарядника". Ну и что скажете? Вы что, мошенники?”

Уилкокс, хотя и был вполне способен ответить на эту загадку, не счел нужным этого делать, и поэтому 3 ноября те же самые стороны развернули свои силы, чтобы возобновить наступление.

—, Ноябрь. 3, 1875.

“WILCOX & CO. Мы уже писали вам однажды, что наши покровители жалуются нам, что вы не выполняете их кассовые заказы и не отвечаете на их письма с запросами, почему вы этого не делаете. Мы получили так много таких писем, что мы подозреваем, что что-то не так, и, если вы не объясните удовлетворительно, нам придется разоблачить вас”.

Поскольку специальный агент прибыл в тот же день, что и следователь, молодой человек не имел возможности дать

желаемое объяснение. В самом деле, сомнительно, чтобы человек, столь скромный и сдержанный в вопросах личных достоинств, ответил бы на этот вопрос, даже если бы ему было позволено потратить на это всю зиму.

Комиссар Соединенных Штатов, полностью признавая изобретательность циркуляра, несколько отличался от его автора в толковании его юридической конструкции и, соответственно, обязал его явиться в суд под залог в полторы тысячи долларов.

Сен-Жермен Бессмертный

(авт. Эндрю Ланг)

Среди лучших кратких шедевров художественной литературы – "Призраки и привидения" Литтона и "Зарубка на тополе" Теккеря в местных газетах¹. Оба имеют дело с таинственным существом, которое проходит сквозь века, богатым, могущественным, всегда за кулисами, приходя неизвестно откуда, и умирая, или притворяясь, что умирает, неясно— вы никогда не найдете подлинных свидетельств его болезни. В другие более поздние времена, при других дворах, такой человек появляется вновь и идет тем же путем роскоши, чудес и скрытой мощи.

Литтон вернулся к своей идее и развил ее в "Маркграфе странной истории", у которого нет "души" и который продлевает свою физическую и интеллектуальную жизнь с помощью эликсира. Маркграф не так уж плох, но он уступает герою, менее искусно созданному, из "Призраков и привидений". Рассказ Теккеря написан в тоне насмешливого мистицизма, но он признается, что ему нравится его собственная история, в которой странный герой на протяжении всех своих многочисленных жизней или появлений, а также на про-

¹ Оба приведены в сопроводительном томе, содержащем "старые английские" рассказы. Смотрите также первый рассказ в томе "Северная Европа". (Редактор).

тяжении всех бесчисленных романов, на которые он обреченно обрекает себя, сохраняет легкий немецко-еврейский акцент.

Мне кажется, что историческим оригиналом этих романтических персонажей является не кто иной, как таинственный граф де Сен-Жермен— конечно, не современный и нормальный французский солдат и министр 1707-1778 годов, носивший то же имя. Я нашел это имя с туманными намеками в неопубликованных письмах и рукописях о принце Карле Эдуарде Стюарте, и не всегда было ясно, идет ли речь о человеке действия или о человеке тайны. На тайну последнего, Бессмертного, я не могу пролить никакого Нового Света и говорю о нем только по одной причине. Аристотель уверяет нас в своей Поэтике, что самые известные мифы, драматизированные на Афинской сцене, были известны очень немногим Афинским зрителям. Нет ничего невозможного в том, что история Сен – Жермена, хотя она и кажется столь же знакомой, как миф об Эдипе или Тиесте, все же не может быть живо представлена в памяти каждого читателя. Всезнающий Ларусс из "универсального словаря", конечно, не знал ни одного очень доступного факта о Сен-Жермене, и я не видел, чтобы он упоминался в других версиях его легенды. Мы читаем у Ларуса: "о Сен-Жермене не слышали во Франции до 1750 года, когда он обосновался в Париже. Ни одно приключение не привлекло внимания к его существованию; известно было только, что он путешествовал по Европе, жил

в Италии, Голландии и Англии и носил имена Маркиза де Монтеферрата и графа де Белламье, которыми пользовался в Венеции".

Ласселль Рексаль в " замечательных приключениях "(1863) снова говорит: "Какова бы ни была правда в путешествиях Сен-Жермена по Англии и Ост-Индии, бесспорно, что с 1745 по 1755 года он занимал высокое положение в Вене", в то время как в Париже он не появлялся, по словам Рексаля до 1757 года, будучи привезен из Германии маршалом де Белль-Айлом, чьи "старые сапоги", – говорит шпион Макаллестер, принц Карл открыто проклинал, потому что они всегда были набиты проектами.– Теперь мы слышим, что Сен-Жермен под этим именем живет не в Вене, а в Лондоне, в тот самый момент, когда принц Чарльз, ускользнув от Камберленда, стоявшего со своей армией в Стоуне, в Стаффордшире, двинулся в Дерби. Гораций Уолпол пишет депешу во Флоренцию (9 декабря 1745 г.):

“Мы начинаем подбирать людей . . . на днях они схватили странного человека по имени граф Сен-Жермен. Он здесь уже два года и не говорит, кто он и откуда, но утверждает, что не носит своего настоящего имени. Он поет, чудесно играет на скрипке, сочиняет, безумен и не очень благоразумен. Его называют итальянцем, испанцем, поляком, человеком, который женился в Мексике на богачке и сбежал со всеми драгоценностями в Константинополь, священником, скрипачом, крупным аристократом. Принц Уэльский испытывал к нему

неутолимое любопытство, но тщетно. Однако против него ничего не было выдвинуто; его отпустили, что и убедило меня в том, что он не джентльмен, он остался здесь и говорит о том, что его приняли за шпиона”.

Вот наша самая ранняя подлинная заметка о Сен-Жермене, составленная его французскими учениками. С 1743 по 1745 год он жил в Лондоне под именем, которое впоследствии носил при французском дворе. Из упоминания о его драгоценностях (драгоценностях покинутой мексиканской невесты) явствует, что он был уже так же богат, как и впоследствии, когда его французские знакомые восхищались его драгоценностями. (Что касается того, что он "сумасшедший", Уолпол может сослаться на манеру Сен-Жермена говорить так, как будто он жил в далекие времена и знал знаменитых людей прошлого).

Увидев при дневном свете Сен-Жермена в Уолполе, узнав, что в декабре 1745 года он был арестован и допрошен как возможный якобитский агент, мы, естественно, ожидаем найти наши современные официальные документы о его допросе правительством. Существуют десятки таких записей, содержащих вопросы, заданные подозреваемым лицам, и ответы на них. Но мы тщетно просматриваем Ньюкаслские МСС., и государственные бумаги, внутренние, в архивной конторе, на предмет следов экспертизы Сен-Жермена. Я не знаю, чтобы он где-нибудь оставил свой след в официальных документах; он живет в более или менее легендарных воспо-

минаниях, один.

В какой именно день Сен-Жермен стал близким другом Людовика XV, герцога Шуазеля, г-жи де Помпадур и Маршала де Белль-Айла, никто не может установить. Авторы мемуаров – самые неопределенные из смертных в отношении дат; только один из них замечает, что Сен – Жермен был очень близок к французскому двору и высоко ценился королем, имея комнаты в Шамборе во время Семилетней войны и непосредственно перед началом мирных переговоров 1762-1763 годов. Искусство составления фальшивых или поддельных мемуаров того периода широко практиковалось; но мемуары г-жи дю Оссе, которая говорит о Сен-Жермене, подлинны. Она была вдовой бедного дворянина и одной из двух камеристок госпожи де Помпадур. Она объясняет, что ее рукопись была написана с помощью краткого дневника, который она вела во время своей службы. Однажды г-н Сенак де Мейлан застал брата г-жи де Помпадур, г-на де Мариньи, готовым сжечь пачку бумаг. Это дневник, – сказал он, – камеристки моей сестры, доброй, доброй женщины. Де Мейлан попросил рукопись, которую позже отдал господину Кроуфорду, из рода Килвиннингов, в графстве Эйршир, который позже помог бежать Людовику XVI и Марии Антуанетте в Варенн, где те были схвачены. С дневником Мадам дю Оссе было несколько писем к Мариньи по вопросам исторического анекдота².

² Один из них дает мадам де Вье-Мезон, автор “римского ключа”, “секретных

Кроуфорд опубликовал рукопись Мадам дю Оссе, которую ему дал де Мейлан, и мемуары, таким образом, они взяты из подлинного источника. Автор пишет, что Людовик XV всегда был добр к ней, но мало говорил с ней, тогда как г-жа де Помпадур заметила: "Король и я настолько доверяем вам, что обращаемся с вами, как с кошкой или собакой, и говорим свободно перед вами".

Что касается Сен-Жермена, то г-жа дю Оссе пишет: "К Г-же де Помпадур часто приходил человек, поразительный, как ведьма. Это был граф де Сен-Жермен, который хотел заставить людей поверить, что он прожил несколько столетий. Однажды мадам сказала ему, сидя перед зеркалом: "Что за человек был Франциск I, король, которого я могла бы полюбить?"

– Славный малый, – сказал Сен—Жермен, – слишком вспыльчивый ... я мог бы дать ему полезный совет, но он не стал бы слушать. Затем он в самых общих чертах описал красоту Марии Стюарт и Королевы Марго.

–Вы, кажется, видели их всех, – сказала г-жа де Помпадур,

мемуаров Персидского двора", в которых содержится раннее упоминание о человеке в Железной Маске (умер в 1703 году). Автор письма утверждает, что Д'Аржансон, знаменитый министр Людовика XV, сказал, что человек в железной маске был действительно человеком, которого Форт Пе де выбрал, "очень мало значащим", и что регент д'Орлеан был того же мнения. Это подтверждает мою теорию, что маска была всего лишь камердинером гугенотского заговорщика Ру де Марсильи, схваченного в Англии и заключенного в тюрьму, потому что он якобы знал какую—то страшную тайну, о которой он ничего не знал. Смотрите "Трагедия камердинера, Лонгманс", 1903 год.

смеясь.

– Иногда, – сказал Сен-Жермен, – я забавляюсь тем, что не заставляю людей верить, а позволяю им верить, что я жил с незапамятных времен.

– Но вы не говорите нам, сколько вам лет, и выдаете себя за очень старого человека. Госпожа де Жержи, бывшая пятьдесят лет тому назад женой французского посла в Венеции, говорит, что знала вас там и что вы нисколько не изменились.

– Это правда, Сударыня, что я давно знал госпожу де Жержи.

– Но, судя по ее рассказу, вам уже больше ста лет.

– Может быть, и так, но я допускаю, что еще более вероятно, что уважаемая леди уже преклонных лет.

В то время Сен-Жермен, говорит г-жа дю Оссе, выглядел лет на пятьдесят, не был ни худым, ни толстым, казался умным и одевался, как правило, просто, но с хорошим вкусом. Скажем, в 1760 году Сен-Жермен выглядел на пятьдесят, но, по словам мадам де Жержи, и в Венеции он выглядел на пятьдесят лет, в 1710 году. Мы видим, как приятно он оставил г-жу де Помпадур в сомнении по этому поводу.

Он делал вид, что владеет секретом удаления дефектов с бриллиантов. Король показал ему камень стоимостью в 6000 франков – без изъянов он стоил бы 10 000. Сен-Жермен сказал, что он может устранить изъян в течение месяца, и через месяц он вернул алмаз в безупречном состоянии. Король без всяких слов отослал его своему ювелиру, который дал за ка-

мень 9600 франков, но король вернул деньги и оставил драгоценный камень как диковинку. Вероятно, это был не первый камень, а другой, вырезанный таким же образом, и Сен-Жермен пожертвовал 3000 или 4000 франков на свою шутку. Он также сказал, что может увеличить размер жемчуга, что он мог бы доказать очень легко тем же самым способом. Он не стал бы угождать мадам де Помпадур, давая королю эликсир жизни: "я сойду с ума, если дам королю лекарство". Кажется, есть упоминание об этом желании мадам де Помпадур в совершенно неожиданном месте, в письме шпиона Пикля мистеру Воэну (1754)! Этот разговор мадам дю Оссе записала в день его появления.

И Людовик XV, и госпожа де Помпадур относились к Сен-Жермену как к важной персоне.

– Он шарлатан, потому что говорит, что у него есть эликсир, – сказал доктор Кенэ с медицинским скептицизмом. – К тому же наш господин, король, упрям, он иногда говорит о Сен-Жермене как о человеке знатного происхождения.

Эпоха была скептической, ненаучной и, судя по реакции, легковерной. Философы Юм, Вольтер и другие разоблачали, подобно гениальному американскому джентльмену, "ошибки Моисея". Граф Маришаль сказал Хьюму, что жизнь была создана химическим путем в лаборатории, так что же происходит с творением? Принц Чарльз, спрятанный в монастыре, обучался у мадемуазель Люси сенсационной философии Локка: "ничто в интеллекте не приходит через чувства" –

странная тема для изучения человеком меча. Но тридцать лет назад Регент Орлеанский ввел в моду разглядывание кристаллов, и истории о привидениях и втором зрении в высших кругах были популярны. Месмер еще не появился, чтобы дать новое начало старой дикой практике гипноза; Калиостро еще не был на сцене со своим свободным масонством древнеегипетской школы. Но люди уже пребывали в крайних сомнениях и вере, возможно, что-то есть в эликсире жизни и в Философском камне, возможно, можно было бы делать драгоценные камни химическим путем, и Сен-Жермен, которому, казалось, было не меньше ста лет, мог бы обладать всеми этими секретами.

Откуда взялось его богатство в драгоценных камнях, спрашивали люди, если не от какого-то таинственного знания или не от какого-то столь же таинственного и прославленного рождения?

Он показал мадам де Помпадур маленькую шкатулку, полную рубинов, топазов и бриллиантов. Г-жа де Помпадур позвала г-жу дю Оссе посмотреть на них; она была ослеплена, но скептически настроена и сделала знак, чтобы показать, что считает их пастообразными. Затем Граф продемонстрировал великолепный рубин, презрительно отбросив в сторону крест, усыпанный драгоценными камнями.

– Ни такой уж он ничтожный, – сказала г-жа дю Оссе, вешая его себе на шею. Граф умолял ее оставить драгоценность себе; она отказалась, и г-жа де Помпадур поддержала ее от-

каз. Но Сен-Жермен настаивал, и г-жа де Помпадур, решив, что крест может стоить сорок луидоров, сделала знак г-же дю Оссе, чтобы та согласилась. Она так и сделала, и драгоценность была оценена в 1500 франков, что едва ли доказывает, что другие крупные драгоценности были подлинными, хотя фон Гляйхен верил в это и считал кабинет старых мастеров графа очень ценным.

Пальцы, часы, Табакерка, пряжки для туфель, заклепки для подвязок, пасьянсы графа в праздничные дни все это горело бриллиантами и рубинами, которые однажды оценивались в 200 000 франков. Его богатство не было связано с картами или мошенничеством—на такие обвинения никогда не намекают; он не продавал ни эликсиров, ни пророчеств, ни посвящений. Его привычки, похоже, не были экстравагантными. Можно было бы считать его умным эксцентричным человеком, непризнанным ребенком какого-нибудь аристократа, вложившего свой капитал главным образом в драгоценные камни. Но Людовик XV, он относился к нему как к серьезному человеку и, вероятно, знал или думал, что знает тайну его рождения. Люди считали, что он незаконнорожденный сын короля Португалии, говорит Мадам дю Оссе. Возможно, самая остроумная и правдоподобная теория рождения Сен-Жермена делает его естественным сыном не короля Португалии, а королевы Испании. Улики – это не улики, а ряд предположений. Сен-Жермен, согласно этой теории, "спрятал свою задницу в тумане" (как у Чарльза Джейм-

са Фицджереймса Де Ла Плю), из уважения к характеру своей королевской мамы. Я верю в это примерно так же, как верю в то, что некий преподобный мистер Дуглас, упрямый священник-шабашник, был потомком плененной Марии Стюарт. Однако говорят, что Сен-Жермен, как и Каспар Хаузер, бормотал о смутных воспоминаниях своего детства, о развлечениях на великолепных террасах и о дворцах, сияющих под лазурным небом. Об этом сообщает фон Гляйхен, который знал его очень хорошо, но считал шарлатаном. Возможно, он хотел сказать, что он – Моисей и что он жил во дворцах Рамессидов. Могила пророка никогда не была известна, и Сен-Жермен, возможно, намекнул, что он начал новую жизнь в расселине горы Фасги; он был способен на это.

Однако менее дикое предположение утверждает, что в 1763 году секреты его рождения и источник его богатства были известны в Голландии. Авторитетом являются мемуары Гросли (1813). Гросли был археологом из Труа; он путешествовал по Италии и написал отчет о своих путешествиях; он также посетил Голландию и Англию, а позже, от голландца, он получил информацию о Сен-Жермене. Гросли был членом нашего Королевского общества, и я очень уважаю авторитет Ф. Р. С. Его последние годы были заняты составлением мемуаров, в том числе рассказом о том, что он делал и слышал в Голландии, и умер он в 1785 году. Согласно рассказу Гросли о том, что знал голландец, Сен-Жермен был сыном принцессы, бежавшей (очевидно, из Испании) в

Байонну, и португальского еврея, жившего в Бордо.

Что это за сказочная и беглая принцесса, за которой не зря ухаживал пылкий еврей? Она была, она должна была быть, как видел Гросли, героиней романа Виктора Гюго. Несчастный Карл II Испанский, своего рода "Маммет" (так англичане называли Ричарда II, который появился в Айле, сбежав из замка Помфрет), имел в качестве своей первой жены дочь Генриетты, любимую сестру нашего Карла II. Эта бездетная невеста, после нескольких призрачных лет супружества, после изгнания бесов при отвратительных обстоятельствах, умерла в феврале 1689 года. В мае 1690 года новая невеста, Мария де Нойборг, была привезена в страшную страну коронованного Маммета Испании. Она также не смогла предотвратить войны за Испанское наследство, дав наследника испанской короне. Скандальные хроники утверждают, что Марию избрали королевой Испании из-за легкомыслия ее характера и что корона, как и в Пиктской монархии, должна была перейти по женской линии; отцом принца мог быть кто угодно. Нужен был просто сын королевы Испании. Пока она была Королевой, у нее не было сына, но у нее был фаворит, граф Анданеро, которого она назначила министром финансов. "Он не был прирожденным графом", он был финансистом, этот фаворит королевы Испании. Эта дама действительно переехала жить в Байонну в 1706 году, через шесть лет после смерти своего мужа Карла II. Итак, существует гипотеза, что Сен-Жермен был сыном этой быв-

шей королевы Испании и финансового графа Анданеро, человека, "не рожденного в Графской среде" и легко превращенного традицией в еврейского банкира Бордо. Герцог Шуазель, которому не нравилась близость Людовика XV и двора с Сен-Жерменом, сказал, что граф был "сыном португальского еврея, который обманывает двор". Странно, что королю так часто позволено быть почти наедине с этим человеком, хотя, когда он выходит, его окружают стражники, как будто он всюду боится убийц. Этот анекдот взят из мемуаров Глейхена, который повидал мир на своем веку. Он умер в 1807 году.

Вполне логично предположить, что герцог де Шуазель знал то, что знали голландские банкиры – историю о том, что граф был ребенком принцессы, удалившейся в Байонну, а именно бывшей королевы Испании, и португальско-еврейского финансиста. Де Шуазель был готов принять еврейского отца, но считал, что в вопросе о королевской матери Сен-Жермен "обманул двор".

Королева Испании могла унести с собой любое количество бразильских алмазов. Подарки в виде бриллиантов от ее почти сумасшедшего мужа, должно быть, были одним из немногих утешений ее положения при дворе, нарушенном этикетом. Читатель современного рассказа мадам д'Аульной об испанском дворе знает, какая это была ужасная темница. Опять же, если бы граф родился в Байонне около 1706 года, то в 1760 году ему, естественно, было бы около пятидеся-

ти. Чистота, с которой он говорил по-немецки, и его знакомство с немецкими королевскими дворами (я не помню, чтобы Барри Линдон когда-либо встречался с ним) легко объяснимы, если у него была королевская немецкая мать. Но, увы! если он был сыном еврейского финансиста, португальца или эльзасца (как говорили некоторые), то, кем бы ни была его мать, она, вероятно, знала немецкий язык и любила драгоценные камни. Этот восточный вкус, как известно, живет в сердцах избранных людей³.

Гросли связывает Сен-Жермена с такой же загадочной дамой, как и он сам, которая тоже жила в Голландии, пользуясь богатством неизвестного источника, и Гросли склоняется к мысли, что граф попал во французскую тюрьму, где с ним обращались с необычайным уважением.

Фон Гляйхен, напротив, изображает графа, занимающегося любовью с дочерью госпожи Ламбер и живущего в доме ее матери. Здесь фон Гляйхен познакомился с человеком-загадкой и сблизился с ним. Фон Гляйхен считал его гораздо старше, чем он выглядел, но не верил в его эликсир.

Во всяком случае, он не был карточным шулером, мошенником, профессиональным медиумом или шпионом. Он

³ Voyage en Angleterre, 1770.— Нет, никогда не трясите передо мной своими окровавленными локонами..Доу не может сказать, что это сделал я."цитирует Пинто, героя "Зарубки на топоре" Теккерей. Он произнес это, между прочим, "Это сдилал я", из чего я знаю, что Пинто был немцем", — говорит Теккерей. Я почти не сомневаюсь, что Сен-Жермен тоже был немцем, то ли по материнской линии и княжеской крови, то ли наоборот.

проводил много вечеров почти наедине с Людовиком XV, который, когда дело касалось мужчин, любил, чтобы они были из хорошей семьи (в дамах он был гораздо менее разборчив). У графа были величественные манеры; с некоторыми знатными особами он обращался бесцеремонно, как будто был им по меньшей мере ровней. В общем, если он и не был настоящим сыном принцессы, то, вероятно, убедил Людовика XV в том, что он действительно происходит от этой голубой крови, и король будет иметь полный доступ к достоверной информации. Доводы Горация Уолпола о том, что Сен-Жермен "не джентльмен", едва ли кажутся убедительными.

Герцогу де Шуазелю не нравился модный Сен-Жермен. Он считал его обманщиком, даже когда деяния Бессмертного были совершенно безвредны. Насколько известно, его рецепт здоровья состоял в том, чтобы пить ужасную смесь под названием "Чай Сены", которую давали детям, когда я был маленьким мальчиком, и ничего не пить во время еды. Многие люди все еще соблюдают этот режим, как говорят, в интересах своей фигуры. Сен-Жермен часто бывал в доме де Шуазеля, но однажды, когда фон Гляйхен был там, министр вышел из себя. Он заметил, что его жена не пьет вина за обедом, и сказал ей, что она усвоила эту привычку воздерживаться от Сен-Жермена, так что он может делать все, что ему заблагорассудится. Гляйхен, который рассказывает этот анекдот, говорит, что присутствовал при том, как де Шуазель вышел из себя из-за своей жены. Неприязнь де Шуазеля печально

отразилась на карьере Сен-Жермена.

Обсуждая странную историю Шевалье д'Эона, мы видели, что Людовик XV забавлялся тем, что осуществлял секретный план фантастической дипломатии через подчиненных агентов, за спиной и без ведома своих ответственных министров. Герцог де Шуазель, как министр иностранных дел, был, по-видимому, лишен всякого представления об этих двойных интригах, а маршал де Белль-Айль, военный министр, очевидно, оставался в неведении, как и госпожа де Помпадур. Теперь фон Гляйхен утверждает, что маршал де Белль-Айль из Военного министерства начал новую тайную дипломатию за спиной де Шуазеля, в Министерстве иностранных дел. Король и г-жа де Помпадур (которая не была посвящена в общий замысел королевской тайны) были знакомы с тем, чего де Шуазель не должен был знать, а именно с планом Белль-Айла тайно заключить мир при посредничестве или, во всяком случае, при управлении Голландией. Все это должно было произойти до смерти маршала де Белль-Айла в 1761 году и, вероятно, де Бройль, который руководил регулярной старой тайной политикой Людовика XV, ничего не знал об этой новой тайной аванюре; во всяком случае, покойный герцог де Бройль ничего не говорит об этом в своей книге "Тайна короля"⁴.

Далее в рассказе фон Гляйхена говорится, что Сен-Жер-

⁴ Герцог де Бройль, как мне сообщили по секрету, не нашел никакого ключа к разгадке тайны Сен-Жермена.

мен предложил провести интригу в Гааге. Так как Людовик XV, несомненно, позволил этому девичьему Драгунскому капитану д'Эону руководить своей тайной политикой в Лондоне, то вполне вероятно, что он действительно доверил эту новую кабалу в Голландии Сен-Жермену, с которым он был очень близок. В Гаагу отправился Сен-Жермен, алмазы, рубины, чай из Сены и все прочее, и начал вести дипломатические переговоры с голландцами. Но постоянный французский посланник в Гааге, д'Аффри, узнал, что происходит за его спиной, – узнал потому, что был умнее других послов, или потому, что за такой незаурядной личностью, как Сен-Жермен, наверняка очень пристально следили, или потому, что голландцы не любили Бессмертного и говорили д'Аффри, что он делает. Д'Аффри написал де Шуазелю. Бессмертный, но сомнительный персонаж, сказал он, действовал в интересах Франции, ради мира, что было делом д'Аффри, если это вообще должно было быть сделано. Шуазель в ярости ответил тем же курьером: Сен-Жермен, – сказал он, – должен быть выдан, связан по рукам и ногам и отправлен в Бастилию. Шуазель подумал, что в этих почтенных стенах он мог бы практиковать свой режим и пить чай из Сены в интересах общественности. Тогда разгневанный министр пошел к королю, рассказал ему, какие приказания он отдал, и сказал, что, конечно, в таком случае излишне спрашивать о королевском разрешении. Людовик XV был разоблачен, как и маршал де Белль-Айль. Они покраснели и замолчали.

Следует помнить, что это сообщение о частном инциденте могло прийти к рассказчику, фон Гляйхену, только от де Шуазеля, с которым он якобы был близок. Король и Маршал Бель-Айль не захотели рассказывать о своем собственном поражении. Моло вероятно, что сам де Шуазель проговорился бы. Однако в анекдоте утверждается, что король и военный министр сочли за лучшее промолчать, и требование о выдаче Сен-Жермена было предъявлено в Гааге. Но голландцы не любили сдавать политических преступников. Они сделали Сен-Жермену намек; он ускользнул в Лондон, и в июне 1760 года лондонская газета опубликовала нечто вроде завуалированного интервью с ним.

Его имя, читаем мы, когда оно будет объявлено после его смерти, поразит мир больше, чем все чудеса его жизни. Он уже был в Англии (1743-17 -?); он-великий неизвестный. Никто не может обвинить его ни в чем нечестном или бесчестном. Когда он был здесь раньше, мы все были без ума от музыки, и поэтому он очаровал нас своей скрипкой. Но Италия знает его как знатока пластических искусств, а Германия восхищается в нем мастером химических наук. Во Франции, где он якобы владел секретом превращения металлов, полиция в течение двух лет искала и не могла найти ни одного нормального источника его богатства. Однажды сорокапятилетняя дама выпила целую бутылку его эликсира. Никто не узнал ее, потому что она превратилась в шестнадцатилетнюю девочку, не заметив превращения!

Говорят, что Сен-Жермен пробыл в Лондоне недолго. Гораций Уолпол больше не упоминает о нем, что странно, но, вероятно, граф больше не появлялся в обществе. Наша информация, главным образом от фон Гляйхена, становится очень туманной, предметом догадок, и действительно бесполезной. Графу приписывают большое участие в дворцовых заговорах Петербурга; он жил в Берлине и под именем Царогия при дворе маркграфа Аншпаха. Потом он отправился, говорят, в Италию, а оттуда на север к ландграфу Карлу Гессенскому, который увлекался алхимией. Здесь говорится, что он умер около 1780-1785 годов, оставив свои бумаги ландграфу, но все очень туманно после того, как он исчез из Парижа в 1760 году. Когда я в следующий раз встречаюсь с Сен-Жерменом, он снова в Париже, снова таинственно богат, снова скорее исчезает, чем умирает, он называет себя майором Фрейзером, и дата эта - последние годы жизни Луи-Филиппа. Мой авторитет может быть поставлен под сомнение; это авторитет покойного гениального Мистера Ван Дамма, который описывает майора Фрейзера в книге о персонажах Второй Империи. Он, по-видимому, не слышал о Сен-Жермене, о котором не упоминает.

Майор Фрейзер, несмотря на свое английское имя, определенно не был англичанином, хотя и говорил на этом языке. "Он был (как и Сен-Жермен)" одним из самых хорошо одетых людей того времени. . . . Он жил один и никогда не упоминал о своем происхождении. Он всегда был при день-

гах, хотя источники его дохода оставался для всех загадкой. Французская полиция тщетно пыталась установить происхождение финансов Сен-Жермена, вскрывая его письма на почте. Майор Фрейзер прекрасно знал все цивилизованные страны, хотя книг у него было очень мало. "Его память – это было что-то умопомрачительное. . . . Как ни странно, он часто намекал, что это не просто книжное знание. "Конечно, это совершенно нелепо, – заметил он со странной улыбкой, – но иногда мне кажется, что это пришло ко мне не из чтения, а из личного опыта. Временами я почти убеждаюсь, что жил с Нероном, что лично знал Данте и так далее". При смерти майора не было найдено ни одного письма, дающего ключ к его прошлому, и не было обнаружено никаких денег. Неужели он умер? Как и в случае с Сен-Жерменом, дата не указана. Автор предполагал, что майор был "незаконнорожденным сыном какого-то высокопоставленного лица" периода правления Карла IV и Фердинанда VII испанского⁵.

Автор не упоминает Сен-Жермена и, возможно, никогда о нем не слышал. Если его рассказ о майоре Фрейзере – не просто роман, то в этом воине мы имеем Бессмертного друга Людовика XV и мадам де Помпадур. Он пил в Медменхэме с Джеком Уилксом; как Риччио, он пел дуэты с прекраснейшей из несчастных Королев; он вытянул из Бланш де Бешамель тайну Гоби де Муши. Как Пинто, он многое рассказал о своей тайной истории мистеру Теккерею, который сказал:

⁵ An Englishman in Paris, том. i., стр. 130-133. London, 1892.

"мне очень жаль терять его после трех маленьких бумажек".
Неужели Сен-Жермен действительно умер во дворце принца Карла Гессенского около 1780-1785 годов? С другой стороны, не сбежал ли он из французской тюрьмы, где, по мнению Гросли, он его видел, во время Французской революции? Был ли он знаком с лордом Литтоном примерно в 1860 году? Был ли он тогда майором Фрейзером? Может быть, это таинственный Московский советник Далай-ламы? Кто знает? Он – блуждающий огонек среди мемуаристов восемнадцатого века. Всякий раз, когда вы думаете, что у вас есть шанс найти его в хороших подлинных государственных бумагах, он ускользает от вас; и если бы его существование не было подтверждено Горацием Уолполом, я склонен был бы считать его тем, кем Бетси Приг считала Миссис Гаррис.

Человек в железной маске

ЛЕГЕНДА

Тайна человека в Железной Маске, несмотря на приятное высказывание лорда Биконсфилда, является одной из самых захватывающих в истории. По странному совпадению, самая дикая легенда на эту тему и правильное объяснение проблемы были предложены миру в том же 1801 году. Согласно этой форме легенды, Человек в железной маске был подлинным Людовиком XIV, лишенным своих прав в пользу ребенка Анны Австрийской и Мазарини. Замурованный на островах Сент-Маргерит, в Каннском заливе (где вам показывают его камеру, выходящую на север, к солнечному городу), он женился и родил сына. Этот сын был привезен на Корсику, носил имя де Буона Парте и был предком Наполеона. Таким образом, Император был законным представителем дома Бурбонов.

Эта легенда была распространена в 1801 году и упоминается в прокламации роялистов Вандеи. В том же 1801 году Ру Фазайяк, горожанин и революционер-законодатель, опубликовал работу, в которой утверждал, что человек в Железной Маске (известный по слухам) был не одним человеком, а мифом, в котором смешались реальные факты, касающиеся

ся по меньшей мере двух человек. Несомненно, что Ру Фазайак был прав, а если он ошибался, то человек в железной маске был неизвестным камердинером французского происхождения, проживавшим в Англии, чье настоящее имя было Мартин.

Прежде чем мы перейдем к теме трагической истории этого бедного слуги, не мешало бы проследить развитие романтической легенды, расцветшей после смерти человека, чья Маска была не из железа, а из черного бархата. Позже мы покажем, как легенда пустила корни и расцвела с того момента, когда бедный камердинер Мартин (под тюремным псевдонимом "Юсташ Даугер") был замурован во французской крепости Пиньероль в Пьемонте (август 1669 года).

Этот человек, связанный с маской, впервые стал известен нам из своего рода записной книжки, которую вел Дю Юнка, лейтенант Бастилии. 18 сентября 1698 года он сообщает о прибытии нового губернатора Бастилии, г-на Де Сен-Марса, который привез с собой из своего последнего места, с островов Сент-Маргерит "старого узника", которого он держал в Пиньероле. Он держит пленника всегда в маске, его имя не произносится. . . и я поместил его одного в третью комнату башни Бертодер, снабдив ее несколькими днями раньше всем необходимым по приказу господина де Сен-Марса. За заключенным будет ухаживать господин де Розарж, - сказал офицер, следующий по старшинству под началом Сен-

Мари⁶.

Смерть заключенного была зафиксирована Ду Юнком 19 ноября 1703 года.

К этой записи мы вернемся позже.

Существование этого пленника было известно и возбуждало любопытство. 15 октября 1711 года княгиня Палатинская писала об этом случае Курфюрстине Софье Ганноверской: "в Бастилии долго жил человек в маске, и в маске он там умер. Рядом с ним стояли два мушкетера, готовые застрелить его, если он снимет маску. Он ел и спал в своей маске. Для этого, без сомнения, должна была быть какая-то веская причина, так как в остальном с ним очень хорошо обращались, он хорошо жил, ему давали все, что он хотел. Он принимал причастие в маске, был очень набожен и постоянно читал".

22 октября 1711 года принцесса пишет, что маска был английским дворянином, замешанным в заговоре герцога Бервика против Вильгельма III. Он был заключен в тюрьму и замаскирован, чтобы голландский узурпатор никогда не узнал, что с ним стало⁷.

Легенда теперь бытовала в обществе. Заместитель коменданта Бастилии с 1749 по 1787 год, Шевалье, заявил, очевидно на основании предания, что вся мебель и одежда мас-

⁶ Funck-Brentano, *Legendes et Archives de la Bastille*, pp. 86, 87. Paris, 1898, p. 277, факсимиле этой записи.

⁷ Сочин. цитата 98, примеч. I.

ки были уничтожены после его смерти, чтобы они не могли дать ключ к его личности. Говорят, Людовик XV сказал Мадам де Помпадур, что маска была "министром итальянского принца". Людовик XVI сказал Марии-Антуанетте (по словам мадам де Кампан), что маска была мантуанским интриганом, тем самым человеком, на которого указывал Людовик XV. Возможно, так оно и было, это одна из двух возможных альтернатив. Вольтер, в первом издании "Съкль де Луи XIV.," просто говорит о молодом, красивом узнике в маске, к которому относится с высочайшим уважением Лавуа, министр Людовика XIV. Наконец, в "Questions sur l'Encyclopedie" (второе издание), Вольтер утверждал, что Маска был сыном Анны Австрийской и Мазарини, старшим братом Людовика XIV. Различия описаны в данной заметке: "Маска был фактическим королем, Людовик XIV был сволочь". Другие считали его Джеймсом, герцогом Монмутским—или Мольером! В 1770 году Гейс отождествил его с Маттиоли, мантуанским интриганом, и особенно после появления книги Ру Фазайяка в 1801 году, это стало общепринятым мнением.

Отчасти это может быть правдой. Возможно, Маттиоли и был тем узником, который умер в Бастилии в ноябре 1703 года, но легенда о тюремной жизни маски, несомненно, возникла из приключений нашего камердинера Мартина или Юсташа Даугера.

История камердинера

Прочитав доводы защитников Маттиоли, я не мог не заметить, что каким бы ни был пленник, умерший в маске в Бастилии в 1703 году, камердинер Даугер был подлинным источником большинства легенд о человеке в Железной Маске. Исследование книги М. Лэра "Николя Фуке" (1890) подтвердило это мнение. Поэтому я обратился к источнику, которым французские историки пренебрегли, а именно к переписке английских послов, агентов и государственных деятелей за 1668, 1669 годы⁸.

Одним из результатов является подтверждение моей собственной дикой теории о том, что человек в Железной Маске (если это был Даугер) мог быть такой же великой загадкой для себя, как и для исторических исследователей. Он мог и не знать, за что его посадили в тюрьму! Более важным представляется вероятный вывод о том, что долгое и таинственное пленение Эсташа Даугера и еще одного совершенно безобидного камердинера и жертвы было всего лишь автоматическим результатом "бюрократической волокиты" старой французской абсолютной монархии. Эти несчастные были пойманы в сети системы и страдали без всякой цели, без всякого преступления. Эти двое, по крайней мере Да-

⁸ Бумаги находятся в Архиве; их содержание смотрите в следующем эссе "хозяин камердинера".

угер, были, по-видимому, всего лишь статистами в темной интриге заговорщика, известного как Ру де Марсильи.

Эта поистине отвратительная трагедия Ру де Марсильи – "другая история", о которой рассказывается в следующем очерке. Здесь достаточно сказать, что в 1669 году, когда Карл II заключал с Людовиком XIV знаменитый, или печально известный, тайный договор о союзе против Голландии и в пользу восстановления католицизма в Англии, Ру де Марсильи, французский гугенот, вел переговоры с Арлингтоном и другими в пользу протестантской лиги против Франции.

Когда в феврале 1669 года он отправился из Англии в Швейцарию, Марсильи оставил в Лондоне своего камердинера, прозванного им Мартином, который оставил службу и жил со своей семьей. Этот человек – "Юсташ Даугер" из нашей тайны. Это имя – его тюремный псевдоним, так как "Лестанг" был псевдонимом Маттиоли. Французскому правительству не терпелось наложить на него лапу, ибо, как явствует из писем Марсильи, он, несомненно, свободно перемещался между этим заговорщиком и его английскими хозяевами. Насколько Даугер был осведомлен, какое зло он мог причинить, оставалось неясным. Много или мало, но этот вопрос, как ни странно, в течение многих лет вызывал величайшее беспокойство у Людовика XIV и его министров. Вероятно, задолго до смерти Даугера (дата неизвестна, но прошло более двадцати пяти лет после казни Марсильи) его тайна, если она у него была, перестала быть важной. Но теперь

он был в тисках французской бюрократии, системы секретности, которая редко отпускала свою жертву. Его охраняли, как мы увидим, с такой неслыханной строгостью, что народная фантазия сразу приняла его за какую-то великую, может быть, царственную особу.

Марсильи был публично замучен до смерти в Париже 22 июня 1669 года. К 19 июля его бывший камердинер Даугер начал срок своего таинственного заключения. Как французы завладели им, поддался ли он на уговоры или был предан Карлом II, неизвестно. Французский посол в Сент-Джеймсе Кольбер (брат знаменитого министра) пишет так г-ну де Лиону в Париж 1 июля 1669⁹: “Господин Жоли говорил с человеком по имени Мартин (Даугер) и убедил его, что, отправившись во Францию и рассказав все, что он знает о Ру, он будет играть роль честного человека и хорошего подданного”.

Но Мартина все-таки не убедили!

Мартин ответил Жоли, что он вообще ничего не знает и что, попав во Францию, люди подумают, что он хорошо знаком с торговлей людьми Ру, и поэтому его будут держать в тюрьме, чтобы заставить рассказать то, чего он не знает.— Возможный человек в Железной Маске не знал своего собственного секрета! Но позже в разговоре Мартин по глупости признался, что знает очень много; возможно, он сделал это просто из фатального тщеславия. Однако он не пере-

⁹ Стенограммы из Парижского МСС., Том. xxxiii., архивное бюро.

правился во Францию, даже когда ему предложили охранную грамоту и обещали награду. Кольбер поэтому предлагает попросить Карла сдать камердинера, и, вероятно, Карл опустился до подлости. Во всяком случае, 19 июля Лувуа, военный министр Людовика XIV, приказал Сен – Марсу в Пиньероле в Пьемонте ожидать от Дюнкерка самого важного пленника—камердинера! Этот камердинер, которого теперь зовут Юсташ Даугер, мог быть только камердинером Марсильи, Мартином, которого так или иначе привезли из Англии в Дюнкерк. По крайней мере, едва ли можно себе представить, что когда 1 июля французская полиция "разыскивает" камердинера в Англии по политическим мотивам и когда к 19 июля они поймали камердинера чрезвычайной политической важности, то эти два камердинера должны быть двумя разными людьми. Мартин, должно быть, Даугер.

Итак, здесь, к 19 июля 1669 года, мы находим нашего несчастного слугу в трудах. Почему с ним обращаются с такой таинственной строгостью? Правда, государственные заключенные, о которых было очень мало сведений, содержались в строжайшей тайне. Но нельзя с уверенностью утверждать, что все они подвергались чрезвычайным мерам предосторожности, которые в случае с Даугером не ослабевали в течение двадцати пяти или тридцати лет. Король говорит, по словам Лувуа, что безопасность Даугера "имеет для него последнее значение". Он не должен ни с кем вступать в сношения. Его окна должны быть там, где никто не может

пройти. Несколько запертых на засов дверей, должны отрезать его от звуков человеческих голосов. Сам Сен-Марс, комендант, должен ежедневно кормить камердинера.

—Вы никогда, ни под каким предлогом не должны слушать то, что он может захотеть вам сказать. Вы должны угрожать ему смертью, если он скажет хоть слово, кроме того, что ему действительно нужно. Он всего лишь камердинер, и ему не нужно много мебели¹⁰.

Сен-Марс ответил, что в присутствии господина де Воруа, старшего офицера Дюнкерка (который доставил Даугера в Пиньероль), он пригрозил проткнуть Даугера насквозь, если тот посмеет заговорить даже с ним, Сен-Марсом. Он говорит, что никому из смертных не говорил об этом пленнике. Люди верят, что Даугер — маршал Франции, настолько странны и необычны меры предосторожности, принятые для его безопасности.

Маршал Франции! Легенда началась. В это время (1669 г.) Сен-Марс имел в своем распоряжении Фуке, великого павшего министра, самого богатого и опасного подданного Людовика XIV. Но это не они, это был камердинер, Доже, который вызвал "ощущение."

20 февраля 1672 года Сен-Марс из соображений экономии пожелал использовать Даугера в качестве камердинера Лазуна. Это доказывает, что Сен-Марс, в конце концов, не видел необходимости изолировать Даугера и не считал опа-

¹⁰ Письма напечатаны Ру Фазильяком, Юнгом, Лаэром и другими.

сения короля обоснованными. По мнению Сен-Марса, Даугер не хотел быть освобожденным, "никогда бы не попросил, чтобы его освободили". Тогда почему его так тщательно охраняли? Лувуа не позволил, чтобы Даугера поставили камердинером к Лазуну. В 1675 году, однако, он разрешил Даугеру быть камердинером Фуке, но с Лазуном, сказал Лувуа, Даугер не должен иметь отношений. Тогда у Фуке был еще один камердинер-пленник, Ла Ривьер. Этот человек, очевидно, не был обвинен ни в каком преступлении. У него был меланхолический характер и отечное тело. Фуке развлекался тем, что лечил его и учил читать.

В декабре 1678 года Сен-Марс, комендант тюрьмы, принес Фуке запечатанное письмо от Лувуа, причем печать не была сломана. Его собственный ответ тоже должен был быть запечатан, и Сен-Марс его не видел. Лувуа писал, что король хотел бы знать одну вещь, прежде чем дать свободу Фуке. Рассказал ли его камердинер Эсташ Даугер другому камердинеру, Ла Ривьеру, что он делал до приезда в Пиньероль? "Его Величество приказывает мне задать вам [Фуке] этот вопрос и ожидает, что вы ответите, ничего, кроме правды, чтобы он мог знать, какие меры следует принять", – это зависит от того, рассказал ли Даугер Ла Ривьеру историю своей прошлой жизни или нет¹¹.

Кроме того, сказал Лувуа, Лазуну никогда не разрешалось входить в комнату Фуке в присутствии Даугера. Самое смеш-

¹¹ Lair, Nicholas Foucquet, ii. pp. 463, 464.

ное, что благодаря дыре, вырытой в стене между его комнатой и комнатой Фуке, Лазун мог видеть Даугера, когда ему заблагорассудится.

Из письма Лувуа Фуке о Даугере (23 декабря 1678 года) ясно, что Людовик XIV через девять лет после ареста Даугере не испытывал более настоящей тревоги, чем желание скрыть то, что сделал Даугер. Очевидно, что сам Сен-Марс либо не был знаком с этой тайной, либо полагал, что Лувуа и король не знают о ней. Ему было приказано никогда не позволять Даугеру говорить ему об этом; ему не разрешалось видеть письма по этому поводу между Лазуном и Фуке. Мы до сих пор не знаем и никогда не узнаем, знал ли сам Даугер свою собственную тайну, или же (как он и предполагал) его заперли за то, что он не раскрыл того, чего не знал.

Ответ Фуке Лувуа, должно быть, убедил Луи в том, что Даугер не выдал его тайны другому камердинеру, Ла Ривьеру, так как теперь Фуке была предоставлена большая свобода. В 1679 году он мог увидеть свою семью, офицеров гарнизона и Лазуна—при условии, что Лазун и Даугер никогда не встретятся. В марте 1680 года Фуке умер, и с тех пор оба камердинера находились под строжайшей охраной: Даугер – потому что он должен был что-то знать; Ла Ривьер – потому что Даугер мог выдать ему настоящую или воображаемую тайну. Мы еще вернемся к этим бедным слугам, но здесь необходимо сказать, что за десять месяцев до смерти их господина Фуке в тюрьму Пиньероль был доставлен но-

вый важный пленник.

Этим пленником был другой претендент на звание маски, Граф Маттиоли, секретарь Герцога Мантуанского. Он был похищен на итальянской земле 2 мая 1679 года и поспешил в горную крепость Пиньероль, затем на французскую землю. Его преступление состояло в предательстве тайных переговоров о передаче города и крепости Казале герцогом Мантуанским Людовику XIV. Исчезновение Маттиоли было, конечно, известно всему миру. Причина его порабощения и место его пленения, Пиньероль, были предметом газетных комментариев, по крайней мере, еще в 1687 году. Еще раньше, в 1682 году, история ареста Маттиоли и его уединения в Пиньероле была опубликована в работе под названием "La Prudenza Trionfante di Casale"¹².

Таким образом, в то время о Маттиоли не было никакой тайны; его преступление и наказание были прекрасно известны студентам-политикам. Его считали загадочным человеком в железной маске, но в течение многих лет после ареста он был наименее загадочным из заключенных.

Итак, вот Маттиоли в Пиньероле в мае 1679 года. В то время как Фуке наслаждался относительной свободой, а Лазун замышлял побег или занимался оскорбительной любовью с Мадемуазель Фуке, Маттиоли жил на хлебе и воде страданий. Ему угрожали пытками, чтобы заставить его выдать какие-то бумаги, компрометирующие Людовика XIV, и прямо

¹² Brentano, op. cit., p. 117.

приказали, чтобы у него не было ничего, кроме самых необходимых вещей. Он должен был содержаться в тюрьме dans la dure. Короче говоря, его использовали не лучше, чем самого подлого из заключенных. Ужасная жизнь в изоляции, без работы, без книг, без письменных принадлежностей, без единого звука или звука человека, кроме тех случаев, когда Сен-Марс или его помощник приносили еду на день, сводила пленников с ума.

В январе 1680 года двое заключенных, монах¹³ и некто Дюбрейль сошли с ума. К 14 февраля 1680 года Маттиоли ежедневно беседовал с Богом и его ангелами. "Я думаю, что его мозг перевернулся", – говорит Сен-Марс. В марте 1680 года, как мы видели, Фуке умер. Пленников, не считая Лазуна (вскоре освобожденного), теперь было пятеро: 1) Маттиоли 2) Дюбрей 3) монах 4) Даугер и 5) Ла Ривьер. Эти двое, будучи нанятыми в качестве камердинеров, сохранили свое остроумие. После смерти Фуке Лувуа написал Сен-Марсу о двух лакеях. Лазун должен был поверить, что их выпустили на свободу, но на самом деле они должны были находиться под самой тщательной охраной в одной комнате. Они были заперты в одной из темниц "тур д'Эн бас". Даугер недавно сделал что-то, о чем Лувуа пишет: "Дайте мне знать, как Даугер мог сделать то, что вы мне говорите, и как он получил необходимые лекарства, так как я не могу предположить, что

¹³ Монах, который, Возможно, был этим монахом, появляется в следующем эссе

вы снабдили его ими" (10 июля 1680 года)¹⁴.

Итак, к июлю 1680 года оба камердинера заперты в одной темнице "тур д'Эн бас". К сентябрю Сен-Марс поместил Маттиоли вместе с безумным монахом в другую комнату той же башни. Он пишет: "Маттиоли почти так же безумен, как и Монах", который вставал с постели и проповедовал нагишом. Маттиоли вел себя так грубо и жестоко, что лейтенанту Сен-Марса пришлось показать ему кнут и пригрозить поркой. Это возымело свое действие. Маттиоли, чтобы помириться, предложил Блэнвилье ценное кольцо. Кольцо было сохранено, чтобы быть возвращенным ему, если Луи когда—нибудь отпустит его на свободу – случай, о котором не раз упоминалось в переписке.

По-видимому, Маттиоли теперь протрезвел, и ему, вероятно, предоставили отдельную комнату и камердинера; у него, конечно, был камердинер в Пиньероле позже. К маю 1681 года Даугер и Ла Ривьер все еще занимали свои общие покои в "тур д'Эн бас". Лувуа считал их самыми важными из пяти заключенных, находившихся тогда в Пиньероле. Именно они, а не Маттиоли, были пленниками, о безопасности и тайне которых больше всего беспокоились Луи и Лувуа. Это следует из письма Лувуа Сен-Марсу от 12 мая 1681 года. Тюремщик Сен-Марс будет переведен из Пиньероля в другую крепость. – Туда, – говорит Лувуа, – король желает доставить тех ваших пленников, которых он считает слишком важны-

¹⁴ Lair, Nicholas Foucquet, ii., pp. 476, 477.

ми, чтобы держать в других руках, кроме ваших.— Эти пленники-те двое, что находятся в нижней комнате башни, два камердинера, Даугер и Ла Ривьер.

Из письма Сен-Марса (июнь 1681 г.) мы знаем, что Маттиоли не был одним из них. Он говорит: " Я буду держать в изгнании двух птиц (мерлов), которых я здесь держу; они известны только как дворяне из низкой комнаты в башне; Маттиоли может остаться здесь, в Пиньероле, с другими пленниками " (Дюбрей и безумный монах). Именно в этот момент гражданин Ру (Фазильяк), пишущий в IX году Республики (1801), теряет связь с тайной¹⁵. Ру находит в государственных бумагах прибытие Эсташа Даугера в Пиньероль в 1669 году, но не знает, кто он. Он понимает, что маской должен быть либо Маттиоли, либо Даугер, либо монах. Но, упуская или не имея доступа к письму Сен-Марса от июня 1681 года, Ру утверждает, что пленниками, доставленными в Les Exiles, были монах и Маттиоли. Одним из них должна быть Маска, и Ру голосует за Маттиоли. Но он ошибается. Маттиоли, вне всякого сомнения, остался в Пиньероле.

Много споров возникло из-за этих слов, *deux merles*, "две тюремные птицы". Одна из них, как мы увидим, стала источником легенды о человеке в Железной Маске. "Как может несчастная тюремная птица (черный дрозд) быть маской?—спрашивает Месье Топин. "Вся мебель и белье разбойника были проданы за бесценок. Он получал только новый костюм

¹⁵ Recherches Historiques sur l'Homme au Masque de Fer, Paris. An. IX.

каждые три года.— Все это очень верно; но эта тюремная птица и его товарищ, по прямому выражению Лувуа, "заключенные слишком важны, чтобы их можно было доверить другим рукам, кроме ваших" —рукам Сен-Марса,—а Маттиоли настолько неважен, что его можно оставить в Пиньероле под присмотром Вильбуа.

Правда заключается в том, что преступление и наказание Маттиоли были хорошо известны европейским дипломатам и читателям книг. Кроме того, Казаль в это время был открыто уступлен Людовику XIV, и Маттиоли не мог рассказать миру больше, чем он уже знал. Но по какой-то непостижимой причине тайна, которую знал или подозревал Даугер, все больше и больше тревожила Лувуа и Луи. Что же он мог знать? Обвинения против его хозяина, Ру де Марсильи, были публично оглашены. Двенадцать лет прошло с тех пор, как Арлингтон заключил сделку с Марсильи. И все же Лувуа нервничал все больше и больше.

По его приказу 2 марта 1682 года оба камердинера, занимавшие до сих пор одну комнату в изгнании, как и в Пиньероле, были отрезаны от всякой связи друг с другом. Сен-Марс говорит: "С тех пор как я получил ваше письмо, я охранял эту пару так же строго и точно, как и г-на Фуке и г-на Лазуна, которые не могут похвастаться тем, что они посылали или получали какие-либо сведения. Днем и ночью два часовых сторожат свою башню, а из моих собственных окон открывается вид на часовых. Никто не разговаривает с моими

пленниками, кроме меня, моего лейтенанта, их духовника и доктора, который живет в восемнадцати милях отсюда и видит их только в моем присутствии". Прошли годы; в январе 1687 года один из двух пленников умер; мы действительно не знаем, кто именно с абсолютной уверенностью. Однако усиленная секретность, с которой теперь охраняли выжившего, кажется более подходящей для Даугера и месье Функа-Брентано, и месье Лэйр не сомневаются, что именно Ла Ривьер скончался. Он был болен водянкой, что фигурирует в официальной переписке, и погибший заключенный умер от водянки.

Что же касается странной секретности в отношении Даугера, то вот вам пример. Сен-Марс, в январе 1687 года, был назначен в крепость на остров Сент-Маргерит, в Каннском заливе. 20 января он просит разрешения поехать посмотреть свое маленькое королевство. Он должен оставить Даугера, но запретил даже своему лейтенанту разговаривать с этим пленником. Это было увеличение меры предосторожности с 1682 года. Он хочет увезти пленника на острова, но как? Лучше всего-паланкин, покрытый клеенкой. Носилки могут сломаться, как это часто бывает с носилками, и тогда кто-нибудь увидит пассажира.

Теперь же мосье Функ-Брентано говорит, чтобы свести к минимуму важность Даугера: "он был заперт, как большой багаж, в кресле, герметично закрытом клеенкой, и его несли восемь пьемонтских эстафет из четырех".

Багаж обычно не перевозят в герметически закрытых паланкинах, но Сен-Марс объяснил, почему из излишней предосторожности он не воспользовался носилками. Носилки могут сломаться, и Даугера могут заметить. Специально для Даугера в Сент-Маргерите была построена новая тюрьма стоимостью 5000 лир с большими солнечными комнатами. 3 мая 1687 года Сен-Марс вступил в свое островное царство, пленник которого был почти убит двенадцатью днями пути в закрытом кресле. Он снова возбудил крайнее любопытство. 8 января 1688 года Сен-Марс пишет, что весь мир считает его пленником либо сыном Оливера Кромвеля, либо герцога де Бофора¹⁶, которого больше никогда не видели ни живым, ни мертвым после ночного сражения на Крите 25 июня 1669 года, как раз перед арестом Даугера. Сен-Марс прислал записку с описанием всех расходов Даугера за 1687 год. Он говорит, что на самом деле не осмеливался посылать подобную вещь, чтобы, если счет попадет не в те руки, не выдал слишком много.

Между тем в одном итальянском новостном письме, скопированном в Лейденскую газету в августе 1687 года, сообщалось, что Маттиоли только что привезли из Пиньероля в Сент-Маргерит. О Маттиоли не было никакой тайны, история его пленения была опубликована в 1682 году, но пресса в одном пункте ошиблась: Маттиоли все еще находился в Пи-

¹⁶ Герцог де Бофор, которого Атос освобождает из тюрьмы у Дюма в “Двадцать лет спустя”.

ньероле. Известное появление на острове покойного коменданта Пиньероля Сен-Марса с единственным скрытым пленником, естественно, наводило на ошибочное предположение, что пленником был Маттиоли. Заключенным действительно был Даугер, оставшийся в живых из двух слуг.

С 1688 по 1691 никакого письма о Даугере не было опубликовано. По-видимому, он был тогда единственным заключенным на острове, за исключением одного Чезута, который был там до прибытия Даугера и отдал ему свою комнату, пока строились новые камеры. Между 1689 и 1693 годами на остров были доставлены шесть протестантских проповедников, а Лувуа, священник, умер в 1691 году, и его сменил Барбезье. 13 августа 1691 года Барбезье писал Сен-Марсу о пленнике, которого он охранял в течение двадцати лет. Единственным таким пленником был Даугер, который прибыл в Пиньероль в августе 1669 года. Маттиоли пробыл в плену всего двенадцать лет и находился в Пиньероле, а не в Сент-Маргерите, где теперь находился Сен-Марс. Сен-Марс ответил: "УВЕРЯЮ, ЧТО НИКТО КРОМЕ МЕНЯ ЕГО НЕ ВИДЕЛ".

К началу марта 1694 года Пиньероль подвергся бомбардировке со стороны врагов Франции; вскоре Людовик XIV был вынужден уступить его Савойе. Заключенные должны были быть вывезены. Маттиоли в Пиньероле в конце 1693 года попал в беду. Он и его камердинер пытались тайком вывезти письма, написанные на подкладках их карманов. Все это бы-

ло изъято и сожжено. 20 марта 1694 года Барбезье написал Лапраду, который теперь командовал в Пиньероле, что он должен доставить трех своих пленников, одного за другим, со всей секретностью, в Сент-Маргерит. Только Лапрад должен был дать им еды в дорогу. Военный офицер эскорта был предупрежден, чтобы он не задавал никаких вопросов. Уже 26 февраля 1694 года Барбезье сообщил Сен-Марсу, что эти пленники придут. Они имеют большее значение, по крайней мере один из них, чем заключенные на острове, и должны быть помещены в самые безопасные места. Этот "один", несомненно, Маттиоли. В 1681 году Лувуа считал Даугера и Ла Ривьера более важными людьми, чем Маттиоли, который в марте 1694 года приехал из Пиньероля в Сент – Маргерит. Теперь, в апреле 1694 года, на острове умер заключенный, у которого, как и у Маттиоли, был камердинер. Мы не слышали ни о каком другом заключенном на острове, кроме Маттиоли, у которого был камердинер. Письмо Сен-Марса (6 января 1696 года) доказывает, что ни у одного заключенного тогда не было камердинера, так как каждый заключенный собирал свои собственные грязные тарелки и блюда, складывал их в кучу и передавал лейтенанту.

Г-н Функ-Брентано утверждает, что в этом самом письме (6 января 1696 года) Сен-Марс говорит о "Les valets de messieurs les prisonniers". Но в этой части письма Сен-Марс не говорит о действительном положении дел в Сент-Маргерит, а описывает воспоминания о Фуке и Лазуне, у которых,

конечно, в Пигуэроле были лакеи и были деньги, как он указывает. У Даугера не было денег. Далее М. Функ-Брентано утверждает, что в начале 1694 года умер один из заключенных проповедников, Мельзак, и цитирует М. Юнга ("La Verite sur le Masque de Fer", стр. 91). Это странно, так как М. Юнг говорит, что Мельзак, или Мальзак, "умер в конце 1692 года или в начале 1693 года. Почему же тогда М. Функ-Брентано цитирует М. Юнга в связи со смертью проповедника в начале 1694 года, когда М. Юнг (предположительно) датирует кончину по меньшей мере годом раньше?¹⁷ Это не просто предположение, поскольку 3 марта 1693 года Барбезье просит Сен-Марса упомянуть его протестантских пленников под прозвищами. Их три, и Мальзак уже не один из них. Мальзак в 1692 году страдал ужасной болезнью, порочащей благочестивого человека, и в октябре 1692 года ему были разрешены медицинские расходы. Независимо от того, был ли среди них камердинер или нет, Мальзак, по-видимому, уже не существовал к марту 1693 года. Если бы у него был камердинер и если бы он умер в 1694 году, то почему его камердинера "заперли в сводчатой тюрьме"? Такова бы-

¹⁷ Заявление М. Функ-Брентано в *Revue Historique*, С. 298. "Мальзак умер в начале 1694 года", цитируя Юнга, стр. 91. Юнг пишет: "в начале 1694 года у Сен-Марса было шесть пленников, из которых один Мельзак умер. 269, 270) позднее пишет: "вероятно, что Мальзак умер в конце 1692 года или в начале 1693 года", и он приводит свои доводы, которые убедительны. М. Функ-Брентано, должно быть, упустил из виду изменение мнения М. Юнга между его стр. 91 и его стр. 269, 270.

ла судьба камердинера узника, который умер в апреле 1694 года и, вероятно, был Маттиоли.

У Маттиоли, конечно, был камердинер в декабре 1693 года в Пиньероле. Он отправился в Сент-Маргерит в марте 1694 года. В апреле 1694 года в Сент-Маргерите умер заключенный с камердинером. В январе 1696 года ни у одного заключенного в Сент-Маргерите не было камердинера. Поэтому существует сильное предположение, что "prisonnier au valet", который умер в апреле, был Маттиоли.

После декабря 1693 года, когда он был еще в Пиньероле, имя Маттиоли, свободно употреблявшееся ранее, никогда не встречается в переписке. Но мы все еще часто слышим о "l'ancien prisonnier", "старом узнике".— На первый взгляд, Даугер, он был самым старым заключенным. В 1688 году Сен-Марс, имея только одного пленника (Даугера), называет его просто "мой пленник". В 1691 году, когда у Сен-Марса было несколько пленников, Барбезье назвал Даугера "вашим двадцатилетним пленником". Когда в 1696-1698 годах Сен-Марс упоминает "mon ancien prisonnier", "мой давний пленник", он, очевидно, имеет в виду Даугера, а не Маттиоли—прежде всего, если Маттиоли умер в 1694 году. Г-н Функ-Брентано утверждает, что "mon ancien prisonnier" может означать только "мой бывший пленник, тот, кто был потерян и возвращен мне", то есть Маттиоли. Это не точка зрения г-на Юнга, г-на Лэйра или г-на Луазелера.

Претензии друзей Маттиоли во многом основываются на

этом письме Барбезье к Сен-Марсу (17 ноября 1697 года): "вы должны только следить за безопасностью всех ваших пленников, никогда никому не объясняя, что именно сделал ваш давний пленник. Эта тайна, как утверждают, относится и к Маттиоли. Но весь мир знал, что натворил Маттиоли. Никто не знал, и никто не знает, что сделал Эсташ Даугер. Это была одна из тайных империй. Эта тайна действует с тех пор, как Даугер был арестован в 1669 году. Сен-Марс (1669) не должен был спрашивать. Людовику XIV, если бы его камердинер Ла Ривьер не знал, что натворил Даугер, это могло бы только облегчить пленение Фуке (1678). Ла Ривьер (по-видимому, безобидный человек) жил и умер в заточении, единственная вина которого заключалась в том, что он, возможно, знал, что сделал Даугер. Следовательно, существует самое сильное предположение, что "ancien prisonnier" 1697 года – это Даугер, и что "то, что он сделал" (о чем Сен-Марс никому не должен говорить), было тем, что сделал Даугер, а не то, что сделал Маттиоли. Вся Европа знала, что сделал Маттиоли; вся его история была опубликована в 1682 и 1687 годах.

19 июля 1698 года Барбезье приказал Сен-Марсу принять командование Бастилией. Он должен привести своего "старого пленника", которого ни одна душа не должна видеть. Поэтому Сен-Марс привез своего человека в маске, точно так же, как в 1695 году из Прованса в Бастилию доставили другого пленника в маске. Г-н Функ-Брентано утверждает,

что Сен-Марс теперь очень любил своего старого Маттиоли, такого благородного, такого ученого.

Наконец, 18 сентября 1698 года Сен-Марс поселил своего "старого узника" в Бастилии. "Старого узника, которого он держал в Пиньероле", – говорится в дневнике лейтенанта Бастилии дю Жунка. Еду ему, как мы видели, приносил один только Розарж, "майор", джентльмен, который всегда был с Сен-Марсом. Как утверждает М. Функ-Брентано, все это доказывает, что пленник был джентльменом, а не камердинером. Почему? Во-первых, потому что Бастилия при Людовике XIV была "une prison de distinction". Однако господин Функ-Брентано говорит нам, что во времена Мазарини в Бастилии содержались "слуги, замешанные в королевских заговорах". Опять же, в 1701 году, в этой "благородной тюрьме" маску выгнали из комнаты, чтобы освободить место для гадалки-женщины, и ей пришлось дружить с распутным девятнадцатилетним лакеем и "нищим" плохим патриотом, который порицал поведение Франции и одобрял поведение других наций, особенно голландцев. М. Функ-Брентано сам публикует эти факты (1898), частично опубликованные ранее (1890) Лэйром¹⁸. Здесь не так уж много благородства! Далее, Если Розарж, джентльмен, подавал маске, то Сен-Марс один (1669 г.) относил еду камердинеру Даугеру. Таким образом, служба Розаржа не облагораживает маску и не отличает его от Даугера, которому еще более благородно

¹⁸ Legendes de la Bastille, pp. 86-89. Citing du Junca's Journal, April 30, 1701.

служил Сен-Марс.

19 ноября 1703 года Маска внезапно умерла (все еще в своей бархатной маске) и была похоронена 20-го числа. Церковная приходская книга называет его "Маркиали" или "Маркиоли", можно читать и так, и этак; Дю Жунка, лейтенант Бастилии, в своем новом дневнике называет его "Господин де Маршель". Так вот, Сен-Марс часто пишет имя Маттиоли, как "Матхиоли".

Это единственный сильный аргумент в пользу притязаний Маттиоли на маску. Г-н Лаэр пишет: "У Сен-Марса была мания хоронить заключенных под вымышленными именами", – и приводит примеры. Один из них – всего лишь садовник, Франсуа Элиар (1701), о котором прямо сказано, что, поскольку он заключенный, его настоящее имя не должно быть названо, поэтому он зарегистрирован как Пьер Маре (другие читают Navet, "Питер репа"). Если Сен-Марс, ища фальшивое имя для погребальной книги Даугера, наткнется на Марсильи (имя старого хозяина Даугера), то это может быть неправильно написано Маркиали. Как бы то ни было, возраст маски, безусловно, фальсифицирован; регистр дает "около сорока пяти лет". – Маттиоли было бы шестьдесят три, а Даугеру никак не меньше пятидесяти трех.

Так дело и обстоит. Если Маттиоли умер в апреле 1694 года, он не может быть человеком в Железной Маске. О смерти Даугера мы не находим никаких записей, если только он не был человеком в Железной Маске и не умер в 1703 году в

Бастилии. Конечно, в 1669 и 1688 годах он был в Пиньероле и Сент-Маргерите центром тайны о каком-то великом узнике, маршале Франции, герцоге де Бофоре или сыне Оливера Кромвеля. Маттиоли не был загадкой, никакой тайной. Даугер настолько загадочен, что, вероятно, тайна его тайны была неизвестна ему самому. К 1701 году, когда безвестные негодяи были заперты вместе с маской, тайна, какова бы ни была ее природа, перестала иметь значение. Теперь пленник был просто жертвой жестокой рутины. Но двадцать лет назад Сен-Марс сказал, что Даугер "легко принимает все, подчиняясь воле Бога и короля".

Итак, 1 июля 1669 года камердинер гугенотского интригана Ру де Марсильи, камердинер, проживавший в Англии и известный своему хозяину как Мартин, был "разыскан" французской тайной полицией. К 19 июля в Дюнкерк был доставлен камердинер высочайшей политической важности, несомненно, из Англии. Моя гипотеза предполагает, что этот камердинер, хотя теперь его называют "Эсташ Даугер", был "Мартеном Ру де Марсильи". В Пиньероле его держали в такой тайне, что легенда уже пошла своим чередом: пленный камердинер, как говорили, был маршалом Франции! Затем мы следуем за Даугером из Пиньероля в крепость изгнанников, пока в январе 1687 года не умирает один камердинер из пары, причем Даугер – один из них. Мы предполагаем, что Даугер остался в живых, потому что великая тайна все еще заключается в том, "что он сделал", тогда как другой камер-

динер ничего не сделал, но, возможно, знал тайну Даугера. Опять же, другой камердинер уже давно страдал водянкой, а тот, что умер в 1687 году, умер от водянки.

В 1688 году Даугер в Сент-Маргерите снова становится источником и центром мифов; его принимают за сына Оливера Кромвеля или за герцога де Бефора. В июне 1692 года один из гугенотских проповедников в Сен-Маргерите пишет это на своей рубашке и оловянной тарелке и выбрасывает их в окно¹⁹. Легенда приписывает эти действия человеку в Железной Маске и превращает оловянную чашку в серебряную тарелку. Теперь, в 1689-1693 годах, Маттиоли был в Пиньероле, а Даугер в Сент-Маргерите, и ему приписывают гугенотский акт. Таким образом, Даугер, а не Маттиоли, является центром, вокруг которого выкристаллизовываются мифы: легенды касаются его, а не Маттиоли, чей случай хорошо известен и не порождает никаких легенд. Наконец, мы показали, что Маттиоли, вероятно, умер в Сент-Маргерите в апреле 1694 года. Если так, то никто, кроме Даугера, не может быть тем "старым узником", которого Святая Мария в маске привела в Бастилию в сентябре 1698 года и который умер там в ноябре 1703 года. Однако предположим, что Маттиоли не умер в 1694 году, а был человеком в маске, который умер в Бастилии в 1703 году, тогда легенда о Даугере стала приписываться Маттиоли: судьбы этих двух людей объединены в одном мифе.

¹⁹ Министру Сент-Марс, июнь 4, 1692.

Центральная проблема остается нерешенной.

Что же натворил этот камердинер, Эсташ Даугер?²⁰

Хозяин камердинера

Секрет человека в железной маске или, по крайней мере, одного из двух лиц, претендующих на роль маски, заключался в следующем: "что сделал Эсташ Даугер?" Чтобы сохранить эту тайну, были приняты самые чрезвычайные меры предосторожности, как мы показали в предыдущем очерке. И все же, если бы тайна существовала, она могла бы быть узнанной самым простым способом. В "Виконте де Бражелоне" Дюма описывает свидание тайных охотников с умирающим вождем иезуитов на постоялом дворе в Фонтенбло. Они приезжают из разных мест, среди них Барон из Германии и Лорд из Шотландии, но приз получает Арамис. Он знает тайну маски, самую ценную для всех интриганов Общества Иисуса.

Теперь же, несмотря на все предосторожности Лувуа и Сен-Марса, несмотря на часовых, вечно дежуривших под окнами Даугера, несмотря на меры, которые не позволяли ему сигнализировать людям на склоне холма в Лес Эксайлс, несмотря на то, что он замалчивал даже статьи своих рас-

²⁰ Удивительно, что никто не узнал в маске Джеймса Стюарта (James de la Cloche), старшего из детей Карла II. Он приехал в Англию в 1668 году, был отправлен в Рим и "исчез из истории". См. "Тайна Джеймса де ла Клоша".

ходов, его тайна, если бы он знал ее, могла быть раскрыта, как мы уже отмечали, тем самым человеком, который наиболее склонен был использовать ее во вред, – Лазуном. Этот блестящий и безрассудный авантюрист мог видеть Даугера в тюрьме Пиньероль, когда ему заблагорассудится, так как он тайно проник в комнаты своего товарища по заключению Фуке, которого Даугер сопровождал в качестве камердинера. Лазун был освобожден вскоре после смерти Фуке. Маловероятно, что он купил свою свободу знанием тайны, и ничто не указывает на то, что он использовал ее (если она у него была) каким-либо другим способом.

Естественным ключом к предполагаемой тайне Даугера является изучение карьеры его хозяина Ру де Марсильи. Поскольку официальная история почти ничего не говорит о нем, мы можем изложить то, что можно почерпнуть из государственных бумаг в нашем архиве. Самое раннее – письмо Ру де Марсильи мистеру Джозефу Уильямсону, секретарю Лорда Арлингтона (декабрь 1668 года). Марсильи посылает Мартина (по нашей теории Юсташа Даугера), чтобы тот привез из Вильямсона два письма от своего собственного корреспондента в Париже. Он также просит Уильямсона раздобыть для него от Арлингтона охранный документ, поскольку ему грозит арест за какой-то долг, который его на самом деле не касается. Следующая бумага – "ободрение", полученное 28 декабря 1668 года, господином де Марсильи. Судя по тому, что письмо датировано 27 декабря, Марсильи должен

был находиться в Англии. Содержание этой статьи заслуживает внимания, потому что в ней показаны условия, на которых находились Марсильи и Арлингтон, или, по крайней мере, как Марсильи их понимал.

(1) Марсильи сообщает со слов своих друзей в Стокгольме, что король Швеции намерен сначала ходатайствовать перед Людовиком XIV в пользу французских гугенотов, а затем, если дипломатия потерпит неудачу, объединиться с другими протестантскими державами Европы.

(2) его корреспондент в Голландии узнает, что если король Англии предложит княжествам принять какое-либо "священное решение", они охотно предоставят свои войска. Нет лучшего лидера, чем английский король—Карл II! Марсильи показал письмо Арлингтона своему голландскому другу, и тот предложил ему обратиться к голландскому послу в Англии. Он уже обедал с этим дипломатом. Тогда Арлингтон зашел так далеко, что написал ободряющее письмо. Голландский посол только что сообщил Марсильи, что он получил ту же самую новость, а именно, что Голландия будет помогать гугенотам, преследуемым Людовиком XIV.

(3) в письмах из Прованса, Лангедока и Дофина говорится, что положение там не изменилось.

(4) кантонное управление Цюриха пишет, что они сдержат свои обещания и что Берн стремится угодить королю Великобритании и что он готов собрать вместе с Цюрихом 15 000 человек. Они не боятся Франции.

5) Цюрих опасается, что если Карл не будет представлен на следующем Сейме, то Бейль и Сен-Галль будут запуганы и не решатся вступить в Тройственный союз Испании, Голландии и Англии. Лучше всего Марсильи будет представлять Англию на Сейме 25 января 1669 года в сопровождении швейцарского генерала Бальтазара. Это побудит друзей "дать его британскому Величеству удовлетворение, которого он желает, и создаст тесный союз между Голландией, Швецией, Кантонами и другими протестантскими государствами".

Это звучит так, как будто Чарльз уже выразил какое-то "желание".

(6) Женева ворчит на ответ Карла "через епископа, который является их врагом", епископа Лондонского "гонителя нашей религии", то есть пресвитерианства. "Однако ничто не испугает женевцев", – сказал Си С. М. Б. Нил.

Затем в газете появляется пустое место. Далее следует копия письма, как бы от самого Карла II, к "правильным высококородным и благородным сеньорам Цюриха". Он узнал об их пожеланиях от Ру де Марсильи, которому поручил прислуживать им. "Я не стал бы писать своему Епископу Лондонскому, если бы был лучше осведомлен, но сам ответил бы на ваше любезное письмо и заверил бы вас, как и сейчас, что желаю этого. . . ."

Похоже, что это был черновик некоего письма, которое Марсильи хотел, чтобы Чарльз написал в Цюрих, и есть такой же черновик письма для Арлингтона, если он и Чарльз

пожелают отправить Марсильи в швейцарский Сейм. Голландский посол, с которым Марсильи обедал 26 декабря, констебль Кастилии и другие вельможи – все они считают, что ему следует посетить протестантских швейцарцев, от имени короля Англии. Речь идет о союзе Англии, Голландии, Испании и протестантских кантонов против Франции и Савойи.

В другом письме Марсильи к Арлингтону, датированном только четвергом, утверждается, что он никогда не сможет отплатить Арлингтону за его чрезвычайную доброту и щедрость: “Ни один человек в Англии не предан тебе больше, чем я, и будет предан всю свою жизнь”²¹.

В тот самый день, когда Марсильи составил для Карла свою собственную комиссию для заключения с Цюрихом Союза протестантов против Франции, Карл сам написал своей сестре, (мадам Генриетте Д'Орлеан). Он говорил о своем тайном договоре с Францией. “Вы знаете, как много секретности необходимо для ведения этого дела, и я уверяю вас, что здесь никто ничего не знает и не узнает, кроме меня и еще одного человека, пока это не станет достоянием гласности”²². (Неужели “этот единственный человек” – Де ла Клош?)

Таким образом, Марсильи думал, что Чарльз почти помолвлен с Протестантской Лигой, в то время как Карл тайно

²¹ State Papers, France, т. 125, 106.

²² Madame (авт. Julia Cartwright, стр. 275).

объединялся с Францией против Голландии. Арлингтон, вероятно, был не менее обманут Чарльзом, чем был Марсильи.

Доля епископа Лондонского в сделках с Цюрихом неясна.

Похоже, что Арлингтон сознательно не обманывал Марсильи. 12 февраля мадам писала Арлингтону: “привязанность этого человека к голландцам и его склонность к Испании слишком хорошо известны”²³. Только 25 апреля 1669 года Чарльз говорит своей сестре, что Арлингтон подозревает о его тайных связях с Францией; откуда он это знает, Чарльз сказать не может²⁴. Мы не можем установить, как далеко сам Карл ввел в заблуждение Марсильи, отправившегося на континент ранней весной 1669 года. До 15-25 мая 1669 года, фактически 14 апреля, Марсильи был похищен агентами Людовика XIV, и его гибель была ужасна. Вот отчет об этом деле, написанный Первичу в Париже:

Господину В. Первичу

Париж, 25 Мая 69 Года.

Почтенный Сэр,

Кантоны Швейцарии очень обеспокоены тем, что французский король послал пятнадцать всадников в Швейцарию, откуда сеньор де Маниль, представитель короля, сообщил о том, что сеньор Ру де Марсильи ведет переговоры о вступлении кантонов в тройную лигу при помощи переговоров, весьма неблагоприятных для Франции, он создает плохое

²³ Ibid., стр. 281.

²⁴ Ibid., стр. 285.

впечатление о правительстве французского короля. Сообщение доставлял монах, составлявший ему компанию. Оно было перехвачено упомянутыми всадниками, привезенными во Францию, и которых ожидали в Бастилии. Я думаю, вы знаете этого человека. . . . Я помню его еще в Англии.

Может ли этот монах быть тем самым монахом, который сошел с ума в тюрьме Пиньероль, деля келью с Маттиоли? Неужели он тоже пострадал из-за своей связи с тайной? Мы не знаем, но положение Карла было неловким. Марсильи, имевший дело со швейцарцами, прибыл прямо из Англии, где находился вместе с министром Карла Арлингтоном, а также с голландским и испанским послами. Король упоминает об этом в письме к своей сестре от 24 мая 1669 года (неверно истолкованном Мисс Картрайт 24 мая 1668 года)²⁵.

"Я надеюсь, что вы получили полное удовлетворение от последней должности в деле Марсильяка [Марсильи], для моего ЛД. Арлингтон прислал мистеру Монтегию [английскому послу в Париже] свою историю за все время его пребывания здесь, из которой вы увидите, как мало он пользовался здесь доверием, и что особенно милорд Арлингтон не был в его благосклонности, потому что он не получил того удовлетворения в своих переговорах, которого ожидал, и это было только в отношении швейцарцев, и поэтому я думаю, что сказал достаточно об этом деле".

Чарльз воспринял это легко!

²⁵ Madame (авт. Julia Cartwright), стр. 264.

15/25 мая Монтегю принял письмо Арлингтона, на которое ссылается Чарльз; к нему обратился, как к Марсильи, испанский резидент, "но я не мог сказать, как что-либо сделать в этом деле, никогда не слышал об этом человеке или о том, что он был нанят моим хозяином (Чарльзом) для какого-либо дела. Я послал вам также копию письма, написанного мне неизвестным англичанином от имени Ру де Марсильи, но оно не пришло по почте, так как "слишком секретно"²⁶.

Франция была хорошо осведомлена о Марсильи, пока он находился в Англии. Тогда у него были секретарь, два лакея и камердинер, и он часто совещался с Арлингтоном и испанским послом при Английском Дворе. Кольбер, французский посол в Лондоне, написал все это французскому правительству 25 апреля, еще до того, как узнал об аресте Марсильи²⁷.

Вера в то, что Марсильи был агентом Карла, по-видимому, была общепринятой и, если бы ее принял Людовик XIV, то она помешала бы частным переговорам Карла о заключении секретного договора с Францией. 18 мая принц д'Аремберг написал на эту тему испанскому послу в Париже. Марсильи, по его словам, был арестован в Швейцарии, по пути в Берн, вместе с монахом, который также был схвачен, и, что любопытно, камердинер Марсильи был убит в ходе борьбы. Этот камердинер, разумеется, не был Даугером,

²⁶ State Papers, France, т. 126.

²⁷ Bibl. Nat., Fonds. Francais, No. 10665.

которого Марсильи оставил в Англии. Marsilly " doit avoir demande la protection du Roy de la Grande Bretagne en faveur des Religionaires (Huguenots) de France, et passer en Suisse avec quelque commission de sa part.— Д'Аремберг просит испанского посла передать все это Монтегю, английскому послу в Париже, но Монтегю, вероятно, как и Первич, ничего не знал об этом деле, так же как и о тайных отношениях Карла с Людовиком через посредничество мадам д'Аремберг²⁸..

К письму д'Аремберга приколота неподписанная английская записка, очевидно предназначенная для чтения Арлингтоном.

— Ру де Марсильи все еще находится в Бастилии, хотя его хотят повесить, но все еще не знают, что с ним делать. Де Лионн был вынужден допросить его дважды или трижды, но у него нет никаких доказательств против него: “Он говорит, что так велел французский король, что в его бумагах есть упоминание о герцоге Баксе и Ваше имя, и говорит он так, как будто вы ему очень доверяете. Я поинтересовался, что это за Марсильи, и нашел там одного Господина. Марсильи, с которым я знаком — человек знатный, имя же этого человека — Ру, он родился в Нисме и был прежде солдатом в его отряде, с тех пор взял его имя, чтобы получить больше доверия в Швейцарии, где он, Марсильи, раньше служил у Маршала де Шомберга, который вторгся в Швейцарию”.

Далее мы находим очень любопытное письмо, из которого

²⁸ State Papers, France. vol. 126.

следует, что французское правительство склонялось считать Марсильи фактически агентом Карла, но считало более разумным выдвинуть против него обвинение в заговоре против жизни Людовика XIV. По этому или другому обвинению он был казнен, в то время как подозрение, что он был агентом английского вероломства, возможно, было истинной причиной решимости уничтожить его. Бальтазар, с которым Марсильи оставил свои бумаги, упоминается им с похвалой в его послании для Арлингтона от 27 декабря 1668 года. Это тот самый генерал, который должен был сопровождать Марсильи на сейм.

Содержание письма (полностью приведенного в примечании I) сводится к следующему. П. дю Мулен (Париж, 19/29 мая 1669 г.) пишет Арлингтону. С тех пор как Рувины, покойный французский посол, протестант, находился в Англии, французское правительство стремилось похитить Ру де Марсильи. Они охотились за ним в Англии, Голландии, Фландрии и Франш-Конте. Как мы знаем из дела Маттиоли, правительство Людовика XIV было бессовестно дерзким в нарушении законов наций и захвате враждебных лиц на чужой территории, как это сделал Наполеон в деле герцога Энгиенского. Когда все потерпело неудачу, Луи приказал Тюренну захватить Ру де Марсильи, где бы тот ни находился. Тюренн послал офицеров и джентльменов за границу, и после четырехмесячных поисков они нашли Марсильи в Швейцарии. Они взяли его, когда он вышел из до-

ма своего друга генерала Бальтазара, и отвезли в Жекс. Никаких бумаг при нем не нашли, но он попросил своих тюремщиков послать к Бальтазару и получить "поручение из Англии", которое, по его мнению, должно было обеспечить ему безопасность официального дипломатического положения. Получив этот документ, похитители Марсильи отнесли его французским министрам. Если бы это было правдой, то ничто не могло бы вызвать большего смущения у представителя Чарльза во Франции Монтегю и у тайных переговоров Чарльза, а также у Арлингтона, который имел дело с Марсильи. Со своей стороны пленник Марсильи постоянно утверждал, что он посланник короля Англии. В Париже часто говорили, что в Бастилии находится агент Карла, хотя при дворе делали вид, что ничего об этом не знают.— Луи был вне себя от радости, узнав, что Марсильи поймали, и выдал, что он замышляет заговор против его жизни. Мосье сказал Монтегю, что ему незачем умолять о пощаде такого потенциального убийцы, как Марсильи. Но что касается этой идеи, то "теперь при дворе ее начинают оттачивать", и Рувиньи заверил Дю Мулена, "что у них не было таких мыслей".— Де Лионн видел Марсильи и заметил, что схватить его было бы большой ошибкой. Французское правительство нервничало, и секретарь Тюренна "выспрашивал" у нескольких послов, что они думают о захвате Марсильи на чужой территории. Один из послов сказал, что крестовый поход всей Европы против Франции, как в старину против мусульман,

будет необходим. Будет ли Шарль, спросил Дю Мулен, владеть Марсильи или отречется от него?

Теперь положение Монтегю было неловким. 23 мая его отчет об этом деле был зачитан в Уайтхолле иностранному комитету в Лондоне. (Этот документ см. в примечании II). Он не осмеливался вмешиваться в дела Марсильи, потому что не знал, является ли этот человек агентом Чарльза или нет. Таковы неудобства тайной королевской дипломатии, осуществляемой за спиной министров. Людовик XV позднее использовал этот метод с неловкими последствиями²⁹. Французский двор, по словам Монтегю, был вне себя от радости по поводу взятия Марсильи, и за его голову была назначена награда в 100 тысяч крон, “как мне сказали очень конфиденциально”. Французский посол в Англии Кольбер сообщил, что Карл послал Марсильи втянуть швейцарцев в тройную Лигу против Франции. Монтегю попытался успокоить Мосье (шурина Чарльза), но сам был совершенно сбит с толку. Поскольку жена Мосье, сестра Карла, работала вместе с Карлом над секретным договором с Людовиком, государственная и семейная политика явно были связаны узлом. Тем временем испанский посол продолжал настаивать на том, чтобы Монтегю вмешался в дело Марсильи. После того, как озадаченная записка Монтегю была зачитана английскому комитету иностранных дел 23 мая, Арлингтон предложил свои объяснения. Марсильи приехал в Англию,

²⁹ Cf. *Le Secret du Roi*, by the Duc de Broglie.

сказал он, когда Карл вступал в переговоры о мире с Голландией и когда Франция, по-видимому, была готова выступить против этого мира. Ему самому не было сделано никакого предложения. Заключив мир, Марсильи получил деньги, чтобы уехать из страны. Он хотел, чтобы король возобновил свой союз со швейцарскими кантонами, но ему сказали, что кантоны должны сначала изгнать цареубийц Карла I. Он взялся устроить это и примерно через восемь месяцев вернулся в Англию. – “Его хладнокровно использовали, а на меня жаловались за то, что я недостаточно хорошо использовал столь важного человека”.

Как мы видели, Марсильи выразил самую бурную благодарность Арлингтону, что не предполагает использования холода. Арлингтон сказал жалобщикам, что Марсильи был “чужим шпионом”, но каким именно – голландским, испанским или даже французским – он не объясняет. Поэтому Чарльз дал Марсильи денег, чтобы он уехала. Ему никогда не доверяли ничего, кроме изгнания цареубийц из Швейцарии. Чарльз приказал Арлингтону написать письмо с благодарностью Бальтазару за его добрые услуги.

Эти объяснения Арлингтона не совпадают с сообщениями Марсильи, которые он получил в начале своего расследования. В них ничего не говорится о вывозе цареубийц Карла I из Швейцарии. Статья целиком посвящена тому, чтобы вовлечь протестантские кантоны в антифранцузский союз с Англией, Голландией, Испанией и даже Швецией. С другой

стороны, признанное письмо Арлингтона к Бальтазару, переданное Марсильи, может быть "поручением", которым Марсильи хвастался. Во всяком случае, 2 июня Карл дал Кольберу, французскому послу, аудиенцию, выгнав из зала даже герцога Йоркского. Затем он повторил Кольберу уже цитированные объяснения Арлингтона, и Арлингтон в отдельном интервью подтвердил слова Чарльза. Так Кольбер писал Людовику (3 июня 1669 года), но в тот же день де Лиону: "я надеюсь, что вы извлечете из Марсильи много пользы для службы королю. Мне показалось, что милорд д'Арлингтон был обеспокоен этим [en avait de l'inquietude]. . . . Здесь, в Англии, есть некто Мартин (Юстас Даугер), который был камердинером этого негодяя и оставил его недовольным.— Тогда Кольбер предлагает допросить Мартина, который, возможно, много знает, и отправить его во Францию. 10 июня Кольбер пишет Луи, что он ожидает увидеть Мартина³⁰.

24 июня Кольбер написал Людовику о разговоре с Карлом. Совершенно очевидно, что доказательства заговора Марсильи об убийстве были скудны или вообще отсутствовали, хотя Кольбер утверждал, что Марсильи обсуждал этот вопрос с испанскими министрами. Чарльз знал, что у него было много разговоров с Изолой, испанским послом. Тем временем вплоть до 1 июля Кольбер пытался убедить камердинера Марсильи отправиться во Францию, но тот, как мы уже видели, отказался. Однако невезучий парень кивками и за-

³⁰ Bibl. Nat., Fonds. Francais, No. 10665.

вуалированными словами дал понять, что знает очень много. Но не обещанием безопасности и награды можно было заставить камердинера вернуться во Францию. "Я мог бы попросить короля выдать мне Мартина, камердинера Марсильи", – заключает Кольбер и всеми правдами и неправдами добивается, как мы уже видели, выдачи несчастного. В постскриптуме Кольбер говорит, что слышал о казни Марсильи.

К 19 июля, как мы видели в предыдущем очерке, Лувау приказал Сен-Марсу ожидать в Пиньероле из Дюнкерка пленника высшей политической важности, охраняемого с величайшей секретностью, но все же камердинера. Этот камердинер, должно быть, Мартин, которого теперь зовут Эсташ Даугер, и его тайна может быть связана только с Марсильи. Возможно, это было что-то о переговорах Арлингтона через Марсильи, поскольку компрометирующие Карла II объяснения Арлингтона иностранному комитету были, безусловно, неполными и неискренними. Он, если не Чарльз, был более глубоко увлечен Марсильи, чем осмеливался сообщить. Но сам Марсильи признался, что не знает, за что его казнят.

Казнен он был при обстоятельствах поистине отвратительных. Первич 5 июня писал неназванному корреспонденту в Англии: "у них есть все его бумаги, которые много говорят о тройственном союзе, но я не знаю, могут ли они законно повесить его за это, будучи натурализованным в Голландии и взятым в привилегированной стране" (Швейцария).

Монтегю (Париж, 22 июня 1669 года) пишет Арлингтону, что Марсильи должен умереть, как было решено, за "изнасилование, которое он ранее совершил в Нисмесе", и после казни, 26 июня, он заявляет, что, будучи сломанным на колесе, Марсильи "все еще настаивал, что он ни в чем не виновен и не знал, почему его казнили".

Как и Эсташ Даугер, Марсильи утверждал, что не знает своей собственной тайны. Обвинение в изнасиловании, совершенном давным-давно в Нисмесе, было явно сфабриковано, чтобы скрыть истинную причину необычайной мстительности, с которой его преследовали, незаконно захватили и варварски убили. Простое протестантское беспокойство с его стороны едва ли может служить объяснением. Очевидно, не было никаких доказательств обвинения в заговоре с целью убийства Людовика XIV, в которые Кольбер, по-видимому, верил в Англии. Даже если французское правительство считало его одновременно агентом Карла II и потенциальным убийцей Людовика XIV, это вряд ли объясняет ту напряженную секретность, с которой его камердинер Эсташ Даугер всегда был окружен. Может быть, Марсильи знал о тайном договоре, и именно от него Арлингтон впервые узнал о королевском заговоре? Если бы это было так, Марсильи, вероятно, раскрыл бы эту тайну в интересах протестантов. Мы совершенно сбиты с толку.

Во всяком случае, Фрэнсис Вернон, пишущий из Парижа Уильямсону (?) (19/25 июня 1669 года), дал ужасный от-

чет о смерти Марсильи (о письме см. Примечание V). Осколком стекла (как мы узнаем из другого источника) Марсильи в тюрьме нанес себе страшную рану, вероятно, надеясь умереть от потери крови. Они опалили его раскаленным железом и поспешили казнить. Он был сломан на колесе и умирал два часа (22 июня). Вопреки обычаю, к нему на эшафот привели протестантского проповедника. Он пришел крайне неохотно, ожидая оскорбления, но фанатичная толпа не произнесла ни одной насмешки. Он взошел на эшафот, и вокруг воцарилась великая тишина, Марсильи лежал обнаженный, растянувшись на Андреевском кресте. Он казался полумертвым, голова его безвольно висела, "как у поникшего теленка". Чтобы приветствовать служителя своей веры, он поднялся, к всеобщему удивлению, и заговорил громко и ясно. Он полностью отрицал свою причастность к заговору с целью убийства Луи. Остальное можно прочитать в оригинале письма.

Так погиб Ру де Марсильи; история хозяина не проливает никакого света на тайну слуги. Эта тайна в течение многих лет вызывала сильнейшее беспокойство Людовика XIV и Лувуа. Сам Сен-Марс не должен вмешиваться в это дело. Но что мог знать Даугер? Что там был заговор против жизни короля? Но таковы были публичные разговоры Парижа. Если бы Даугер обладал преступным знанием, он мог бы заплатить за это жизнью; зачем держать его тайным узником? Знал ли он, что Карл II был виновен в двойных сделках в

1668-1669 годах? Вероятно, Карл сделал какие-то предложения швейцарцам, закрыв глаза на свои личные отношения с Людовиком XIV, но даже в этом случае, как этот факт мог преследовать Людовика XIV подобно призраку? Мы оставляем загадку гораздо более мрачной, чем она есть, но мы видим веские причины, по которым дипломаты должны были бы роптать о крестовом походе против жестокого и разбойничьего правительства, которое посылало солдат похищать в соседних государствах людей, не знавших своего собственного преступления.

Мне кажется вполне вероятным, что Король и Лувуа просто глупо и жестоко нервничали из-за того, что мог знать Даугер. Сен-Марс, когда он предложил использовать Даугера в качестве тюремного камердинера, явно не разделял трепетных тревог Людовика XIV и его министра, тревог, которые с течением времени становились все острее. Однако "у солдата есть только его приказы", и Сен-Марс выполнял их с мельчайшей точностью, принимая такие неслыханные меры предосторожности, что, камердинер стал легендой Франции.

Подлинные документы по делу Ру де Марсильи

31

И. письмо Монса. П. дю Мулен Арлингтону.

Париж, май 1669 года.

Мой господин,

³¹ State Papers, France, vol. 126.

С тех пор как г-н де Рувины в последний раз был в Англии и по полученным им сведениям этот король имел очень большое желание захватить, если бы это было возможно, Руде Марсильи, и несколько человек были посланы для его поимки в Англию, Голландию, Фландрию и Франш-Компт; среди прочих один Ла Гранж, освобожденный от охраны, находился довольно долго в Голландии с пятьюдесятью гвардейцами, рассеянными по разным местам и кварталам, но все они потерпели неудачу, и король посоветовал это сделать господину де Тюренну, который послал нескольких своих подчиненных и офицеров разыскать этого человека и попытаться вернуть его живым. Эти люди после четырехмесячных поисков нашли его наконец в Швейцарии и, схватив Уэйта, когда он выходил из дома монсеньора Бальтазара (хорошо знакомого командира), забрали его и доставили в Жекс, прежде чем их успели перехватить и спасти его. Это было сделано только по приказу господина де Тюренна, но как только они вошли во французские владения, они получили все полномочия и указания от этого двора, чтобы доставить его сюда. Те, кто его похитил, говорят, что не нашли никаких бумаг при нем, но что он просил их написать монсеньору Бальтазару, чтобы тот позаботился о его бумагах и прислал ему поручение, которое он получил из Англии, и письмо, написанное на этот счет, было подписано заключенным, и вместо того, чтобы послать его, как они обещали, они привезли его сюда вместе с собой. Все они единодушно сооб-

щают, что он постоянно утверждал, что был послан королем Великой Британии и действовал по его поручению, так что общий разговор здесь, в Тауне, сводится к тому, что один из агентов короля Англии находится в Бастилии; хотя при дворе они притворяются, что ничего об этом не знают, и хотят, чтобы весь мир думал, будто они убеждены, что он не имеет никакого отношения к Его Величеству. Ваша Светлость, была новость о том, как обрадовался Король приезду этого пленника и как Фарр выразил свою благодарность главному лицу, работавшему с ним, открыто заявив, что этот человек давно уже замышлял заговор против его жизни, и он согласился на это, сударь, опасаясь Милорда Амбра. В прошлую пятницу в Сен-Жермене его спросили, было ли это причиной его приезда, и сказали, что он не думает, что будет говорить за человека, который пытался убить короля. То же самое донесение было до сих пор у всех на устах, но теперь его начинают обсуждать при дворе, и господин де Рувињи убедил бы меня еще вчера, если бы у них не было таких мыслей. По правде говоря, я склонен думать, что теперь они начинают стыдиться этого; и мне сообщили из очень хорошего источника, что господин де Лиони, который с тех пор признался, что не может найти никаких оснований для этого притворного покушения на жизнь Короля, и что в целом он был убежден, что этого человека гораздо лучше оставить в покое, чем арестовывать, и действительно он смотрел на то, что он сделал, как на невоздержанность плохо устроенного ума. И

чтобы убедить вашу светлость, что они здесь раздражены и озабочены тем, что может быть причиной всего этого, секретарь г-на де Тюренна был в последний день послан к нескольким министрам иностранных дел, чтобы расспросить их и узнать, что они думают об этом насилии, совершенном во владениях суверена и после чего один из них сказал ему, что подобные действия приведут Европу к необходимости вступить в крестовый поход против них, как прежде против неверных. Если бы я осмелился ознакомить вашу светлость с мнением всех присутствующих здесь государственных министров и других незаинтересованных лиц относительно того, владеет ли его величество этим человеком или отрекся от него, но не зная ни подробностей его дела, ни оснований, на которых может основываться его обвинение, я воздержусь от вступления в эту беседу. . . .

Вашей светлости и т. д.

П. дю Мулен³².

Я не осмеливаюсь размышлять относительно монсеньора Ру Марсильи, потому что не знаю, замешан ли в этом король, мой господин, или нет; кроме того, он человек, как мне говорили здесь многие достойные люди, который признался, что он решил убить французского короля в тот или иной момент, и я думаю, что такие люди так же опасны для одного короля, как и для другого: его привозят в Бастилию, но я думаю, что вряд ли против него могут быть выдвинуты обвинения и вы-

³² State Papers, France, vol. 126.

несен приговор о смертной казни. В этом дворе царит великая радость от того, что его схватили, и как мне сказали, совершенно конфиденциально, за его голову давали сто тысяч крон; французский посол в Англии вызвал его к себе, и он сообщил, что он нанят королем и послан моим господином в Швейцарию, чтобы втянуть швейцарцев в тройную Лигу. Он усугубляет дело настолько, насколько это возможно, чтобы мой господин больше ценил свою собственную службу, и они удивляются, что король, мой господин, должен был обвинить или оправдать человека, который имел столь низменный замысел против личности Короля, я много говорил об этом с месье, но я положительно сказал, что он не имеет никакого отношения к моему королю. Однако, милорд, мне нечего не оставалось делать, как не вмешиваться в дела, которые мне были так чужды. . . .

Этот Ру Марсильи – великое творение семьи Б. Д'Изола, и это заставляет их здесь ненавидеть его еще больше. Испанский резидент был очень серьезно настроен, чтобы сделать что-то от имени Марсильи, но я решительно отказался³³.

Ру де Марсильи прибыл сюда, когда Ваше Величество заключили союз с Голландией для заключения мира между двумя коронами и когда было вполне вероятно, что оппозиция этому миру будет на стороне Франции.

Было слышно, как Марсильи рассказывал о проделках Лонге, но ни одного предложения, сделанного ему или им

³³ State Papers, France, vol. 126.

самим.

Вскоре мир был заключен, и Марсильи еще яснее сказал, что он им больше не нужен. Ему дали небольшую сумму денег, чтобы он вернулся, как он сказал в Швейцарию. Он пожелал, чтобы его Мати возобновил свое влияние на кантоны, на что ему ответили, что его Мати не вступит с ними ни в какие сделки, пока они не выгонят цареубийц из своей страны, он должен был это сделать. Через семь или восемь месяцев после того, как он получил какой-то намек отсюда, он возвращается сюда, но был так холодно использован, что мне пожаловались на то, что я недостаточно хорошо использовал столь важного человека. Я ответил, что не вижу никакой пользы от него королю, потому что у него нет никакого кредита в Швейцарии, и вообще я думаю, что он ничего не стоит для нас, но прежде всего потому, что я знаю, что по многим обстоятельствам он был шпионом другого человека и поэтому его величество не должен платить ему. Несмотря на это, его матушка, движимая состраданием, приказала ему дать немного денег, чтобы увезти его отсюда, и чтобы я написала господину Бальтазару, поблагодарив его от имени Короля за добрые услуги, которые он оказал, содействуя хорошему взаимопониманию между его матушкой и кантонами, и пожелала, чтобы он продолжал их.

На этого человека всегда смотрели как на вспыльчивого и нескромного, с ним общались и слушали его, но никогда не доверяя ему ничего, кроме его собственных предложенных

и нежелательных попыток получить цареубийц, высланных из Швейцарии.

Письмо У. Первича³⁴

Париж, 5 июня, 1669.

Уважаемый Сэр,

Ру Марсилы благоразумно заявил, что у него есть кое-какие важные сведения, но они должны быть адресованы самому королю, так как это может быть средством отсрочить его процесс и, как он надеется, заступничество может быть сделано за него; но люди говорят о нем так по-разному, что я не могу сказать, может ли он принадлежать какому-либо принцу; Швейцарцы действительно имеют самое большое основание отказываться от него. У них есть все его бумаги, которые говорят многое о тройственном союзе; если у них нет другого предлога повесить его, то я не знаю, могут ли они сделать это законно, поскольку он был принят в Голландии и взят в привилегированную страну. . . .

В. Франс Вернон к (г-ну Вильямсону)³⁵.

Париж, 19/25 июня, 1669.

Уважаемый Сэр,

Мой последний доклад от 26-го был настолько коротким и резким, что я боюсь, что вы можете выклевывать из него немного информации.

Я действительно собирался написать что-нибудь о Марси-

³⁴ State Papers, France, vol. 126.

³⁵ State Papers, France, vol. 126.

льи, но тогда у меня не было на это времени. В моем письме к милорду Арлингтону я пишу, что в пятницу 21 заключенный нанес себе рану, но его план был сорван Рувињи, об этом писали в газете. Он надеялся, что потеря крови унесет его из этого мира раньше, чем состоится казнь. Когда начальник Бастилии увидел кровь, он подумал, что это ранение от камня. Однако начальник не доверял ему и посмотрел, какую рану он нанес. Поэтому они осмотрели его и послали весточку в Сен-Жермен, чтобы ускорить казнь. В субботу около часа ночи его привезли на эшафот перед Шастелетом и привязали к Андреевскому кресту все это время он изображал умирающего и едва шевелился, и казался почти бездыханным и обморочным. Генерал-лейтенант настаивал, чтобы он исповедался, и там же был доктор из Сорбонны, который был советником Кастелета, чтобы увещевать преступника отрешиться от всего, что мог он сделать. Но он, казалось, ничего не замечал и лежал, тяжело дыша.

Тогда лейтенант Криминель подумал о том, что единственный способ заставить его заговорить – это обратиться к за помощью к священнику. Но священникам запрещено приходиться к осужденным публично, а только для того, чтобы утешить их наедине, прежде чем они выйдут из тюрьмы, поэтому священник отказывался прийти, пока не прислали гвардейца, который, если бы он отказался во второй раз, привел бы его силой. Когда он пришел, то обнаружил огромную толпу людей. Все уступили дорогу, ни одно слово

не ранит так сильно, как насмешливое. Он взошел на эшафот, и вокруг воцарилась полная тишина. Он нашел подсудимого лежащим связанным, распростертым на кресте Святого Андрея, обнаженным и готовым к казни. Священник сказал ему, что за ним послали, чтобы увещевать его умереть терпеливо и по-христиански. И тут же все они были удивлены, увидев, как подсудимый поднял голову, свесив ее набок, как поникший теленок, и заговорил так же громко и ясно, как священник, которому он сказал с веселым видом, что рад его видеть, что ему не нужно задавать вопросов, что он будет вести себя, как христианин, и также терпеливо. Затем священник подошел и произнес несколько мест из Священного Писания, чтобы ободрить приговоренного, которые тот слушал с большим вниманием. Впоследствии они стали упоминать о некоторых вещах, которые заставили его раскаться, и тогда появился повод открыть ужасное преступление – покушение на личность Короля. Подсудимый сказал, что не знает, что он имеет в виду. Со своей стороны, у него никогда не было злого умысла против личности Короля.

Лейтенант Криминель все это время стоял позади Месье Дейли и прислушивался ко всем, а потом попросил монсьюра Дейли спросить подсудимого, не говорил ли он, что есть еще 10 Равиллаков, кроме него, что он будет заниматься делами короля. Он запротестовал, он никогда не говорил таких слов, а если и говорил, то никогда не помнил, а если и говорил, то без злого умысла. Затем Месье Дейли повер-

нулся к народу и произнес речь в защиту тех, кто исповедовал религию. На этом все закончилось. Священник ушел. Он простоял в общей сложности около часа, и сразу же, как только он ушел, они подошли к подсудимому, нанесли ему одиннадцать ударов прутом и уложили на колесе. Он умирал уже два часа. Все о монсеньоре Дейли я слышал из его собственных уст, потому что ходил к нему прислуживать, потому что ему доложили, что он сказал что-то о короле Англии, но он ничего не мог мне сказать. Был рапорт, что он должен сказать, что уходя из Шастелета герцог Йоркский нанес ему большой вред. Швейцарцы, как они говорят, негодовали по поводу его [Марсилы] захвата и ошиблись только на 1/2 часа, чтобы схватить их, что предало его [монаха], за которым они послали. Когда он был на колесе, было слышно, как он говорит *Le Roy est grand tyrant, Le Roy me traite d'un facon fort barbare*. Все что вы читали о клятвах и предсмертном гневе ложно, все клятвы, которые он употреблял, были только заверениями монсеньору Дейли, что он был ложно обвинен как предатель Короля

ФРАНС. ВЕРНОН.

Посол Монтегю Арлингтону³⁶.

Париж, 22 июня, 1669.

Мой господин,

Лейтенант Криминель довольно далеко продвинулся с Ле Ру Марсилы. Преступление, которое они ему вменяют – из-

³⁶ State Papers, France, vol. 126.

насилование, которое он прежде совершил в Нисмесе, так что он, видя лишь малую надежду на спасение своей жизни, послал весточку королю, что если тот простит его, то он сможет открыть ему вещи, которые будут волновать его больше и будут иметь для него большее значение, чем его гибель.

Тот же тому же

Париж, 26 июня, 1969

Мой господин,

Я слышал, что Марсильи должен был сломаться на колесе, и тогда я приказал одному из моих слуг написать об этом мистеру Уильямсону, так что, полагаю, вы уже слышали об этом: они ускорили его казнь, опасаясь, что он умрет от раны, которую причинил себе накануне; они послали к нему священника, когда он был на эшафоте, чтобы узнать, признается ли он в чем-нибудь, но он все еще настаивал, что ни в чем не виноват и не знает, за что его казнили. . . .

Правдивые истории Современной Магии

Исповедь колдуна

Самостоятельная подготовка

(Одни только теории ловкости рук не могут объяснить тайн "магии", которые практиковал выдающийся француз, свершивший революцию во всем искусстве магии и который, в конце концов, был призван помочь своему правительству выйти из затруднительного положения—Робер-Гуден. Успех его самых знаменитых спектаклей зависел не только от невероятной ловкости, но и от высокой находчивости и нравственного мужества, как докажут читателю следующие страницы из его "воспоминаний". История начинается тогда, когда двадцатилетний юноша терпеливо трудится подмастерьем у часового мастера).

Чтобы помочь моему обучению и дать мне возможность расслабиться, мой учитель рекомендовал мне изучить некоторые трактаты по механике вообще и по часовому делу в частности. Так как это в точности соответствовало моему

вкусу, я охотно согласился и страстно посвятил себя этому увлекательному занятию, когда одно обстоятельство, по-видимому, самое простое, внезапно решило мою будущую жизнь, открыв мне призвание, таинственные ресурсы которого должны были открыть обширное поле для моих изобретательных и причудливых идей.

Однажды вечером я зашел в книжный магазин, чтобы купить "Трактат о часовом деле" Берто, который, как я знал, у продавца был. Торговец, занятый в данный момент более важными делами, снял с полки два тома и без всяких церемоний вручил их мне. Вернувшись домой, я сел добросовестно читать свой трактат, но судите о моем удивлении, когда я прочел на обороте одного из томов "НАУЧНЫЕ ЗАБАВЫ". Удивленный таким названием профессионального труда, я нетерпеливо развернул книгу и, пробежав глазами оглавление, с удвоенным удивлением прочитал эти странные фразы:

Способ выполнения трюков с картами – как угадать мысли человека – отрезать голубю голову, вернуть ее к жизни и т. д., и т.д.

Книготорговец совершил ошибку. В спешке он дал мне вместо Бертода два тома энциклопедии. Однако, зачарованный известием о таких чудесах, я жадно поглощал таинственные страницы, и чем дальше продвигалось мое чтение, тем яснее открывались передо мной тайны искусства, для которого я бессознательно был предназначен.

Боюсь, что меня обвинят в преувеличении или, по крайней мере, не поймут многие мои читатели, когда я скажу, что это открытие доставило мне величайшую радость, какую я когда-либо испытывал. В это мгновение тайное предчувствие предупредило меня, что успех, а может быть, и слава однажды придут ко мне в явном осознании чудесного и невозможного, и, к счастью, это предчувствие не обмануло меня.

Сходство между двумя книгами и спешка книготорговца были самыми обычными причинами самого важного события в моей жизни.

Можно предположить, что позднее другие обстоятельства подсказали бы мне эту профессию. Это вполне вероятно, но тогда у меня не было бы на это времени. Разве какой-нибудь рабочий, ремесленник или торговец откажется от уверенности, какой бы незначительной она ни была, поддаться страсти, которая, несомненно, будет расценена как мания? Поэтому моя непреодолимая склонность к таинственному могла проявиться только в этот период моей жизни.

Как часто с тех пор я благословлял это провиденциальное заблуждение, без которого я, вероятно, прозябал бы как деревенский часовщик! Моя жизнь протекла бы в кротком однообразии; я был бы избавлен от многих страданий, волнений и потрясений; но, с другой стороны, какие живые ощущения, какой глубокий восторг были бы принесены в жертву!

Я жадно поглощал каждую строчку волшебной книги, в которой описывались поразительные фокусы; голова моя пылала, и временами я предавался мыслям, которые повергали меня в экстаз.

Автор дал очень простое объяснение своим трюкам; однако он допустил ошибку, предположив, что его читатели обладают необходимым мастерством для их выполнения. Теперь же я был совершенно лишен этого навыка, и хотя мне очень хотелось приобрести его, я не нашел в книге ничего, что указывало бы на это средство. Я был в положении человека, который пытается скопировать картину, не имея ни малейшего понятия о рисовании и живописи.

В отсутствие профессора, который мог бы меня наставить, я был вынужден создать принципы науки, которую я хотел изучать. Во-первых, я осознал фундаментальный принцип ловкости рук, заключающийся в том, что органы, выполняющие главную роль, — это зрение и осязание. Я видел, что для того, чтобы достичь какой—либо степени совершенства, человек должен развить эти органы в полной мере, ибо на своих представлениях он должен уметь видеть все, что происходит вокруг него с полувзгляда, и исполнять свои обманы с неизменной ловкостью.

Меня часто поражала та легкость, с которой пианисты могут читать и исполнять с первого взгляда самые сложные пьесы. Я видел, что с помощью практики можно было бы создать определенность восприятия и легкость осязания, сде-

лав так, что художнику было бы легко заниматься несколькими вещами одновременно, в то время как его руки были заняты какой-нибудь сложной задачей. Эту способность я хотел приобрести и применить к ловкости рук; но так как музыка не могла дать мне необходимых элементов, я обратился к искусству жонглирования, в котором надеялся встретить аналогичный результат.

Хорошо известно, что трюк с шариками чудесно улучшает осязание, но разве он не улучшает и зрение в то же время? На самом деле, когда жонглер подбрасывает в воздух четыре шара, пересекающих друг друга в разных направлениях, ему требуется необычайная сила зрения, чтобы проследить направление, которое его руки дали каждому из шаров. В это время в Блуа жил мельник, обладавший двойным талантом жонглировать и извлекать мозоли с мастерством, достойным легкости его рук. Однако, обладая обоими этими качествами, он не был богат, и, зная об этом, я надеялся получить от него уроки по цене, соответствующей моим скромным финансам. Более того, за десять франков он согласился посвятить меня в искусство жонглирования.

Я упражнялся с таким усердием и так быстро преуспел, что меньше чем через месяц мне уже нечему было учиться; по крайней мере, я знал столько же, сколько и мой учитель, за исключением того, что я оставлял ему монополию на помол зерна. Я умел жонглировать сразу четырьмя мячами. Но это не удовлетворило моего честолюбия; поэтому я положил

перед собой книгу и, пока шары висели в воздухе, приучился читать без всяких колебаний.

Это, вероятно, покажется моим читателям весьма необычным; но я удивлю их еще больше, когда скажу, что только что забавлялся повторением этого любопытного эксперимента. Хотя прошло уже тридцать лет с того времени, о котором я пишу, и хотя я почти ни разу не касался шаров в течение этого периода, я все еще могу легко читать, держа три шара в воздухе.

Практика этого трюка дала моим пальцам замечательную степень деликатности и уверенности, в то время как мой глаз в то же самое время приобретал быстроту восприятия, которая была совершенно изумительна. Вскоре мне придется рассказать о той услуге, которую он оказал мне в моем эксперименте с ясновидением.

Сделав таким образом свои руки гибкими и послушными, я сразу же перешел к ловкости рук и особенно посвятил себя манипуляциям с картами и хиромантии.

Эта операция требует большой практики, ибо, пока рука держится явно открытой, в ней находятся шарики, пробки, кусочки сахара, монеты и т. д., но пальцы остаются совершенно свободными и гибкими.

Из-за того, что времени у меня было мало, трудности, связанные с этими новыми экспериментами, были бы непреодолимы, если бы я не нашел способа практиковать, не пренебрегая своим делом. В те дни было принято носить пальто с

большими карманами на бедрах, называемое a la propriétaire, поэтому, когда мои руки не были заняты чем-то другим, они естественным образом проскальзывали в карманы и принимались за работу с картами, монетами или другими предметами, о которых я уже упоминал. Легко будет понять, сколько времени я этим выиграл. Так, например, когда я был на подхвате, мои руки могли работать с обеих сторон; за обедом я часто ел суп одной рукой, в то время как другой учился готовить Сотер—Ла-купе, – короче говоря, малейшее мгновение отдыха было посвящено моему любимому занятию.

Ясновидение

(Еще тысяча испытаний терпения и настойчивости наконец принесли фокуснику Парижский театр и благодарную публику. Но он никогда не переставал трудиться и улучшать качество своих чудесных фокусов)

Однако фокус, которому я был обязан своей славой, был вдохновлен тем фантастическим богом, которому Паскаль приписывает все открытия этого подлунного мира: именно случай привел меня прямо к изобретению ясновидения.

Однажды мои дети играли в гостиной в игру, которую придумали для собственного развлечения. Младший забинтовал старшему брату глаза и заставил его угадывать предметы, к которым он прикасался, а когда тот угадывал правильно, они менялись местами. Эта простая игра подсказа-

ла мне самую сложную идею, которая когда-либо приходила мне в голову.

Преследуемый этой мыслью, я убежал и заперся в своей мастерской, и, к счастью, был в том счастливом состоянии, когда ум легко следует за комбинациями, начертанными воображением. Я положил руку на руку и в волнении изложил первые принципы ясновидения.

Мои читатели помнят эксперимент, предложенный мне прежде ловкостью пианиста, и странную способность, которую мне удалось приобрести: я мог читать, жонглируя четырьмя шарами. Серьезно размышляя об этом, я полагал, что это "восприятие через оценку" могло бы быть воспринято равным образом, если бы я применил его принципы к памяти и уму.

Поэтому я решил провести несколько опытов с моим сыном Эмилем и, чтобы мой молодой помощник понял суть упражнения, которому мы должны были научиться, взял домино, например пять-четыре, и положил его перед ним. Вместо того чтобы позволить ему пересчитать баллы двух чисел, я попросил мальчика сразу же назвать мне общее число.

– Девять, – сказал он.

Затем я добавил еще домино.

– Получается шестнадцать, – сказал он без колебаний

Первый урок я на этом закончил; на следующий день нам удалось с первого взгляда сосчитать четыре костяшки домино, через день – шесть, и таким образом мы, наконец, полу-

чили возможность мгновенно получить результат из дюжины костяшек домино.

Получив этот результат, мы занялись гораздо более сложной задачей, на которую потратили целый месяц. Мы с сыном быстро проходили мимо магазина игрушек или любого другого магазина, где были выставлены разнообразные товары, и внимательно смотрели на него. Пройдя еще несколько шагов, мы доставали из карманов бумагу и карандаш и пробовали назвать как можно больше из предметов, увиденных мимоходом. Я должен признать, что мой сын достиг совершенства гораздо большего, чем я, потому что он часто мог записать сорок предметов, в то время как я едва мог дойти до тридцати. Часто чувствуя досаду от этого поражения, я возвращался в магазин и проверял его список, но он редко ошибался.

Мои читатели-мужчины, конечно, поймут возможности этого, но они поймут и трудности. Что же касается моих читательниц, то я заранее уверен, что они не будут того же мнения, ибо ежедневно совершают гораздо более поразительные подвиги. Так, например, я могу с уверенностью утверждать, что дама, видя, как другой человек проезжает на полной скорости в карете, успеет проанализировать свой туалет от шляпки до туфель и сможет описать не только стиль одежды пассажира и качество тканей, но и сказать, настоящие ли кружева или только машинные. Я знаю, что дамы так поступают.

Эта естественная, или приобретенная, способность у дам, которую мы с сыном приобретали только благодаря постоянной практике, была очень полезна в моих выступлениях, так как, исполняя свои трюки, я мог видеть все, что происходило вокруг меня, и таким образом готовился противостоять любым трудностям, которые мне представлялись. Это упражнение дало мне, так сказать, способность следовать двум идеям одновременно, и нет ничего более благоприятного в колдовстве, чем способность думать одновременно и о том, что вы говорите, и о том, что вы делаете. В конце концов, я приобрел такую сноровку в этом, что часто изобретал новые трюки, проходя через свои выступления. Однажды я даже заключил пари, что решу какую-нибудь механическую задачу, участвуя в разговоре. Мы говорили об удовольствиях деревенской жизни, и я подсчитал за это время количество колес и шестерен, а также необходимые шестеренки, чтобы произвести некоторые необходимые работы, ни разу не ошибившись в своем ответе.

Этого небольшого объяснения будет достаточно, чтобы показать, что является существенной основой ясновидения, и я добавлю, что между моим сыном и мной существовала тайная и незаметная переписка, посредством которой я мог сообщить ему имя, природу и объем предметов, врученных мне зрителями.

Телепатия

Поскольку никто из зрителей не понимал моего образа действий, они были склонны верить во что-то необыкновенное, и действительно, мой сын Эмиль, которому тогда было двенадцать лет, обладал всеми необходимыми качествами, чтобы составить такое мнение, ибо его бледное, умное и всегда задумчивое лицо представляло тип мальчика, одаренного какой-то сверхъестественной силой.

Два месяца мы непрестанно трудились над возведением строительных лесов для наших фокусов, и когда мы были вполне уверены, что сможем справиться с трудностями такого предприятия, мы объявили о первом представлении ясновидения. 12 февраля 1846 года я напечатал в центре своей афиши следующее необычное объявление:

"В этом спектакле сын господина Робера-Гудена, одаренный чудесным даром ясновидения, после того как его глаза будут закрыты толстой повязкой, будет называть всякий предмет, представленный ему зрителями".

Я не могу сказать, привлекло ли это сообщение кого-нибудь из зрителей, так как моя гримерка была постоянно переполнена, и все же я могу утверждать, что эксперимент с ясновидением, ставший впоследствии столь модным, не произвел никакого эффекта во время первого представления. Я склонен думать, что зрители вообразили себя обманутыми

сообщниками, но меня очень раздражал результат, так как я рассчитывал на неожиданность, которую должен был произвести; и все же, не имея никаких оснований сомневаться в его окончательном успехе, я испытал искушение провести второе представление, которое оказалось удачным.

Следующим вечером я заметил в своей гримерке нескольких человек, которые присутствовали здесь накануне вечером, и мне показалось, что они пришли во второй раз, чтобы убедиться в реальности эксперимента. Похоже, они были убеждены, ибо мой успех был полным и вполне компенсировал мое прежнее разочарование.

Особенно мне запомнился знак исключительного одобрения, высказанный мне одним из моих зрителей. Мой сын назвал пришедшему несколько предметов, которые он предлагал последовательно; но, не чувствуя удовлетворения, мой недоверчивый друг, вставая, как бы для того, чтобы придать большее значение предстоящему затруднению, вручил мне инструмент, характерный для торговцев сукном, и занялся подсчетом количества нитей. Уступив его желанию, я сказал своему мальчику, – что я держу в руке?

– Это приспособление для проверки качества ткани, и называется “счетчик нитей”.

– Бог мой! – эмоционально воскликнул мой зритель, – это великолепно. Если бы я заплатил десять франков, чтобы такое увидеть, я бы не потребовал их обратно.

С этого момента моя гримерка стала слишком тесной, и

каждый вечер в ней было полно народу.

Тем не менее, успех не является полностью в розовом цвете, и я мог бы легко рассказать много неприятных сцен, вызванных моей репутацией колдуна; но я упомяну только одну, которая составляет резюме всего, что я пропускаю:

Однажды меня посетила молодая дама с изящными манерами, и хотя ее лицо было скрыто густой вуалью, мои опытные глаза прекрасно различали ее черты. Она была очень хорошенькая.

Моя инкогнита не соглашалась сесть, пока не убедилась, что мы одни и что я -настоящий Робер-Гуден. Я тоже сел и, приняв позу человека, готового слушать, слегка наклонился к своей гостье, словно ожидая, что она изволит объяснить мне цель своего таинственного визита. К моему великому удивлению, молодая леди, чье поведение выдавало крайнее волнение, хранила глубочайшее молчание, и я начал находить этот визит очень странным и уже готов был на всякий случай потребовать объяснений, когда прекрасная незнакомка робко отважилась произнести эти слова:

– Боже Мой! сэръ, я не знаю, как вы истолкуете мой визит.

Здесь она остановилась и с очень смущенным видом опустила глаза; затем, сделав над собой сильное усилие, продолжила:

– То, о чем я прошу вас, сэръ, очень трудно объяснить.

– Говорите, сударыня, прошу вас, – вежливо сказал я, – и я постараюсь угадать то, что вы не можете мне объяснить.

И я начал спрашивать себя, что означает эта сдержанность.

– Во-первых, – тихо сказала молодая леди, оглядываясь вокруг, – я должна сказать вам по секрету, что я любила, моя любовь вернулась, и я ... я предана.

При последнем слове дама подняла голову, преодолела охватившую ее робость и сказала твердым и уверенным голосом:

– Да, сэ, да, меня предали, и именно поэтому я пришла к вам.

– В самом деле, мадам, – сказал я, очень удивленный этим странным признанием.

– Не вижу, чем я могу вам помочь в таком деле.

– О, сэ, умоляю вас, – сказала моя прекрасная гостья, сложив руки на груди, – умоляю вас, не бросайте меня!

Мне было очень трудно сохранять невозмутимое выражение лица, и все же я испытывал крайнее любопытство узнать историю, скрытую за этой тайной.

– Успокойтесь, сударыня, – сказал я тоном нежного сочувствия, – скажите мне, что вы хотите от меня, и если это будет в моей власти.

– Если это будет в вашей власти! – нет ничего проще, сэ, – быстро сказала молодая леди.

– Объяснитесь, мадам.

– Ну что ж, сэ, я хочу, мщения.

– В каком смысле?

– Как же, вы знаете лучше меня, сударь, неужели я должна вас учить? У вас есть в вашей власти средства для этого.

– У меня, мадам?

– Да, сэр, у вас! ибо вы колдун, и не можете отрицать этого.

При этом слове "колдун" я чуть было не рассмеялся, но меня удержало явное волнение инкогниты. И все же, желая положить конец сцене, которая становилась все более нелепой, я сказал вежливо-ироническим тоном:

– К сожалению, мадам, вы даете мне титул, которого у меня никогда не было.

– Как же так, сэр!– воскликнула молодая женщина быстро, – вы не....

– Колдун, мадам? О, нет, это не я.

– Так вы не возьметесь?

– Нет, тысячу раз нет, мадам.

При этих словах моя гостья поспешно встала, пробормотала несколько бессвязных слов, казалось, страдая от страшного волнения, а затем, приблизившись ко мне с горящими глазами и страстными жестами, повторила:

– Ах, ты не сделаешь этого! Очень хорошо, теперь я знаю, что мне нужно делать.

Ошеломленный такой вспышкой, я пристально посмотрел на нее и начал подозревать причину ее необычного поведения.

– Есть два способа действия,– сказала она с ужасающей многословностью, – по отношению к людям, посвятившим

себя магическим искусствам, – мольба и угроза. Вы не поддадитесь первому из этих средств, поэтому я должна прибегнуть ко второму. Оставайтесь, – добавила она, – может быть, это заставит вас заговорить.

И, приподняв плащ, она положила руку на рукоять кинжала, висевшего у нее за поясом. В то же самое время она вдруг откинула вуаль, и на ее лице проступили все признаки гнева и безумия. Уже не сомневаясь в том, с кем мне придется иметь дело, я первым делом встал и стал настороже; но это первое чувство было преодолено, и я раскаялся в мысли о борьбе с несчастной женщиной и решил прибегнуть к методу, почти всегда успешному для тех, кто лишен рассудка. Я сделал вид, что соглашаюсь с ее желаниями.

–Если это так, мадам, я уступаю вашей просьбе. Скажите мне, что вам нужно.

–Я уже говорила вам, сэръ, что хочу отомстить, и есть только один способ это сделать.

Тут снова наступил перерыв, и молодая леди, успокоенная моей явной покорностью, а также смущенная просьбой, с которой она должна была ко мне обратиться, снова стала робкой и смущенной.

– Ну что, мадам?

–Ну, сэръ, я не знаю, как вам сказать ... как объяснить ... но мне кажется, что существуют определенные средства ... определенные заклинания ... которые делают невозможным ... невозможным для человека быть неверным.

–Теперь я понимаю, чего вы хотите, мадам. Это определенная магическая практика, применявшаяся в Средние века. Нет ничего проще, и я удовлетворю ваше желание.

Решив разыграть этот фарс до конца, я взял самую большую книгу, какую только смог найти в своей библиотеке, перелистал ее, остановился на странице, которую делал вид, что внимательно изучаю, и затем обратился к даме, которая с тревогой следила за всеми моими движениями,

– Мадам, – сказал я доверительно, – заклинание, которое я собираюсь произнести, требует, чтобы я знал имя этого человека, будьте так добры, скажите мне его.

– Джулиан!– сказала она слабым голосом.

Со всей серьезностью настоящего колдуна я торжественно воткнул булавку в зажженную свечу и произнес несколько каббалистических слов. После чего, задув свечу и повернувшись к бедняжке, я сказал:

– Сударыня, дело сделано, ваше желание исполнено.

–О, благодарю вас, сэр, – ответила она с выражением глубочайшей благодарности и в ту же минуту, положив на стол кошелек, бросилась прочь. Я приказал своему слуге последовать за ней в ее дом и собрать о ней все сведения, какие только можно, и узнал, что она недавно стала вдовой и что потеря обожаемого мужа расстроила ее рассудок. На следующий день я навестил ее родственников и, вернув им кошелек, рассказал им о той сцене, подробности которой читатель только что прочел.

Эта сцена, а также некоторые другие, предшествовавшие ей и следовавшие за ней, заставили меня принять меры, чтобы уберечься от скуки любого рода. Я не мог мечтать, как прежде, о том, чтобы уехать в деревню, но я использовал такой же способ: заперся в своей мастерской и организовал вокруг себя систему защиты от тех, кого я в своем дурном расположении духа называл ворами времени.

Я ежедневно получал визиты от совершенно незнакомых мне людей; некоторые из них были достойны того, чтобы их знать, но большинство, прорвавшись под самыми тщетными предложениями, приходили только для того, чтобы убить со мной часть своего свободного времени. Нужно было отличать плевелы от пшеницы, и вот что я изобрел:

Когда один из этих джентльменов звонил в мою дверь, в моей мастерской звонил электрический звонок; таким образом я был предупрежден и был на стороже. Мой слуга отворял дверь и, как обычно, спрашивал имя посетителя, а я, со своей стороны, прикладывал ухо к трубке, сделанной специально для этой цели, которая передавала мне каждое слово. Если, судя по ответу, я думал, что лучше не принимать такого человека, то я нажимал кнопку, и белая метка, появлявшаяся в определенной части зала, сообщала слуге, что я не дома. Затем мой слуга говорил, что меня нет дома, и просил посетителя обратиться к управляющему.

Иногда случалось, что я ошибался в своих суждениях и сожалел, что удостоил аудиенции, но у меня был другой спо-

соб сократить визит зануды. Я поставил позади дивана, на котором сидел, электрическую пружину, сообщающуюся с колокольчиком, который мог слышать мой слуга. В случае надобности и во время разговора я небрежно перекидывал руку через спинку дивана, касался пружины, и раздавался звонок. Тогда мой слуга, разыграв небольшой фарс, открывал входную дверь, звонил в колокольчик, который был слышен из комнаты, где я сидел, и приходил сказать мне, что М. И. (имя, придуманное специально для этого случая) пожелал поговорить со мной. Я приказывал проводить господина X. в соседнюю комнату, и очень редко мой зануда не начинал возмущаться. Никто не может себе представить, сколько времени я выиграл благодаря этому счастливому стечению обстоятельств и сколько раз благословлял свое воображение и прославленного ученого, которому принадлежит открытие гальванизма!

Это чувство легко объяснимо, ибо мое время имело неоценимую ценность. Я бережно хранил его, как сокровище, и никогда не приносил в жертву, если только эта жертва не могла помочь мне открыть новые тайны, предназначенные для возбуждения общественного любопытства.

Чтобы поддержать мою решимость в проведении моих исследований, я всегда имел перед собой эту максиму:

ГОРАЗДО ТРУДНЕЕ ПОДДЕРЖИВАТЬ ВОСХИЩЕНИЕ, ЧЕМ ВОЗБУЖДАТЬ ЕГО.

И это другое, очевидное следствие предыдущего:

СЛАВА, КОТОРОЙ НАСЛАЖДАЕТСЯ ХУДОЖНИК, МОЖЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ ТОЛЬКО ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ЕГО ТАЛАНТ С КАЖДЫМ ДНЕМ РАСТЕТ.

Ничто так не увеличивает заслуг профессионального человека, как обладание независимым состоянием; эта истина может быть грубой, но она несомненна. Я не только был убежден в этих принципах высокой экономии, но и знал, что человек должен стремиться извлечь выгоду из непостоянной благосклонности публики, которая одинаково нисходит на нет, если не увеличивается. Поэтому я старался изо всех сил поддерживать свою репутацию. Несмотря на мои многочисленные ангажементы, я находил средства давать спектакли во всех главных театрах, хотя часто возникали большие трудности, так как мое выступление не заканчивалось до половины одиннадцатого, а другие мои ангажементы я мог исполнить только после этого часа.

Обычно на одиннадцать часов были назначены мои появления на незнакомой сцене, и мои читатели могут судить о том, с какой скоростью я должен был отправиться в театр за столь короткое время и сделать все необходимые приготовления. Правда, эти мгновения были так же хорошо просчитаны, как и использованы, и едва мой занавес опускался, как я, бросившись к лестнице, оказывался перед своей аудиторией и прыгал в экипаж, который увозил меня на полной скорости.

Но эта усталость была ничто по сравнению с тем чувством,

которое иногда вызывала ошибка во времени, которое должно было пройти между двумя моими выступлениями. Я помню, что однажды вечером, когда нужно было заканчивать выступления в водевиле, режиссер просчитался, сколько времени займет исполнение пьес, и оказался намного впереди. Он послал за мной экспресс, чтобы предупредить, что занавес опустился, и меня с нетерпением ждут. Могут ли мои читатели понять мое несчастье? Мои опыты, о которых я не мог умолчать, заняли бы еще четверть часа; но вместо того, чтобы предаваться бесполезным взаимным обвинениям, я смирился и продолжил свое представление, хотя и был жертвой ужасного беспокойства. Пока я говорил, мне казалось, что я слышу тот ритмичный крик публики, к которому была обращена знаменитая песня "Des lampions, des lampions". Таким образом, либо из-за озабоченности, либо из-за желания поскорее закончить свое выступление, я обнаружил, что выиграл пять минут из четверти часа. Конечно, это можно было бы назвать четвертью часа благодати.

Вскочить в карету и ехать в Place de la Bourse было делом одного мгновения, но с тех пор, как опустился занавес, прошло уже двадцать минут, а это было громадное время. Мы с моим сыном Эмилем быстро поднялись по актерской лестнице, но уже на первой ступеньке слышали крики, свист и топот нетерпеливых зрителей. Какая перспектива! Я знал, что часто, правильно или неправильно, публика обращается с артистом, неважно с кем, очень жестко, чтобы напомнить

ему о пунктуальности. У этого государя всегда на устах звучат слова другого монарха: “я был вынужден ждать”. Однако мы поспешили подняться по ступенькам, ведущим на сцену.

Режиссер, который наблюдал за нами, услышав наши то-ропливые шаги, закричал с лестничной площадки:

– Это вы, господин Гуден?

– Да, сэр, да.

– Поднимите занавес! – крикнул тот же голос.

– Погоди, погоди, это же бесенокю...

Мое дыхание не позволяло мне закончить свое возражение, я упал на стул, не в силах пошевелиться.

– Ну же, господин Гуден, – сказал управляющий, – выходите на сцену, занавес поднят, а публика так нетерпелива.

Дверь в глубине сцены была открыта, но я не мог пройти через нее; усталость и волнение пригвоздили меня к месту. И все же мне пришла в голову мысль, которая спасла меня от народного гнева.

– Ступай на сцену, мой мальчик, – сказал я сыну, – и приготовь все необходимое для фокуса с ясновидением.

Публика была разочарована увидеть юношу, чье лицо вызвало сочувственный интерес, и мой сын, серьезно поклонившись публике, спокойно начал свои небольшие приготовления, то есть перенес пуфик на переднюю часть сцены и положил на соседний стол грифельную доску, немного мела, колоду карт и повязку..

Эта небольшая задержка позволила мне восстановить ды-

хание и успокоить нервы, и я, в свою очередь, двинулся вперед, пытаясь изобразить стереотипную улыбку, что мне явно не удалось, так как я был очень взволнован. Зрители сначала молчали, потом их лица постепенно разгладились, и вскоре после того, как они отважились на один или два хлопка, их увлекло, и наступила тишина. Однако я был хорошо вознагражден за это ужасное испытание, так как мое "ясновидение" никогда не достигало более блестящего триумфа.

Один случай очень оживил окончание моего выступления.

Один зритель, который, очевидно, пришел специально, чтобы смутить нас, тщетно пытался в течение нескольких минут сбить с толку ясновидение моего сына, когда, повернувшись ко мне, он сказал, делая заметное ударение на своих словах:

– Поскольку ваш сын-прорицатель, он, конечно, может угадать номер моего стула?

Назойливый зритель, несомненно, надеялся заставить нас признаться в нашем бессилии, потому что он закрыл свой номер, а так как соседние места были заняты, то очевидно, что номера было прочесть невозможно. Но я был настороже от всех неожиданностей, и мой ответ был готов. И все же, чтобы извлечь как можно больше пользы из сложившейся ситуации, я притворился, что отступаю.

–Вы знаете, сэр, – сказал я, притворяясь смущенным, – что мой сын не колдун и не прорицатель, он читает по моим

глазам, и поэтому я назвал этот эксперимент Ясновидение. Поскольку я не вижу номера вашей кабинки, а места рядом с вами заняты, мой сын не может ничего вам сказать.

– Ах! Я был в этом уверен, – торжествующе сказал мой преследователь и повернулся к соседям, – я же говорил, что пригвозжу его.

– О, сэр! Не будьте слишком уверены в своей победе, – сказал я в свою очередь насмешливым тоном. – Будьте осторожны, если вы слишком сильно заденете тщеславие моего сына, он может решить вашу проблему, хотя это и очень трудно.

– Я бросаю ему вызов, – сказал зритель, сильно откинувшись на спинку кресла, чтобы лучше скрыть номер. – Да, да, я бросаю ему вызов!

– Значит, вы считаете, что это очень трудно?

– Я скажу вам больше, это невозможно.

– Ну, тогда, сэр, это более веская причина для того, чтобы попытаться сделать это. Вы не рассердитесь, если мы, в свою очередь, одержим победу? – Добавил я с раздраженной улыбкой.

– Ну же, сэр, мы понимаем такие увертки. Повторяю, бросаю вызов вам обоим.

Публика находила в этом споре большое удовольствие и терпеливо ждала исхода.

– Эмиль, – сказал я сыну, – докажи этому джентльмену, что ничто не может ускользнуть от твоего ясновидения.

– Это номер шестьдесят девять, – немедленно ответил мальчик.

Шумные и сердечные аплодисменты раздавались со всех концов театра, к которым присоединился и наш противник, ибо, признав свое поражение, он воскликнул, хлопая в ладоши: "это поразительно, великолепно!"

Мне удалось узнать номер места следующим образом: я заранее знал, что во всех театрах, где места разделены по центру проходом, нечетные номера находятся справа, а четные – слева. Так как в водевиле каждый ряд состоял из десяти рядов, то из этого следовало, что справа несколько рядов должны были начинаться с одного, двадцати одного, сорока одного и так далее, увеличиваясь на двадцать каждый. Руководствуясь этим, я без труда обнаружил, что мой противник сидит в кресле шестьдесят девять, представляющем собой пятое место в четвертом ряду. Я затянул этот разговор с двойной целью – придать больше блеска своему эксперименту и выиграть время для дальнейших исследований. Таким образом, я применил свой процесс двух одновременных мыслей, о котором я уже упоминал.

Как я сейчас объясняю, я могу также рассказать моим читателям о некоторых искусствах, которые добавили материальный блеск ясновидению. Я уже говорил, что этот эксперимент был результатом материальной связи между мной и моим сыном, которую никто не мог обнаружить. Его комбинации давали нам возможность описать любой мыслимый

предмет, но, хотя результат был великолепный, я видел, что вскоре столкнусь с неслыханными трудностями в его исполнении.

Номер с ясновидением всегда приводил к окончанию моего выступления. Каждый вечер я видел, как приходили неверующие со всевозможными предметами, чтобы торжествовать над тайной, которую они не могли разгадать. Перед тем как отправиться к сыну Робера-Гудена, держался совет, на котором выбирался предмет, который должен был смутить отца. Среди них были наполовину стертые старинные медали, минералы, книги, напечатанные всевозможными знаками (на живом и мертвом языках), гербы, микроскопические предметы и т. д.

Но наибольшую трудность мне доставляло выяснение содержания посылок, часто перевязанных бечевкой или даже запечатанных. Но мне удалось успешно противостоять всем этим попыткам поставить себя в неловкое положение. Я открывал коробки, кошельки, записные книжки и т. д. с большой легкостью и незаметно, в то же время делая вид, что занят чем-то совершенно другим. Когда мне предлагали запечатанный сверток, я ногтем, который намеренно был большим и острым, пальца левой руки прорезал в нем небольшую щель и таким образом обнаруживал, что в нем находится. Одним из существенных условий было отличное зрение, которым я обладал в совершенстве. Первоначально я был обязан этим своему старому ремеслу, и практика еже-

дневно улучшала его. Столь же непрременной необходимостью было знать название каждого предмета, который мне предлагали. Недостаточно было сказать, например, "это монета", но мой сын должен был назвать ее техническое название, ее стоимость, страну, в которой она была выпущена, и год, в котором она была отчеканена. Так, например, если бы мне вручили английскую корону, мой сын должен был бы заявить, что она была отчеканена в царствование Георга IV и имела внутреннюю стоимость шесть франков восемнадцать сантимов.

Благодаря отличной памяти нам удалось классифицировать в уме названия и стоимость всех иностранных денег. Мы могли бы также описать герб в геральдических терминах. Так, на гербе дома X, врученном мне, мой сын отвечал: "полевой командир Гуль, с двумя серебряными Крозье в бледном". Это знание очень пригодилось нам в салонах Сен-Жерменского предместья, куда нас часто приглашали.

Я также выучил иероглифы—хотя и не мог перевести ни слова на бесконечном множестве языков, таких как китайский, русский, турецкий, греческий, иврит и т. д. Мы также знали названия всех хирургических инструментов, так что хирургическая записная книжка, какой бы сложной она ни была, не могла смутить нас. Наконец, я обладал весьма достаточными познаниями в минералогии, драгоценных камнях, древностях и редкостях; но я имел в своем распоряжении все возможные средства для приобретения этих знаний,

так как один из моих самых близких и лучших друзей, Аристид Ле Карпантье, ученый антиквар и дядя талантливого композитора с тем же именем, имел и до сих пор имеет кабинет антикварных редкостей, который заставляет хранителей императорских музеев ожесточаться от зависти. Мой сын и я провели много долгих дней, изучая здесь имена и даты, о которых мы впоследствии сделали научное представление. Ле Карпантье научил меня многим вещам, и среди прочего он описал различные знаки, по которым можно распознать старые монеты, когда монета стирается. Таким образом, Траян, Тиберий или Марк Аврелий стали для меня так же привычны, как пятифранковая монета.

Благодаря своему старому ремеслу я мог легко открыть часы и сделать это одной рукой, чтобы иметь возможность прочесть имя изготовителя, не вызывая подозрений у публики; затем я снова закрывал часы, и трюк был готов; мой сын управлял остальной частью дела.

Но та сила памяти, которой обладал мой сын в выдающейся степени, несомненно, оказала нам величайшую услугу. Когда мы посещали частные дома, ему требовалось лишь очень быстро осмотреть все предметы в комнате, а также различные украшения, которые носили зрители, такие как шатланы, булавки, очки, веера, броши, кольца, букеты и т. д. Таким образом, он мог с величайшей легкостью описывать эти предметы, когда я указывал ему на них посредством нашего тайного общения. Вот такой пример:

Как-то вечером в одном доме на шоссе Д'антен, по окончании представления, которое было столь же удачным, как и громкие аплодисменты, я вспомнил, что, проходя через соседнюю комнату к той, в которой мы сейчас находились, я попросил сына заглянуть в библиотеку и запомнить названия некоторых книг, а также порядок их расположения. Никто не заметил этого быстрого осмотра.

–Чтобы положить конец эксперименту с ясновидением, сэр, – сказал я хозяину дома, – я докажу вам, что мой сын умеет читать сквозь стену. Не одолжите ли вы мне книгу?

Естественно, меня провели в библиотеку, о которой шла речь, и я сделал вид, что вижу ее впервые, и положил палец на книгу.

– Эмиль, – обратился я к сыну, – как называется эта работа?

– Это Буффон, – быстро ответил он.

–А тот, что рядом с ним?– поспешил спросить недоверчивый зритель.

–Справа или слева?– спросил мой сын.

– Справа, – сказал говоривший, имея веские основания выбрать эту книгу, так как надпись была очень мелкой.

– Путешествия Анахарсиса младшего, – ответил мальчик. – Но, – добавил он, – если бы вы спросили название книги слева, сэр, я бы сказал, что это стихи Ламартина. Чуть правее этого ряда я вижу сочинения Кребийона, ниже – два тома мемуаров Флери. – И мой сын так назвал дюжину книг,

прежде чем остановился.

Зрители не произнесли ни слова во время этого описания, так как были очень удивлены, но когда эксперимент закончился, все нам аплодировали.

Волшебник, который стал послом

(Все известно, что Робер-Гуден однажды оказал своей стране важную услугу в качестве специального посланника в Алжире. Полвека назад эта колония была бесконечным источником неприятностей для Франции. Хотя мятежный арабский вождь Абд-дель-Кадер сдался в плен в 1847 году, местные Кабилы продолжали вести нерегулярную войну против французской власти, поощряемую их мусульманскими священниками, и в особенности при помощи так называемых "чудес", как исцеление от ран и ожогов, нанесенных самими Марабутами и другими фанатичными приверженцами Пророка.

Таким образом, в 1856 году надежды французского Министерства иностранных дел возлагались на Робера-Гудена. Его попросили показать свои фокусы в самой впечатляющей форме, чтобы доказать обманутым арабам, что они ошибались, приписывая своим святым людям сверхъестественные силы).

Было решено, что я прибуду в Алжир к следующему 27 сентября, в день, когда начнутся великие праздники, ежегод-

но устраиваемые столицей Алжира для арабов.

Должен сказать, что на мою решимость сильно повлияло осознание того, что моя миссия в Алжир носила квазиполитический характер. Я, простой фокусник, гордился тем, что могу оказать услугу своей стране.

Известно, что большинство восстаний, подавляемых в Алжире, возбуждаются интриганам, которые говорят, что они вдохновлены пророком и рассматриваются арабами как посланники Бога на земле, чтобы освободить их от гнета Руми (христиан).

Эти лжепророки и святые марабуты, которые являются колдунами не больше, чем я, и даже меньше, все еще пытаются воздействовать на фанатизм своих единоверцев же простыми трюками, которые также примитивны, как и зрители, перед которыми они выступают.

Правительство, стремясь таким образом уничтожить их пагубное влияния, рассчитывало на меня, чтобы сделать так. Они не без основания надеялись с помощью моих опытов доказать арабам, что проделки их марабутов были всего лишь детской забавой и по своей простоте не могли быть выполнены посланником с небес, что также очень естественно привело нас к тому, чтобы показать им, что мы их начальники во всем, а что касается колдунов, то французам нет в этом равных.

Сейчас я продемонстрирую вам успех, достигнутый этой искусной тактикой.

Между днем моего согласия и днем моего отъезда должно было пройти три месяца, которые я потратил на подготовку полного арсенала моих лучших трюков и покинул Сен-Жерве 10 сентября.

Я не стану рассказывать о своем путешествии больше, чем скажу, что едва я вышел в море, как пожалел, что не был здесь, и после тридцати шести часов плавания я встретил столицу нашей колонии с неописуемым восторгом.

28 октября, в день, назначенный для моего первого выступления перед арабами, я пришел на свой пост рано утром и мог наслаждаться видом их входа в театр.

Каждый гум³⁷, разбитый на группы был введен по отдельности в идеальном порядке на места, приготовленные заранее. Затем наступала очередь вождей, которые усаживались со всей серьезностью, свойственной их характеру.

Некоторое время они осваивались, так как эти сыны природы не могли понять, что они сидят вот так, бок о бок, чтобы насладиться зрелищем, и наши удобные сиденья, отнюдь не казавшиеся им такими, странно беспокоили их. Я видел, как они некоторое время суетились и пытались поджать под себя ноги, как это делают европейские портные.

Каиды, Агас, Баш-Агас и другие титулованные арабы занимали почетные места, так как они занимали партеры ор-

³⁷ Бригада иноземных солдат под французским командованием. Именно на эту влиятельную иноземную фракцию Министерство иностранных дел особенно стремилось произвести впечатление благодаря мастерству Робера-Гудена.— РЕДАКТОР.

кестра и бельэтаж.

Среди них было несколько привилегированных офицеров, и, наконец, переводчики смешались среди зрителей, чтобы переводить им мои замечания.

Мне также сказали, что несколько любопытных людей, не имея возможности достать билеты, приняли арабский Бурнус и, обвязав свои лбы веревкой из верблюжьей шерсти, проскользнули в ряды своих новых единоверцев.

Это странное сборище зрителей и впрямь являло собой весьма любопытное зрелище. Более того, бельэтаж представлял собой зрелище столь же величественное, сколь и внушительное. Около шестидесяти арабских вождей, одетых в свои красные плащи (символ их покорности Франции), на которых блестело одно или несколько украшений, с величественным достоинством ожидали моего выступления.

Я выступал перед многими блестящими собраниями, но никогда еще ни одно из них не поражало меня так сильно, как это. Однако впечатление, которое я испытал при поднятии занавеса, отнюдь не парализовало меня, а, напротив, внушило мне живое сочувствие к зрителям, чьи лица, казалось, были так хорошо подготовлены к тому, чтобы принять обещанные им чудеса. Как только я вышел на сцену, я почувствовал себя совершенно свободно и в предвкушении наслаждался зрелищем, которым собирался развлечься.

Признаюсь, я был склонен посмеяться над собой и своей аудиторией, потому что шагнул вперед с палочкой в руке со

всей серьезностью настоящего колдуна. И все же я не сдавался, ибо находился здесь не только для того, чтобы позабавить любопытную и добрую публику, но и для того, чтобы произвести поразительное впечатление на грубые умы и предрассудки, ибо разыгрывал роль французского Марабута.

По сравнению с простыми трюками их мнимых колдунов мои эксперименты должны были казаться арабам совершенными чудесами.

Я начал свое выступление в самом глубоком, можно сказать, религиозном молчании, и внимание зрителей было так велико, что они словно окаменели. Только их пальцы нервно шевелились, перебирая четки, когда они, несомненно, зывали к покровительству Всевышнего.

Это апатичное состояние меня не устраивало, так как я приехал в Алжир не для того, чтобы посетить выставку восковых фигур. Я хотел, чтобы вокруг меня было движение, оживление, даже жизнь.

Я сменил тему и, вместо того чтобы обобщать свои замечания, адресовал их в особенности некоторым арабам, которых подстегивал своими словами, а еще больше – своими действиями. Затем изумление уступило место более выразительному чувству, которое вскоре проявилось в шумных восклицах.

Это особенно проявлялось, когда я извлекал из шляпы пушечные ядра, ибо мои зрители, отбросив свою серьезность, выражали свое восторженное восхищение самыми странными

ми и энергичными жестами.

Затем последовал встреченный тем же успехом букет цветов, мгновенно извлеченный из шляпы; рог изобилия, поставлявший множество предметов, которые я раздавал, хотя и не мог удовлетворить повторяющиеся требования, предъявляемые со всех сторон, и еще больше теми, у кого уже были заняты руки, пятифранковыми монетами, посланными через весь театр в хрустальной коробке, подвешенной над зрителями.

Одним из трюков, который мне очень хотелось исполнить, была неиссякаемая бутылка, столь ценимая парижанами и манчестерскими "руками"; но я не мог использовать ее в этом спектакле, ибо хорошо известно, что последователи Мухаммеда не пьют ферментированного ликера—по крайней мере, публично. Следовательно, я заменил следующее со значительным преимуществом:

Я взял серебряную чашу, вроде тех, что в парижских кафе называют "чашами для пунша", отвинтил ножку и, проведя по ней своей палочкой, показал, что сосуд ничего не содержит; затем, переставив обе части, я подошел к центру оркестровой ямы, когда по моей команде чаша была волшебным образом наполнена сладостями, которые сочли превосходными.

Когда сладости кончились, я перевернул чашку и предложил наполнить ее превосходным кофе; поэтому, когда я трижды торжественно провел рукой над чашкой, из нее тотчас

же вырвался густой пар и возвестил о присутствии драгоценной жидкости. Чаша была полна кипящего кофе, который я разлил по чашкам и предложил своим изумленным зрителям.

Первые чашки были приняты только, так сказать, в знак уважения, ибо ни один араб не согласился бы смочить губы напитком, который, как ему казалось, шел прямо из кухни шайтана; но, незаметно соблазненные ароматом их любимого напитка и подстрекаемые переводчиками, некоторые из самых смелых решили попробовать волшебный напиток, и все вскоре последовали их примеру.

Сосуд, быстро опустошенный, снова и снова наполнялся с одинаковой быстротой; и он удовлетворял всем требованиям, подобно моей неистощимой бутылке, и возвращался на сцену все еще полным.

Но этого было недостаточно, чтобы позабавить моих зрителей; я должен был также, чтобы выполнить свою миссию, удивить и даже напугать их проявлением сверхъестественной силы.

Все мои приготовления были сделаны с этой целью, и я приберег для окончания своих выступлений три фокуса, которые должны были дополнить мою репутацию колдуна.

Многие из моих читателей помнят, что видели на моих спектаклях маленькую, но крепко сколоченную шкатулку, которая, будучи вручена зрителям, становится тяжелой или легкой по моему приказу; ребенок мог бы легко поднять ее,

но самый сильный человек не мог бы сдвинуть ее с места.

Я подошел со своей коробкой в руке к центру "практичного" коридора, соединяющего сцену с ямой; затем, обращаясь к арабам, я сказал им:

– Судя по тому, что вы видели, вы приписываете мне сверхъестественную силу, и вы правы. Я дам вам новое доказательство моей удивительной власти, показав, что я могу лишить самого могущественного человека его силы и восстановить ее по своей воле. Любой, кто считает себя достаточно сильным, чтобы попробовать этот эксперимент, может приблизиться ко мне. (Я говорил медленно, чтобы дать переводчику время перевести мои слова.)

Араб среднего роста, но хорошо сложенный и мускулистый, как и многие арабы, подошел ко мне с достаточной уверенностью.

–А ты очень сильный?– Сказал я ему, смерив его с головы до ног.

–О да!– небрежно ответил он.

–А ты уверен, что так будет всегда?

– Совершенно уверен.

–Ты ошибаешься, потому что в одно мгновение я лишу тебя силы, и ты станешь как маленький ребенок.

Араб презрительно улыбнулся в знак своего недоверия.

– Останься, – продолжал я, – подними этот ящик.

Араб наклонился, поднял коробку и холодно спросил меня:

– Это все?

– Подожди! – Ответил я.

Затем со всей возможной серьезностью я сделал внушительный жест и торжественно произнес:

– Смотрите! ты слабее женщины, а теперь попробуй поднять шкатулку.

Геркулес, совершенно хладнокровный в отношении моего заклинания, снова схватил шкатулку за ручку и сильно дернул ее, но на этот раз шкатулка сопротивлялась и, несмотря на его самые энергичные атаки, не сдвинулась ни на дюйм.

Араб тщетно тратил на этот несчастный ящик силу, которая подняла бы огромную тяжесть, пока наконец, измученный, задыхающийся и красный от гнева, он не остановился, задумался и не начал постигать влияние магии.

Он был уже на грани отступления, но это означало бы допустить его слабость, а он, до сих пор уважаемый за свою силу, превратился в маленького ребенка. Эта мысль почти свела его с ума.

Черпая новые силы в ободряющих словах своих друзей, он обвел их взглядом, который, казалось, говорил: "Вы увидите, на что способен сын пустыни".

Он снова склонился над ящиком; его нервные руки обвились вокруг ручки, а ноги, расставленные по обе стороны, как две бронзовые колонны, служили опорой для последнего усилия.

Но, чудо из чудес! этот Геркулес, еще недавно такой силь-

ный и гордый, теперь склоняет голову; его руки, прикованные к ящику, сильно сжимаются; ноги подкашиваются, и он падает на колени с криком агонии!

Электрический разряд, произведенный индуктивным аппаратом, по моему сигналу был перенесен с дальнего конца сцены на ручку ящика. Вот откуда эти извращения бедного араба!

Было бы жестоко продолжать эту сцену.

Я подал второй сигнал, и электрический ток был немедленно отключен. Мой атлет, освободившись от своего ужасного рабства, поднял руки над головой.

– Аллах! Аллах!– воскликнул он, полный ужаса; затем, быстро завернувшись в складки своего Бурнуса, словно желая скрыть свой позор, он бросился сквозь ряды зрителей и достиг главного входа.

За исключением моих сценических лож и привилегированных зрителей, которые, казалось, получали огромное удовольствие от этого эксперимента, моя аудитория стала серьезной и молчаливой, и я услышал слова: "Шайтан!" "Демон!" проходившие с шепотом по кругу доверчивых людей, которые, глядя на меня, казалось, удивлялись, что я не обладаю никакими физическими качествами, приписываемыми ангелу тьмы.

Я дал своей публике несколько минут, чтобы прийти в себя от волнения, вызванного моим экспериментом и полетом Геркулеса-араба.

Одним из средств, используемых Марабутами для завоевания влияния в глазах арабов, является внушение им веры в свою неуязвимость.

Один из них, например, приказал зарядить ружье и выстрелить в него с близкого расстояния, но кремь напрасно рассыпался дождем искр; Марабу произнес несколько кабалистических слов, и ружье не сработало.

Загадка была достаточно проста: ружье не выстрелило, потому что Марабу умело заткнул дуло.

Полковник де Невен объяснил мне, как важно дискредитировать такое чудо, противопоставив ему ловкий трюк, намного превосходящий его, и я получил тот самый номер.

Я сообщил арабам, что обладаю талисманом, делающим меня неуязвимым, и бросил вызов самому меткому стрелку в Алжире, чтобы тот поразил меня.

Едва я успел произнести эти слова, как араб, привлечший мое внимание тем вниманием, которое он уделял моим трюкам, перепрыгнул через четыре ряда кресел и, презрев употребление слова "аккуратно", перелез через оркестр, опрокидывая флейты, кларнеты и скрипки, поднялся на сцену, обжигаясь светом рампы, а затем сказал на превосходном французском языке:

—Я убью тебя!

Необъятный взрыв смеха приветствовал как живописное восхождение араба, так и его убийственные намерения, в то время как переводчик, стоявший рядом со мной, сказал мне,

что я должно быть имею дело с Марабутом.

– Ты хочешь убить меня! – Ответил я, подражая его акценту и интонации голоса. – Ну, я отвечаю, что хоть ты и колдун, но я все же более великий, и ты не убьешь меня.

В руке у меня был кавалерийский пистолет, который я ему и отдал.

– Вот, возьми это оружие и убедись, что оно не подвергалось никакой подготовке.

Араб несколько раз сильно подул ствол, и, внимательно осмотрев пистолет, сказал:

– Это хорошее оружие, и я убью тебя.

– Как только ты решишь, и для большей уверенности, положи туда двойной заряд пороха и пачку сверху.

– Дело сделано.

– Вот тебе свинцовый шар, пометь его ножом, чтобы можно было узнать, и вложи в пистолет второй пыж.

– Готово.

– Теперь, когда ты совершенно уверен, что твой пистолет заряжен и что он выстрелит, скажи мне, неужели ты не испытываешь ни угрызений совести, ни жалости, убивая меня таким образом, хотя я и разрешаю тебе это сделать?

– Нет, потому что я хочу убить тебя, – холодно повторил араб.

Не отвечая, я положил яблоко на острие ножа и, стоя в нескольких ярдах от Марабута, приказал ему стрелять.

– Целься прямо в сердце, – сказал я ему.

Мой противник прицелился сразу же, без малейшего колебания.

Пистолет выстрелил, и пуля застряла в центре яблока.

Я отнес талисман марабу, и тот узнал шар, который он пометил.

Я не мог сказать, что этот трюк произвел большее оцепенение, чем предшествовавшие ему: во всяком случае, мои зрители, ошеломленные удивлением и ужасом, молча оглядывались по сторонам, как бы думая: "куда же мы, черт возьми, попали!"

Приятная сцена, однако, вскоре сморщила многие их лица. Марабу, хотя и ошеломленный своим поражением, не потерял рассудка; поэтому, воспользовавшись моментом, когда он вернул мне пистолет, он схватил яблоко, засунул его за пояс, и его нельзя было заставить вернуть, так как он был убежден, что в нем находится несравненный талисман.

Для последнего трюка в моем исполнении мне потребовалась помощь араба.

По просьбе нескольких переводчиков на сцену вышел молодой мавр лет двадцати, высокий, хорошо сложенный и богато одетый. Более смелый и цивилизованный, чем его товарищи с равнин, он решительно подошел ко мне.

Я подвел его к столу, стоявшему в центре сцены, и указал ему и другим зрителям, что стол не прикреплен и рядом с ним ничего нет. После чего, без дальнейших предисловий, я велел ему взобраться на него и накрыл его огромным матер-

чатым конусом, открытым сверху.

Затем, положив конус и его содержимое на доску, концы которой держали мы с моим слугой, мы подошли к рампе с нашей тяжелой ношей и перевернули ее. Мавр исчез – конус был совершенно пуст!

Тут же началось зрелище, которое я никогда не забуду.

Арабы были так поражены этой последней уловкой, что, движимые непреодолимым чувством ужаса, они поднялись во всех частях зала и поддались влиянию всеобщей паники. По правде говоря, толпа беглецов была особенно плотная у дверей бельэтажа, и по проворству и растерянности этих высоких сановников было видно, что они первыми пожелали покинуть зал.

Тщетно пытался один из них, Каид Бени-Салаха, более смелый, чем его коллеги, сдерживать людей своими словами:

– Останься! остановись! таким образом, мы не можем потерять одного из наших единоверцев. Конечно, мы должны знать, что с ним стало или что с ним сделали. Остановитесь! остановитесь!

Но единоверцы только быстрее убегали, и вскоре отважный Кэйд, ведомый их примером, последовал за ними.

Они почти не знали, что ждет их у дверей театра, но едва успели спуститься по ступенькам, как очутились лицом к лицу с "ожившим мавром".

Когда первое чувство ужаса было преодолено, они окружили человека, ощупали и перекрестно допросили его; но,

раздраженный этими повторяющимися вопросами, он не имел лучшего выхода, чем бежать во весь опор.

На следующий вечер состоялось второе представление, которое произвело почти такой же эффект, как и предыдущее.

Удар был нанесен, отныне переводчики и все те, кто имел дело с арабами, получили приказ дать им понять, что мои мнимые чудеса были лишь результатом мастерства, вдохновенного и управляемого искусством, и никак не связанным с колдовством.

Арабы, несомненно, уступили этим доводам, ибо с тех пор я был с ними в самых дружеских отношениях. Каждый раз, когда вождь видел меня, он неизменно подходил и пожимал мне руку. И даже более того, эти люди, которых я так боялся, когда они стали моими друзьями, дали мне драгоценное свидетельство своего уважения, и я могу также сказать, их восхищения, ибо это их собственное выражение..

Лицом к лицу с пистолетом араба

(Самое суровое испытание неожиданно произошло во время визита фокусника и его жены к Бу-Аллем-Бен-Шерифе, Баш-Аге из Джендела, племени, живущего в глубине пустыни).

Мы вошли в небольшую, очень элегантно обставленную комнату, в которой стояли два дивана.

– Вот эта комната, – сказал наш хозяин, – отведена для почетных гостей; вы можете ложиться спать, когда вам угодно, но если вы не устали, я попрошу вашего позволения представить вам нескольких вождей моего племени, которые, услышав о вас, желают вас видеть.

– Пусть войдут, – сказал я, посоветовавшись с г-жой Гуден, – мы их с удовольствием примем.

Переводчик вышел и вскоре привел с собой дюжину стариков, среди которых были марабуты и несколько талибов, к которым Баш-ага, По-видимому, относился с большим почтением.

Они уселись кружком на коврах и вели очень оживленную беседу о моих выступлениях в Алжире. Это ученое общество обсуждало вероятность чудес, рассказанных вождем племени, который с большим удовольствием описывал свои впечатления и впечатления своих единоверцев при виде чудес, которые я совершил.

Каждый внимательно прислушивался к этим рассказам и смотрел на меня с некоторым благоговением; один только Марабут выказывал некоторую степень скептицизма и утверждал, что зрители были обмануты тем, что он называл видением.

Ревнуя к своей репутации французского колдуна, я решил, что должен показать неверующему несколько трюков в качестве примера моего позднего выступления. Я имел удовольствие поражать своих слушателей, но Марабу продол-

жал оказывать мне систематическое сопротивление, чем явно раздражал своих соседей; бедняга, однако, не подозревал, что я приготовил для него.

Мой противник носил за поясом часы, цепочка от которых свисала наружу.

Кажется, я уже упоминал о своем таланте красть часы, булавку, бумажник и т. д. с мастерством, благодаря которому несколько моих друзей стали моими жертвами.

К счастью, я родился с честным сердцем, иначе этот особый талант завел бы меня слишком далеко. Когда мне хотелось пошутить в этом роде, я обращал его в пользу фокуса или ждал, пока мой друг простится со мной, и тогда останавливал его: – останься, – говорил я, подавая ему украденный предмет, – пусть это послужит тебе уроком, чтобы ты остерегался людей менее честных, чем я.

Но вернемся к нашему Марабуту. Проходя мимо него, я стащил у него часы и положил на их место пятифранковую монету.

Чтобы он этого не заметил, и пока я ждал, когда смогу извлечь выгоду из своей кражи, я придумал хитрость. Жонглируя четками Бу-Аллема, я переложил их в одну из многочисленных тувель, оставленных у дверей гостями; эта тувель оказалась затем полна монет, и, чтобы закончить эту маленькую сцену комично, я заставил пять франков выйти из носов зрителей. Они так наслаждались этим трюком, что мне казалось, что я никогда не смогу его прекратить. "Дурос! ду-

рос!³⁸— Закричали они, подергивая носами. Я охотно удовлетворил их просьбу, и дурос появились.

Восторг был так велик, что несколько арабов покатались по земле; эта грубо выраженная радость мусульман стоила мне бешеных аплодисментов.

Я сделал вид, что держусь в стороне от Марабута, который, как я и ожидал, оставался серьезным и бесстрастным.

Когда спокойствие было восстановлено, мой соперник начал торопливо говорить со своими соседями, как бы стараясь рассеять их иллюзию, и, не преуспев, обратился ко мне через переводчика:

— Так ты меня не обманешь, — сказал он с лукавым видом.

— Почему же так?

— Потому что я не верю в твою силу.

— Ах, в самом деле! Ну, тогда, если ты не веришь в мою силу, я заставлю тебя поверить в мое мастерство.

— Ни в том, ни в другом случае.

Я был в этот момент на другом конце комнаты от Марабута.

— Стой, — сказал я ему, — ты видишь эту пятифранковую монету.

— Да.

— Крепко сожми свою руку, потому что монета пройдет в кулак помимо твоей воли.

— Я готов, — недоверчиво произнес араб, протягивая впе-

³⁸ Мелкая золотая арабская монета

ред крепко сжатый кулак.

Я взял монету кончиками пальцев, чтобы все присутствующие могли ее увидеть, а затем, сделав вид, что бросаю ее в Марабута. Монета исчезла при слове "пас!"

Мой зритель раскрыл ладонь и, ничего не найдя в ней, пожал плечами, как бы говоря: "Вот видишь, я же тебе говорил".

Я прекрасно понимал, что этого предмета там нет, но было важно на мгновение отвлечь внимание Марабута от пояса, и для этой цели я использовал финт.

– Это меня не удивляет, – ответил я, – потому что я бросил эту штуку с такой силой, что она прошла прямо через вашу руку и упала в ваш пояс. Боясь разбить ваши часы ударом, я взял их себе: вот они! – И я показал ему часы, которые держал в руке.

Марабут быстро сунул руку за пояс, чтобы удостовериться в правдивости моих слов, и был совершенно ошеломлен, обнаружив пятифранковую монету.

Зрители были поражены. Некоторые из них начали перебирать четки с живостью, свидетельствующей о некотором душевном волнении; но Марабу нахмурился, не говоря ни слова, и я увидел, что он пишет по буквам какой-то злой умысел.

– Теперь я верю в твою сверхъестественную силу, – сказал он, – ты настоящий колдун, поэтому я надеюсь, что ты не боишься повторить здесь трюк, который ты проделал в своем

театре, – и, протягивая мне два пистолета, которые он прятал под своим бурнусом, он добавил, – пойдём, выбери один из этих пистолетов; мы зарядим его, и я выстрелю в тебя. Тебе нечего бояться, так как ты можешь отразить все удары.

Признаюсь, на мгновение я был ошеломлен; я искал какую-нибудь уловку и не находил ее. Все глаза были устремлены на меня, и ждали ответа с нетерпением.

Марабут торжествовал.

Бу-Аллем, понимая, что мои фокусы – всего лишь результат мастерства, рассердился, что его гостю так докучают, и принялся упрекать Марабута. Однако я остановил его, потому что мне пришла в голову мысль, которая, по крайней мере временно, избавила бы меня от этой дилеммы; затем я обратился к своему противнику:

– Ты знаешь, – сказал я уверенно, – что мне нужен талисман, чтобы быть неуязвимым, и, к сожалению, я оставил свой в Алжире.

Марабут засмеялся с недоверчивым видом.

– И все же, – продолжал я, – проведя шесть часов в молитве, я смогу обойтись без талисмана и бросить вызов твоему оружию. Завтра утром, в восемь часов, я позволю тебе стрелять в меня в присутствии этих арабов, которые были свидетелями твоего вызова.

Бу-Аллем, удивленный таким обещанием, снова спросил меня, серьезно ли это предложение и следует ли ему пригласить компанию на назначенный час. Получив мое согласие,

они договорились встретиться перед каменной скамьей на Рыночной площади.

Ночь я провел не в молитвах, как можно было бы предположить, а около двух часов, я обеспечивал себе неуязвимость; затем, удовлетворенный результатом, я крепко заснул, потому что ужасно устал.

К восьми часам утра мы позавтракали, наши лошади были оседланы, и наш эскорт ожидал сигнала к отъезду, который должен был состояться после знаменитого эксперимента.

Никто из гостей не отсутствовал, да и вообще их было очень много.

Пришло много арабов, создавая толпу.

Пистолеты были вручены мне; я обратил внимание на то, что вентиляционные отверстия были чисты, и Марабут положил порядочный заряд пороха. Среди предложенных пуль я выбрал одну, которую открыто вложил в пистолет.

Араб следил за всеми этими движениями, ибо на карту была поставлена его честь.

Мы проделали то же самое со вторым пистолетом, и наступил торжественный момент.

Торжественным он казался всем, и зрителям, которые не были уверены в этом, и г—же Гуден, тщетно умолявшей меня отказаться от этого трюка, ибо она боялась результата, и мне тоже, ибо, поскольку мой новый трюк не зависел ни от каких приготовлений, сделанных в Алжире, я боялся ошибки, предательства, не знаю чего именно.

И все же я стоял в пятнадцати шагах от шейха, не выка- зывая ни малейшего волнения.

Марабут немедленно схватил один из пистолетов и, когда я подал знак, тщательно прицелился в меня. Пистолет вы- стрелил, и пуля оказалась у меня между зубами.

Еще более разъяренный, чем когда-либо, мой соперник попытался схватить другой пистолет, но ...

Мне удалось добраться до него раньше него.

–Ты не можешь причинить мне вреда, – сказал я ему, – но теперь ты увидишь, что моя цель опаснее твоей. Посмотри на эту стену.

Я нажал на курок, и на недавно побеленной стене появи- лось большое пятно крови, точно в том месте, куда я целил- ся.

Марабу подошел к нему, окунул палец в кровь и, поднеся его ко рту, убедился в реальности происходящего. Когда он обрел эту уверенность, его руки упали, а голова склонилась на грудь, как будто он был уничтожен.

Было очевидно, что в данный момент он сомневался во всем, даже в том, что он был прав.

Зрители поднимали глаза к небу, бормотали молитвы и смотрели на меня с каким-то ужасом.

Эта сцена была триумфальным завершением моего вы- ступления. Поэтому я удалился, оставив публику под впе- чатлением, которое произвел сам. Мы простились с Бу-Ал- лемом и его сыном и пустились в галоп.

Трюк, который я только что описал, хотя и очень любопытен, но его легко приготовить. Я дам вам его описание, объяснив при этом, сколько хлопот он мне доставил.

Как только я остался один в своей комнате, я достал из своего пистолетного футляра, без которого я никогда не путешествую, форму для пуль.

Я взял карточку, загнул четыре края и таким образом сделал нечто вроде корыта, в которое положил кусочек воска, взятый с одной из свечей. Когда он расплавился, я смешал с ним немного сажи, которую получил, положив лезвие ножа на свечу, а затем пустил эту композицию в форму для пуль.

Если бы я дал жидкости совсем остыть, шар был бы полон и тверд; но примерно через десять секунд я перевернул форму, и части еще не застывшего воска вытекли, оставив в форме полый шар. Эта операция такая же, как и при изготовлении конусов, толщина наружной поверхности зависит от времени пребывания жидкости в пресс-форме.

Мне нужен был второй шар, который я сделал гораздо более твердым, чем первый; я наполнил его кровью и прикрыл отверстие куском воска. Один ирландец как-то научил меня брать кровь из большого пальца, не чувствуя боли, и я воспользовался этим приемом, чтобы наполнить свою пулю.

Пули, приготовленные таким образом, имеют необычайное сходство со свинцом и легко принимаются за этот металл, если смотреть на них с близкого расстояния.

При таком объяснении трюк будет легко понятен. Показав

зрителям свинцовую пулю, я поменял ее на свой полый шар и открыто вложил последний в пистолет. Плотнo прижатый комок, распадался на мелкие кусочки и не мог коснуться меня на том расстоянии, на котором я стоял.

В тот момент, когда прозвучал выстрел, я открыл рот, чтобы показать свинцовую пулю, которую держал в зубах, в то время как другой пистолет содержал пулю, наполненную кровью, которая, разбившись о стену, оставила свой отпечаток, хотя воск разлетелся на атомы.

Неудивительно, что после таких выступлений успех Робер-Гудена был полным. Арабы потеряли всякое доверие к Марабутским "чудесам", и таким образом опасное тлеющее пламя недовольства французами было полностью задушено. – РЕДАКТОР.

Раскрытие обмана спиритизма (Дэвид П. Аббот)

Вопрос о том, возможно ли общение с ушедшими, здесь не обсуждается. Последующие эпизоды, основанные на хорошо проверенном опыте, просто иллюстрируют то, что уже давно известно экспертам по ловкости рук – что большинство "медиумов", "астрологов", "читателей мыслей" и им подобных могут быть признаны мошенниками. Их жертвы озадачены, а иногда и побеждены спиритуализмом, который сводится либо к трюкам, которые знакомы всем "фокусникам", либо к психологии обмана.

Методы доктора оккультных наук

Не так давно я встретил своего друга—богатого человека, который твердо верил в спиритизм и часто беседовал со своей умершей женой и дочерью. Я спросил его, может ли он сообщить мне, есть ли в городе хорошие медиумы, так как я хотел бы проконсультироваться с одним из них.

Он ответил, что в настоящее время в Омахе нет ни одной хорошо развитой психической силы, что он полностью удовлетворен в этом вопросе и не нуждается в каких – либо демонстрациях, чтобы убедить себя в истинах духовной науки. Он сообщил мне, что этот вопрос решен без всяких споров,

но если я настроен скептически, то в Каунсил-Блаффсе есть медиум, обладающий самыми удивительными способностями.

Соответственно, я навел другие справки у тех, кто был в состоянии это знать, и узнал, что этот медиум, знаменитый "доктор оккультизма, астролог, хиромант и духовный медиум", давал в то время частные уроки в Каунсил-Блаффс только для серьезных исследователей за небольшую сумму в два доллара.

Мне сообщили, что его представления были самой удивительной природы, что не было никакой возможности обмана любого рода, что он говорил вам все, что вы хотели знать, даже не спрашивая его, что, кроме того, он обладал властью над стихиями природы, и, по сути, я был убежден, что он был истинным колдуном древних дней.

Я сразу же решил обратиться к этому знаменитому человеку и попытаться получить хоть какую-то информацию из невидимого мира. Соответственно, однажды в воскресенье днем я взял машину, которая была переправлена через реку, и в назначенное время прибыл в апартаменты этого замечательного доктора.

У дверей меня встретил слуга, который принял плату и велел мне тихо войти в комнаты этого таинственного человека; и если я найду его занятым, то ни в коем случае не беспокоить его, а просто ждать его внимания; что он часто беседует с невидимыми существами или глубоко погружен

в какие-то астрологические вычисления, и в такие моменты было небезопасно беспокоить его.

С бьющимся сердцем я вошел в комнату, где он должен был находиться. Эта комната была очень большой. Сначала я его не заметил. То, что привлекло мое внимание, было большой картой или картиной на куске холста, который висел на стене в комнате. В центре этой картины было изображено солнце. Это можно было обнаружить по лучам, которые исходили от него во всех направлениях. Вокруг этого солнца было много звезд, а иногда и планет, среди которых Сатурн и его кольца были очень заметны. Там были многочисленные изображения животных и людей, а также странных чудовищ, рассеянных среди звезд.

Под этой картиной стоял большой стол из золотого дуба, за которым сидел этот исследователь оккультизма, глубоко погруженный в изучение этой картины, а маленькой кистью он вычерчивал и вычислял странные китайские иероглифы, которые рисовал на листе бумаги. Казалось, он тоже делает странный рисунок на той же самой бумаге. Он был слишком поглощен своим занятием, чтобы заметить мое появление, и некоторое время продолжал свои труды, а я спокойно стоял и наблюдал за ним. На одном конце этого довольно большого стола стоял стеклянный шар или сосуд, поддерживаемый тремя никелированными стержнями, наподобие треноги. От стены отходила довольно большая никелированная трубка, которая изгибалась над стеклянным сосудом и

постоянно позволяла каплям воды падать в шар. Со стороны этого стеклянного сосуда тянулась маленькая никелированная трубочка, которая, очевидно, отводила сточные воды.

Иногда на поверхности этой воды появлялось маленькое голубое пламя, играло и исчезало. Когда это происходило, тело медиума всегда слегка содрогалось.

Через некоторое время он, казалось, закончил свои вычисления, и этот провидец снизошел до того, чтобы покинуть царство звезд, где обитали духи, управляющие Вселенной и судьбами людей, и спуститься на землю, чтобы на время обратить свой взор к этому смиренному смертному. Он обернулся и впервые внимательно посмотрел на меня. Это был крупный, дородный, красивый господин средних лет, с очень длинными черными волосами, придававшими ему странный вид. На носу у него были низко надвинутые очки; и из-за них он снизошел до того, чтобы направить на меня свой пристальный взгляд и изучить меня на мгновение, как естествоиспытатель изучает какой-нибудь экземпляр, который случайно привлек его внимание.

Вскоре он сообщил мне, что звезды сообщили ему кое-что о моем приходе и о волнующем меня вопросе; и он спросил меня, хочу ли я посоветоваться со звездами относительно своей судьбы, чтобы он расшифровал ее по линиям моей ладони, или же я предпочту беседовать с мертвыми. Последнее было моим выбором.

Недалеко от окна в одном конце комнаты стоял неболь-

шой столик, на котором лежало несколько предметов. Он велел мне сесть за этот стол и вручил мне листок бумаги размером примерно четыре на пять дюймов. Он велел мне написать на этой бумаге вопрос, на который я хотел бы получить ответ, а затем сложить бумагу пополам три раза с надписью внутри. Я так и сделал, пока он шел к своей миске с водой, по-видимому, не обращая на меня никакого внимания, а затем вернулся.

Вернувшись к столу напротив меня, он протянул руку, чтобы взять у меня написанное, и, увидев это, я быстро отогнул один уголок бумаги и отдал ему. Пока я это делал, он бросил на меня один острый взгляд и одновременно другой рукой взял со стола конверт. Он протянул мне этот конверт с открытым краешком и медленно вложил в него мою бумагу. Сделав это, он пристально посмотрел на меня и заметил, – я не мастер ловкости рук. Вы видите, что ваш вопрос действительно находится в конверте.– Так оно и было на самом деле, потому что записка была совсем близко от меня, и я ясно видел ее верхушку на обратной стороне конверта, а нижние части были вставлены; и я видел маленький уголок, сложенный так, как я его согнул, и я был уверен, что он ее не поменял. На самом деле он пользовался случаем использовать свои руки таким образом, чтобы я мог видеть, что в них ничего не было скрыто, что он ничего не "подсовывал" и что он не делал никакого обмена. Я был полностью удовлетворен тем, что все было честно и что никакого обмена не произо-

шло.

Затем он запечатал конверт и, поднеся его к окну, обратил мое внимание на то, что, поскольку конверт был частично прозрачным, я мог видеть в нем свою бумагу и что она действительно была там. Так оно и было на самом деле. Теперь он взял спичку и, зажег ее, поднес пламя к этому точно такому же конверту, не выпуская его из поля моего зрения, а затем сжег последние остатки конверта и бумагу внутри него, позволив пеплу упасть в маленький сосуд на столе.

Не было никакого сомнения, что он не обменивался конвертами и сжег их прямо у меня на глазах. Теперь он взял пепел и высыпал его в чашу с водой, стоявшую на боковом столике. После этого на поверхности воды на мгновение появилось маленькое голубое пламя, а затем исчезло.

Теперь он достал из ящика стола несколько пластинок, примерно восемь или десять маленьких пластинок с мягкими краями. Судя по всему, это были самые маленькие сланцы, и вместе с ними он принес еще один сланец, чуть побольше, вероятно, на два дюйма длиннее и шире. Он попросил меня тщательно осмотреть или почистить их все к моему собственному удовлетворению и сложить маленькие листы на столе один на другой, а когда все они будут разложены таким образом, положить большую дощечку поверх стопки.

Пока я это делал, он крикнул своему слуге, чтобы тот принес воды, и вышел в зал, чтобы принять ее, чтобы его слуга не осквернил своим присутствием это святилище.

Вернувшись к столу, он сел напротив меня и положил одну из моих рук, и свою на грифельную доску. Спустя время он взялся за грифельные доски, и мы ничего не нашли. Он положил их на место и подождал несколько мгновений; затем, казалось, не удовлетворенный условиями, он взял верхнюю дощечку в левую руку и правой начал писать сообщение для меня. Он делал это так же, как медиумы делают автоматическое письмо, с полузакрытыми глазами; и во время письма его лицо несколько раз сотрясилось в конвульсиях. Затем он открыл глаза и прочитал вслух то, что написал, спрашивая меня, ответил ли он на мой вопрос. Я ответил, что нет, так как это было совершенно чуждо нашему предмету. Затем, явно недовольный, он смочил пальцы, стер надпись и положил верхнюю грифельную доску на стопку грифельных досок.

Теперь он снова положил руки на эту дощечку и некоторое время изучал ее, но она все еще была свободна от надписей. Он поднял несколько других грифельных досок, но так как на них ничего не было написано, то он разбросал их по столу и попросил меня накрыть их большой скатертью, которую он мне протянул. Это я и сделал, и под его руководством положил свои руки и ладони поверх этого. Он подошел к миске с водой, стоявшей на боковом столике, и заглянул в нее. Я наблюдал за ним и увидел, как довольно большое пламя появилось на поверхности воды, заплясало и исчезло.

Он сразу же сообщил мне, что уверен, что теперь у меня

есть послание. Он оставался на некотором расстоянии, пока я осматривал одну за другой грифельные доски. Наконец, на одной из них я нашел сообщение, аккуратно написанное и покрывающее всю доску. Там было написано:

– Миссис Пайпер – настоящий медиум. Она обладает силами очень необычной природы. Ее послания для Хайслоп и другие опыты являются подлинными. Не будь скептиком. Ты совершаешь ошибку, дорогой друг. Теперь мне все ясно, и дух-это все, что есть.– БУДЕТ.

Итак, вопрос, который я написал, был адресован очень дорогому другу, который теперь мертв, и гласил следующее:

Что касается медиума, Миссис Пайпер, о которой мы говорили во время вашего последнего визита, то я хотел бы спросить, была ли она подлинной и были ли подлинными послания, которые она давала профессору Хайслопу и другим. Дайте мне ответ.

Все это было прекрасно сделано, и я уверен, что произвело бы большое впечатление почти на всех. Будучи сам исполнителем, я мог бы, конечно, следить за исполнением в мельчайших деталях, и таким образом я смог бы дать читателям этой статьи подробный отчет о методе, используемом доктором. Я утверждаю, что с тех пор я очень успешно провел это же самое испытание, за вычетом чаши с водой и пламени огня; и что я могу заверить всех, что это очень практично и очень обманчиво.

Как удавались трюки

Когда медиум взял конверт, в который я положил свою бумагу, внутри него оказался дубликат сложенного листа бумаги того же размера (один дюйм с четвертью на два дюйма), что и тот, который я сложил. Он держал лицевой стороной этот конверт напротив меня, так что я не мог видеть противоположную его сторону. На лицевой стороне его была горизонтальная прорезь, прорезанная ножом. Эта щель была длиной около двух дюймов и располагалась примерно посередине лицевой стороны конверта. Дубликат сложенной бумаги был помещен вертикально в конверт по центру, так что его центр был расположен напротив щели. Этот листок бумаги удерживался в нужном положении благодаря клею в точке, противоположной прорези, что заставляло его прилипать к внутренней стороне обратной стороны конверта.

Когда маг брал этот приготовленный конверт левой рукой, то делал это с разрезанной стороны. Конверт лежал разрезанным боком вниз, прежде чем он поднял его, так что я вообще не видел лицевой стороны конверта, и он держал эту сторону конверта от меня в течение всего действия. Бумага в конверт была втиснута достаточно глубоко, так что ее верхняя часть не была видна мне. Таким образом, конверт выглядел совершенно естественно, как обычный, в котором ничего не было.

Таким образом, маг держал конверт в левой руке, широко распахнув уголок, а тыльную сторону конверта позже запечатал, повернувшись лицом ко мне. Теперь он действительно вложил мой листок в этот конверт правой рукой, когда брал его у меня; но на самом деле он засунул его прямо за спрятанный в конверте листок бумаги. Я имею в виду, что он вставил его между скрытым листком и лицевой стороной или прорезью конверта; и при этом он заставил нижний конец моего листка бумаги пройти через прорезь в центре передней части конверта. Таким образом, нижняя часть моего листка была вынута из конверта с тыльной стороны, между передней частью конверта и пальцами его левой руки, хотя я ничего этого не видел. Он опустил его вниз так, чтобы верх все еще оставался в поле зрения с открытым загнутым углом, а затем закрыл уголок.

Протянув конверт к окну, он обратил мое внимание на то, что внутри лежала моя бумага и что я мог ее ясно видеть. Я видел тень от двух бумаг, которые казались мне единым целым, и поэтому его утверждение казалось верным. Разумеется, он не показал мне ни тыльной стороны, ни лицевой стороны конверта, из которого торчала моя бумага, находившаяся сразу же за дубликатом, так что тень от него тоже была тенью дубликата.

Эта тень также скрывала от моего взгляда тень щели. Конверт был надежно запечатан.

Теперь правой рукой он придвинул к себе маленький со-

суд, стоявший на столе. Затем, взяв конверт в правую руку разрезом вниз, он поднес его вплотную к этому сосуду; в то же время левой рукой он достал из кармана спичку и принялся жечь конверт. Это движение скрывало фокус, и оно было очень обманчиво и ловко сделано. Когда он взял конверт из левой руки правой, то, коснувшись пальцами левой руки выступающей части моего бланка, заставил его остаться в левой руке и полностью вынул из щели. Его глаза следили за конвертом, когда он взял его правой рукой; что, естественно, заставило мои глаза следить за ним, так как его внимание, казалось, было сосредоточено на конверте, и он, казалось, занимал всю сцену действия. Этот ход был выполнен в одно мгновение, не требуя никакого времени, достойного упоминания, хотя требуется так много времени, чтобы описать его на бумаге вразумительно. Теперь, когда его глаза (и, конечно же, мои) следили за конвертом, его левая рука без промедления полезла в левый карман, чтобы естественным образом достать спичку. Он, конечно же, оставил мою записку в кармане вместе со своими спичками; а когда он отошел выпить воды, то прочитал мой вопрос.

Что касается трюка с грифельной доской, то все было честно, пока он не взял верхнюю грифельную доску и не написал автоматическое сообщение, и не прочитал его мне вслух, а затем, когда я сообщил ему, что сообщение не отвечает на мой вопрос, он, казалось, был недоволен, очевидно, стер сообщение и заменил большую грифельную доску на

стопку грифельных досок. Что он действительно сделал, так это поднял большую верхнюю грифельную доску, повернув ее нижней стороной к себе, и в то же время взял с собой маленькую грифельную доску, плотно прижатую к ее нижней стороне. Он держал большую грифельную доску так, что ее нижняя сторона была наклонена от меня, так что я не мог видеть эту маленькую грифельную доску. Поскольку в штабеле было так много маленьких пластинок, временное отсутствие одной из них не привлекло никакого внимания.

Он держал эту маленькую дощечку рядом с собой вне моего поля зрения и действительно написал послание на маленькой дощечке, которая была рядом с ним, и которая была скрыта от моего взгляда большой дощечкой. Он не читал вслух то, что написал на самом деле, а просто делал вид, что читает, повторяя вместо этого что-то совершенно чуждое этому предмету. То, что он написал, действительно полностью отвечало на мой вопрос. Когда он явился, чтобы стереть послание, его движения были лишь притворством, и он вовсе не стирал ничего. Когда он положил большую грифельную доску на стопку грифельных досок, то, конечно же, положил маленькую, которая была спрятана под ней, сообщением вниз.

Следует помнить, что маг в начале трюка с грифельной доской сначала взял и некоторое время изучал большую грифельную доску в поисках сообщения; и, не найдя ничего, казался разочарованным и, наконец, написал автоматическое

сообщение; затем, когда ему сообщили, что оно не относится к делу, он казался недовольным и, казалось, стирал его.

После того как послание было написано и грифельные доски положены на место, он некоторое время рассматривал верхнюю грифельную доску и даже поднял несколько маленьких грифелей, ища надписи, но не перевернул их; затем, ничего не видя, он разбросал грифельные доски по столу, оставив их также сторонами вниз; и, протянув мне ткань, он попросил меня накрыть их и положить на них свои руки.

Теперь фокус был практически завершен. Поскольку грифельные доски были исследованы так много раз и на них ничего не было найдено, даже после автоматического письма, большинство людей подтвердило бы, что на грифельных досках не было решительно ничего, когда медиум вышел из-за стола. Большинство людей никогда бы не вспомнили, что он когда-то написал на большой грифельной доске и стер надпись. Сообщение было написано на маленькой грифельной доске, и они были разбросаны вокруг, и мало кто мог бы знать, что это сообщение действительно появилось на конкретной маленькой грифельной доске, которая изначально была сверху стопки.

Большинство людей подтвердило бы, что они сами очистили все грифельные доски, что медиум никогда не прикасался ни к одной из маленьких пластинок и что он только несколько раз положил руки на верхушку стопки. Некоторые даже забывали, что медиум вообще прикасался к их письму,

прежде чем сжечь его.

Я уверен, что в никелированной трубке, из которой вода капала в стеклянную чашу, была вторая трубка, через которую его помощник из соседней комнаты либо продувал, либо посылал с помощью какого-то механизма химические вещества (вероятно, калий), которые воспламенялись и горели при попадании в воду.

.....

Когда я выполняю трюк с грифельной доской, описанный выше, после написания "автоматического" сообщения, очевидно, стирая его и заменяя грифельные доски, я не разбрасываю грифельные доски по столу, как это сделал предшественник. Вместо этого я продолжаю то, что сейчас опишу.

Мы кладем ладони на стопку и через некоторое время извлекаем большую грифельную доску в поисках сообщения, но ничего не находим. Я могу между прочим заметить, что этот последний экзамен бессознательно подтверждает в сознании сидящего тот факт, что я действительно стер то, что написал "автоматически."

Теперь я смотрю на некоторые из небольших грифельных досок в поисках сообщения, но ничего не нахожу. Когда я делаю это, я не переворачиваю эти грифельные доски и не смотрю на их нижние стороны, а просто снимаю верхнюю грифельную доску, чтобы увидеть, есть ли сообщение на верхней поверхности той, что под ней. Я просто замечаю: "ну, на этой грифельной доске ничего нет", – указывая на

вторую сверху, и в то же время бросаю верхнюю грифельную доску (теперь уже в моей руке) на стол рядом со стопкой. Я немедленно снимаю вторую грифельную доску и повторяю то же самое представление, бросая ее поверх первой. Я продолжаю это представление, пока не уберу четыре или пять пластин и не сложу их во вторую стопку рядом с первой. Затем, казалось бы, обескураженный, я замечаю: "я думаю, что нет никакого сообщения"; и я укладываю вторую стопку на первую. В результате пластина с надписью оказывается четвертой или пятой в стопке.

Затем я поднимаю края маленьких грифельных досок и обматываю их резинкой, помещая их на колени зрителя. Я, конечно, помещаю то, что было верхушкой стопки, вниз, когда делаю это. Поскольку стопка стоит на боку, когда я сначала поднимаю ее вверх, а затем ставлю на место. Теперь легко положить стопку грифельных досок на колени сидящего сверху вниз и не привлекать к этому факту никакого внимания. Затем я беру стопку в руки за края планок и просто кладу то, что было верхней стороной стопки вначале, на дно.

В свое время я говорю испытуемому, чтобы он проверил сообщение, и, конечно, через четыре или пять сланцев он находит сообщение на верхней поверхности одного из сланцев.

Это кажется очень удивительным, так как сланцы были так много раз исследованы и на них ничего не было найдено. Найти послание на верхней поверхности среднего сланца, где всего лишь мгновение назад ничего не было, кажется

поистине чудом. Субъект, который сам очистил и сложил эти листы и видел их так много раз, естественно, чувствует, что сообщение приходит от какой-то сверхчеловеческой силы.

Имя умершего

В книге под названием “Экстрасенсы: Факты и Теории” под редакцией Рев. Минот. Джи. Саважа на стр.15 мы найдем следующее:

Вскоре я начал слышать стук, по-видимому, по полу, а затем в разных концах комнаты. На это дама ответила просто, – очевидно, здесь есть кто-то, кто хочет поговорить с вами. Пойдемте в переднюю гостиную, там будет потише.

Так мы и сделали, постукивание последовало за нами, вернее, началось снова, как только мы сели. По ее предложению я взял карандаш и бумагу (которые случайно оказались у меня в сумке) и сел по одну сторону мраморного стола, а она по другую, в кресле-качалке, на некотором расстоянии от меня. Затем она сказала, – вы знаете, какие друзья у вас есть в духовном мире. Напишите теперь список имен – любые имена, какие вам угодно, настоящие или вымышленные, но среди них где-то должны быть имена некоторых друзей в духовном мире, которые, как вы думаете, хотели бы общаться с вами, если бы такое было возможно.

И тогда я начал. Я держал бумагу так, чтобы она не могла видеть того, что я написал, хотя она и не была так далеко. Я

особенно старался, чтобы ни одно движение или выражение лица не выдало меня. Тем временем она тихо сидела, покачиваясь и разговаривая. Пока я писал, Возможно, на восьмом или десятом имени, я начал писать имя подруги, которая недавно умерла. Едва я успел написать первое письмо, как раздались три громких отчетливых удара.

– Этот ваш друг, конечно он знает, где он умер. Напишите теперь список мест, включая в него место его смерти, и посмотрите, узнает ли он его.

Так я и сделал, начав с вены, и так далее со всего, что мне пришло в голову. И снова я едва начал писать настоящее название, как снова раздались три стука. И так далее, по другим вопросам. Я говорю о них только как об образцах.

Так вот, я не могу сказать, что в данном конкретном случае стук не был вызван суставами пальцев ног леди. Единственное, что меня озадачивает в этой теории, это то, как суставы пальцев ног случайно узнали имя моей подруги, где она умерла и т. д. о чем сама леди не знала и не могла знать.

Писателю посчастливилось стать свидетелем практически такого же эксперимента, проведенного весьма опытным медиумом, доктором Шлоссенджером, который путешествовал по стране несколько лет назад.

В то время я жил в Фоллс-Сити. Это место с населением в несколько тысяч человек. В течение двух зим я немного путешествовал в качестве мага, поэтому, когда медиум приехал в город и начал творить свои чудеса, некоторые члены

общины предложили мне стать свидетелем одного из его сеансов, думая, что я смогу выяснить, были ли его сеансы подлинными или они были выполнены с помощью обмана. Поэтому однажды вечером один известный врач пригласил меня вместе с некоторыми родственниками и друзьями посетить сеанс, который проходил в его гостиной.

Когда мы приехали, меня представили медиуму, пожилому джентльмену с длинной белой бородой и в очках. Он казался слегка глуховатым, когда он приложил руку к уху и я повторил мое имя. Он был представлен остальной компании в массовом порядке, имена посетителей ему не были даны.

Вскоре он объявил, что его миссия на этой земле – доказать человечеству абсолютное бессмертие души. Теперь он предложил сделать несколько опытов тем, кто этого желает, и попросил маленький столик, который был поставлен в соседней комнате. Он неизменно прикладывал руку к уху, чтобы уловить то, что ему говорили, будучи, по-видимому, совершенно глухим. Он также использовал это же средство, когда слушал голоса невидимых духов и сообщал об их посланиях.

Мой отец и еще один джентльмен были выбраны для первого испытания, так как они считались очень скептическими в таких вопросах. Когда они удалились в закрытую комнату, я не видел эксперимента, но передам некоторые его части, как мне сообщили, дальше. Вскоре они вернулись в гостиную и занялись обсуждением этого вопроса; и мой отец заметил, –

я не знаю, как вы получили эту информацию, но я уверен, что она была получена не от моего брата, иначе он дал бы верный ответ.

– Если я скажу вам, где умер ваш отец и от какой болезни он умер, вы будете удовлетворены?

– Я думаю, что так и будет, – ответил отец, – если вы сможете это сделать.

Затем они удалились, и медиум частично преуспел в этом эксперименте; и, несомненно, преуспел бы полностью, если бы мой отец следовал его указаниям. Далее я опишу то, что мне сообщили об этом испытании.

Теперь я предложил себя для испытания. Я удалился в комнату с медиумом и между прочим предложил ему один доллар и пятьдесят центов, те же самые, что дал ему мой отец; но он отказался от денег, сказав, – ваш отец не убедился, и я больше не возьму денег.

Теперь он взял лист бумаги из блокнота и провел по нему пять прямых линий, разделив лист примерно на шесть равных промежутков. Затем, взяв меня за руку и серьезно посмотрев мне в лицо, он сказал, – обещаю тебе, что если я добьюсь успеха, ты не станешь придавать этому значения. Обещай мне, ибо это очень свято для меня.

Я так и сделал. Теперь он велел мне писать имена в пробелах на листе, любые имена, какие я пожелаю, но только по одному имени в каждом месте. Все имена должны были принадлежать живым или вымышленным людям, за исклю-

чением одного, но это должно было быть имя кого-то, кого я знал и кто был уже мертв. Он сказал, – будь честен со мной, и я вычеркну имя покойника.

Это были его точные слова, поэтому я ни в коем случае не пытался скрыть от него свои записи, хотя он стоял поодаль и, казалось, не смотрел на меня. Я взял карандаш и начал писать имена; будучи неподготовленным, я должен был думать о тех именах, которые хотел написать. Я хотел выбрать имена людей, живущих на расстоянии, чтобы он никак не мог их узнать. Пока я писал, он говорил без умолку, что невольно отвлекало мое внимание. В то же время он продолжал настаивать, чтобы я писал, и сразу же после этого начинал быстро говорить на какую-нибудь спиритическую тему. Я помню, как он сказал, – ты должен дать мне время подумать.

Мне казалось, что я очень тщательно записываю каждое имя с одинаковой точностью и стараюсь не выдать никаких эмоций, когда пишу имя покойного. Я выбрал имя "Кора Холт" в качестве имени покойника. Так звали тетю, которая умерла в другом штате.

Как только я записал имена, он попросил меня разрезать их на кусочки, чтобы на каждом было по одному имени. Теперь я уже не помню, сложил ли он их сам или попросил меня помочь, так как я не ожидал, что они будут сложены. Тем не менее, мы сложили каждый из них в заготовку с надписью внутри.

Теперь он велел мне положить их в шляпу и держать шля-

пу под столом, вынимать заготовки по одной и бросать их на столешницу. Так я и сделал, пока он стоял, протянув правую руку к столу, примерно на фут выше него. Бросив на стол несколько заготовок, а затем и следующую, я услышал три громких отчетливых удара. Он сказал, – вот, это тот, который мертв. Открой его и посмотри, прав ли я, но не дай мне увидеть его. Сложи его снова и положи в карман.

Я вскрыл заготовку. Я не знал, что это будет, так как смешал листки под столом, но у меня было ощущение, что это правильно. Я открыл листок, и действительно, там было написано “Кора Холт”.

Я снова сложил его и положил в карман. Я должен признаться, что на мгновение меня охватило жуткое чувство, поскольку мои эмоции были доведены до такой степени напряжением, в котором я наблюдал все детали эксперимента. Я сказал ему, что он прав, но не назвал имени. Теперь он взял меня за руку и повел в гостиную, чтобы я рассказал присутствующим о том, что только что произошло. Теперь, положив руку мне на голову, он сказал: "я постараюсь сказать тебе это имя. Закрыв глаза, он весь дрожал или содрогался в каком-то пароксизме и, по-видимому, с большим усилием произносил имя “Кора Холт”. Это усилие, по-видимому, сильно истощило его, и, выйдя из своего временного транса, он попросил нас извинить его, сказав, что здесь присутствуют противоборствующие духи, и он больше ничего не может сделать в эту ночь. Он сделал для нас все, что было в

его силах. Теперь он откланивается.

Все это было очень впечатляюще для меня в то время, за исключением постукиваний. Только потом я придумал объяснение, которое приведу дальше. Как говорит Рапси, их звук похож на звук постукивания карандашом по тонкой полоске дерева или линейке, а не звук, производимый нажатием на столе. Я раньше знал о механических и электрических устройствах, поставляемых определенными колдовскими складами, которые надевались на лицо медиума или крепились к столу. В то время у меня сложилось впечатление, что, возможно, он держал такое устройство в рукаве вытянутой над столом руки, поэтому казалось, что звук исходит от стола. Так как я сидел прямо напротив стола, то скажу, что звук этот, как мне показалось, исходил не от стола, а скорее от его лица.

Снова вернувшись к сеансу, проведенному с моим отцом, медиум сначала объявил плату, которую он возьмет, если она окажется приемлемой. Это было согласовано и оплачено. Затем он попросил моего отца написать на бумаге имена, похожие на те, что я описал выше, за исключением того, что он не просил моего отца написать имя умершего человека; вместо этого он попросил его написать, среди прочих имен, девичью фамилию его матери, девичью фамилию его жены, фамилию его отца, а также имена некоторых членов его семьи и некоторых его друзей, некоторые из которых должны были быть мертвы. Мой отец так и сделал.

Среди имен, написанных моим отцом, была и девичья фамилия его матери - Селестина Редексилана Фелпс – имя, безусловно, необычное. Он также написал девичью фамилию своей жены, фамилию отца, фамилию брата и несколько других имен – всего шесть или восемь.

Когда медиум вынул заготовки из шляпы, он сказал, – у вас там есть имя вашей матери. Имя что-то вроде "Селестия (не Селестина) Роксалена (не Редексилана) Фелпс", – таким образом, давая неправильное произношение первым двум именам. Однако, когда мой отец открыл листок, оказалось, что это девичья фамилия его матери. Теперь мой отец взял еще одну бумажку, на которой было написано имя его отца. Это медиум произнес правильно, заявив, что так звали его отца. На следующем листке было написано имя брата моего отца; его звали Джеймс Асаэль Эббот.

– Твой брат Джеймс здесь, и он просит передать тебе, что он счастлив и что ты совершаешь большую ошибку, не веря ему.

Этого брата всегда называли вторым именем, а не именем Джеймса. Мой отец сказал, – Если ты мой брат, назови мне свое полное имя.

Медиум ответил, – Джеймс Эш-Белл Эббот, – совершенно неправильно произнеся второе имя. Именно это, с некоторыми другими ошибками, привело к дискуссии, которую они провели, вернувшись в гостиную, и в которой мой отец заметил, – если вы получаете информацию от мертвых,

они должны уметь правильно произносить свои собственные имена.

Мой отец, не будучи знаком с методами обмана, не мог точно описать все мельчайшие детали этого испытания, как мне хотелось бы; и так как я никогда не имел возможности сам увидеть этот эксперимент, я могу только догадываться о средствах, использованных для его производства.

Второй эксперимент с моим отцом был попыткой рассказать о болезни, от которой умер мой дед, а также о месте, где он умер. Медиум требовал, чтобы мой отец написал на обычной линейчатой бумаге название болезни, а также название места в каждом пространстве, то есть одну болезнь и одно место в каждом пространстве. Он заметил, давая указания, – как Нью-Йоркская корь, Филадельфийская оспа и т. д. Однако он потребовал, чтобы мой отец написал в том же самом месте правильную болезнь, а также правильное место смерти своего отца. Остальные места должны были содержать названия любой болезни или любого места, которое он мог бы выбрать.

Это сделал мой отец, написав в одном месте "Сакраменто дизентерия". Это была правильная болезнь, но город был местом захоронения моего деда, а не местом его смерти, так как умер он в деревне под названием "Хэнгтаун".

Медиум быстро определил дизентерию как болезнь, а Сакраменто – как место смерти моего деда. Было ясно, что если бы мой отец написал деревню, где умер его отец, а не место

его захоронения, медиум добился бы успеха.

Это, однако, без сомнения доказывало, что медиум получал свои сведения из записей, а не от духов умерших.

Поразмыслив над этим вопросом, я решил, что, хотя я не уверен в том, каким образом доктор Шлоссенджер проводил все эти эксперименты, я могу воспроизвести два из них с такой же уверенностью, как и он. Я немедленно сделал пробу и обнаружил, что могу полностью преуспеть в среднем в девяти случаях из десяти. Я мог бы сказать, что доктор также терпел неудачу в среднем один раз из десяти; тем не менее люди в общине были очень взволнованы, рассказывая о его чудесах группами на улицах в течение нескольких дней. Медиум чеканил деньги, но я нашел несколько случаев, когда он полностью провалился. Неудачи упоминались редко, именно успехи возбуждали народ.

Метод, который я использую при воспроизведении первого эксперимента, представленного мне, состоит в том, чтобы так направить внимание испытуемых, чтобы заставить их бессознательно выбрать имя умершего человека заранее. С этим легко справиться, если немного попрактиковаться в разговоре, и все же люди никогда не догадаются, что это делается нарочно.

Теперь, когда люди начинают писать, они, естественно, останавливаются перед написанием каждого имени, чтобы подумать о том, какое имя написать. Пауза может быть лишь незначительной, но все же есть некоторая пауза. Конечно,

когда они пишут выбранное имя, никакой паузы не потребуется. Для этого и ведется непрерывный разговор во время того, когда человек пишет. Если людей предоставить самим себе, то испытуемые примерно в половине случаев будут писать выбранное имя в третьем пространстве сверху. Примерно в половине остальных случаев выбранное имя будет записано в четвертом пространстве сверху. Это особенно верно, если в ваших инструкциях вы указываете субъекту “поместить имя умершего человека где-то среди других, чтобы вы не знали, где оно находится”. В остальных случаях испытуемые обязаны написать выбранное имя в любом месте, как правило это первая или последняя строка. Теперь моя цель состоит в том, чтобы так манипулировать моими субъектами, чтобы заставить их писать выбранное имя, когда я этого хочу. Это делается путем непрерывного разговора и отвлечения их внимания до нужного момента. Я выбираю третье пространство, так как оно, будучи тем, которое они наиболее склонны выбирать сами, легче всего поддается принуждению. Как только они начинают писать первое имя, я вдруг говорю, – теперь не сомневайтесь и выберите имена живых людей, которых я не мог бы знать.

Это почти наверняка обеспечит паузу, и имя живого человека будет написано первым. Я продолжаю свою речь в естественной манере, в значительной степени отвлекая внимание от письма и почти всегда наблюдая очередную паузу непосредственно перед написанием второго имени. Когда второе

имя почти закончено, я вдруг восклицаю, – а теперь пиши как можно быстрее!

Если испытуемые были должным образом впечатлены серьезностью эксперимента, они почти всегда, закончив второе имя (повинуясь моему приказу "быть как можно быстрее" и в своем желании угодить мне), спешат написать подготовленное имя, таким образом, записывая выбранное имя в третьем столбце. Если это так, то теперь они наверняка остановятся, чтобы подумать о четвертом имени. Если это так, то я уверен, что теперь знаю выбранное имя. Однако если они быстро переходят в четвертое имя, то тогда неясно, находится ли выбранное имя в третьем или четвертом пространстве. Это, однако, редко случается, если работать в экспертной манере.

В редких случаях субъект не может быть использован исполнителем, и в этом случае это всего лишь догадки; однако даже в таких случаях у меня есть один шанс из шести на успех; и если я провалю второе испытание (не редкость для медиумов), у меня есть один шанс из трех на успех.

Вряд ли стоит говорить, что, складывая заготовки, я складываю третью, немного отличающуюся от остальных, так что, хотя она и не будет привлекать внимания, я сразу вижу, что это такое, когда ее бросают на стол. Я запоминаю имя; кроме того, если я сомневаюсь, я складываю второй выбор еще в другой манере для второго испытания. Часто я запоминаю больше имен, складывая их так, чтобы можно было их

выделить. Затем, назвав имя покойника с должным эффектом, я беру остальные, подношу их к голове и выкрикиваю имена. Эффект от этого представления очень впечатляет.

При небольшой практике вышеприведенное испытание может быть дано с очень малой вероятностью неудачи; и в случае неудачи оно может быть объяснено утверждением, что "здесь присутствуют противоборствующие духи", или каким-либо подобным оправданием. Если у кого-то есть другие приемы в его распоряжении, то хорошо, в случае неудачи, объявить, что он попробует что-то еще, а затем дать еще один сеанс. Поскольку эти эксперименты всегда проводятся наедине с одним или, самое большее, двумя испытуемыми, неудача привлекает мало внимания.

Теперь я не могу с уверенностью сказать, что доктор Шлоссенджер проводил этот эксперимент точно таким же образом, но у меня сохранилось воспоминание, как он торопил меня в моем сочинении на каком-то этапе его развития. Я также знаю, что могу добиться успеха так же часто, как и он. Добавлю далее, что через несколько дней я заранее подготовил шесть имен и вместе с женой провел сеанс с медиумом; на этот раз, хотя я и заплатил ему, он потерпел полную неудачу. Он старался изо всех сил и заставил меня написать дополнительные имена. На этот раз я тщательно оберегал пункты вышеприведенного объяснения, но как бы он ни старался, он потерпел полную неудачу. Все трюки требуют определенных условий, и именно поэтому не безопасно

повторять один и тот же трюк для одного и того же человека. Существует слишком большая опасность того, что субъект может заметить одинаковость способа действия.

Говоря о втором сеансе, который медиум дал моему отцу, я скажу, что когда испытуемые пишут о городах и болезнях, они, естественно, останавливаются после написания города, чтобы подумать о болезни, которая будет сопровождать его. Конечно, при написании правильных названий, которые уже есть в памяти, никакой паузы не потребуется. Кроме того, можно воспользоваться тем фактом, что небольшой процент людей умирает от оспы или кори. Если, давая указания, кто-то говорит: "напишите вот так: Филадельфийская оспа, Нью-Йоркская корь", – и субъект записывает оспу или корь в список, то их можно смело исключить из дела. Это особенно верно, если написано в связи с каким-нибудь крупным городом, название которого легко приходит на ум. Можно также исключить Филадельфию или Нью-Йорк, если они должны быть написаны, при условии, что вы упомянули эти имена в указаниях и что эксперимент не проводится в этой части страны. Небольшой процент населения страны умирает в любых двух известных местах. Тем не менее, эти места будут легко написаны большинством субъектов, если они будут предложены, или, по крайней мере, будут написаны другие места, имеющие такое же значение. Если нужно написать какое-то необычное место или болезнь, то почти наверняка это именно они.

Легко увидеть, насколько искусным можно стать в этом, постоянно практикуясь, как медиум делает это много раз в день; как можно научиться извлекать выгоду из каждой мелочи и использовать ее с красноречивым эффектом на ничего не подозревающих незнакомцев, которые не знают, что произойдет или что искать.

Мне говорили, что у доктора Шлоссенджера был очень острый глаз, хотя он и носил очки; и что очки, вероятно, должны были заставить испытуемого думать, что он не может читать написанное, когда они были сдвинуты с места и помещены на лоб, как это было во время экспериментов. Было также высказано предположение, что его слабый слух был притворным, чтобы он мог слышать замечания, сделанные о себе в его присутствии. Я подозревал, что его память была натренирована до высокой степени точности, что позволяло ему давать свои эксперименты с таким удивительным успехом, как он делал почти со всеми, куда бы он ни пошел. Я уверен, что он не использует только один набор принципов в своих трюках, но имеет в своем распоряжении еще много других, которые он использует постоянно. Однако я могу лишь смутно догадываться о них, поскольку видел его эксперименты всего один раз.

Теперь я не говорю, что это был метод, используемый леди с преподобным Сэвиджем, приведенный в описании в начале этой главы. Но поскольку эксперименты практически одинаковы, можно с уверенностью заключить, что используемые

методы одинаковы или почти одинаковы. Если эксперимент был подлинным в случае упомянутой дамы, то он, вероятно, был подлинным и в случае доктора Шлоссенджера. С другой стороны, если это был обман в одном случае, то, вероятно, это было в обоих.

Чтение мыслей на публике

Не так давно я получил письмо от одного старого друга, в котором он настоятельно просил меня совершить путешествие в его город. В былые дни мы с ним проводили много часов вместе, обсуждая тайны бытия, скрытые силы, которые природа открывает нам, происхождение и судьбу человеческой души. Мой друг-врач и, более того, серьезный ученик; и он также исследователь того странного явления в природе, которое проявляется в организованных существах субъективно, как мысль, чувство и вещи духовные.

Много раз мы обсуждали возможность, а также вероятность существования духовной части человека после смерти. Много раз он сообщал мне о странных явлениях, которые, как правило, доказывали неразрушимость духа.

Когда я получил это послание, оно сообщило мне, что автор самым искренним образом желает моего присутствия в его городе, чтобы я мог помочь в расследовании очень странного и удивительного случая психических явлений. Речь шла о некоем странствующем духовном медиуме, который пре-

тендовал на способность вызывать из царств невидимого тенни наших ушедших друзей и близких. Он устраивал самые удивительные представления, чтобы доказать свою странную и чудесную силу. Мой друг заявил, что, по его мнению, он наконец нашел человека с каким-то странным психическим даром, если даже не обладающего той силой, на которую он претендовал. Он очень внимательно наблюдал за этим представлением и даже входил в состав комиссии по работе с экстрасенсами, но не нашел никаких свидетельств какого-либо обмана. Он был склонен верить, что это странное существо действительно обладало способностью видеть без помощи человеческих глаз, поскольку он, конечно же, читал запечатанные послания, о которых он не мог получить никаких тайных сведений.

Поэтому в субботу вечером я отправился в город, расположенный в ста милях от дома, чтобы увидеть работу этого современного колдуна. По прибытии я предложил своему другу несколько способов, с помощью которых такие вещи можно было бы проделать хитростью, но он сообщил мне, что ни одно из моих объяснений, по-видимому, не объясняет этой странной работы. Секрет заключался не в употреблении спирта без запаха, а в том, что медиум вообще никогда не прикасался к запечатанным конвертам. На самом деле он никогда не приближался к ним ближе, чем на десять футов. Это также сделало невозможным для него использование принципа, на котором основан трюк, который известен

в профессии как "чтение запечатанного письма Вашингтона Ирвинга Бишопа".

Друг сообщил мне, что зрителям в зале раздают листы бумаги или карточки, а также вручают конверты, в которых запечатывают их вопросы; что зрители пишут вопросы по указанию, много раз подписывая их своими именами. Он был уверен, что многие люди складывали свои письменные вопросы, прежде чем запечатать их, и что сам оператор во многих случаях даже не собирал конверты. Он сообщил мне, что лучшим доказательством истинности этого представления является тот факт, что медиум, по-видимому, не имеет фиксированных условий для своих экспериментов, но, по-видимому, выполняет их по-разному в каждом случае. Условия были разными в каждом случае, но он всегда читал вопросы с самой удивительной точностью.

Я обдумал этот вопрос после этого, но никак не мог придумать никакого правдоподобного способа выполнить его работу хитростью. В конце концов я решил сначала подождать и посмотреть представление, а уж потом прикинуть, какой метод будет использован.

Итак, в восемь часов вечера я сидел в зале вместе с моим другом, и вскоре после этого появился "провидец", занявший свое место на сцене. Это был очень стройный человек с длинными волосами и особенно призрачным взглядом. Он спокойно занял свое место на сцене. Вскоре появился его менеджер и произнес вступительную речь, которую

я не буду повторять, а затем попросил какого-то мальчика в зале раздать зрителям карточки, на которых они должны были писать вопросы. Были также розданы конверты, в которых запечатывались карточки. Когда письма были закончены, менеджер попросил мальчика взять шляпу, которую он держал в руке, и собрать запечатанные конверты. После того как мальчик, которого все знали как местного жителя, любезно вызвался оказать эту услугу и выполнил ее, на сцену была приглашена комиссия, чтобы должным образом завязать глаза медиуму. Это было сделано удовлетворительным образом, и комитет затем вернулся к аудитории. Теперь менеджер повел медиума с завязанными глазами в заднюю часть сцены, где тот сидел за столом, на котором стояли цветы, музыкальная шкатулка и т. д. Однако медиум был ясно виден, и он никогда не снимал повязку с глаз и никаким образом не прикасался к ней.

Когда мальчик вышел на сцену прямо из передней части со шляпой, полной запечатанных конвертов, менеджер положил на шляпу носовой платок и попросил мальчика занять место у передней части сцены лицом к зрителям. Кроме того, ему было приказано держать шляпу на коленях и доставать конверты менеджеру по одному, как только тот придет за ними.

Теперь он читал лекцию, длившуюся минут десять-пятнадцать, объясняя странные способности медиума с завязанными глазами, который сидел в задней части сцены на виду

у всех, в то время как мальчик все еще оставался на своем месте в передней части сцены и держал шляпу с конвертами на виду у всех.

После лекции менеджер попросил мальчика отдать ему один из конвертов, что тот и сделал. Он ни в коем случае не смотрел на него, но взял его кончиками пальцев правой руки, подержал в воздухе и попросил медиума дать автору этого вопроса ответ. Медиум несколько раз вздрогнул, позволил своему телу слегка содрогнуться, и так началось:

– Я чувствую влияние того, кто был моим братом. Я получил имя Кларенс. Будет ли тот, кто написал этот вопрос, идентифицировать его как свой? Зрители никак не отреагировали, и медиум снова попросил писателя высказаться. Его просьба была встречена все тем же молчанием, но вдруг он указал своим костлявым пальцем в толпу, а его ослепленное лицо обратилось к публике, и он воскликнул, – мистер Джон Х., Почему вы не отвечаете на ваше сообщение?– Тогда один джентльмен из публики признал этот текст своим. Затем медиум продолжил, – Кларенс утонул. Я чувствую холодную, прехолодную воду, окутывающую его тело. При этих словах дама, сидевшая рядом с джентльменом, заплакала. Медиум продолжал, – утопление было полностью несчастным случаем. Здесь не было никакой грязной игры.

– Итак, Мистер Х., я ответил на ваш вопрос, и вы удовлетворены?

Этот джентльмен, известный гражданин, признал, что он

совершенно доволен.

Затем управляющий положил конверт на маленький столик и попросил у мальчика еще один. Мальчик дал ему еще один из шляпы, когда медиум с завязанными глазами, находившийся на расстоянии десяти футов или больше, дал второй ответ.

– Я чувствую на себе влияние молодой леди, которая внезапно умерла. Она говорит: "сестра Мэри, я очень счастлива, и смерть была не так уж тяжела для меня. Я хочу, чтобы вы посоветовались с хорошим уважаемым адвокатом и воспользовались его советом в судебном процессе, о котором вы меня спрашиваете.– Затем медиум продолжил: – Мисс Л... ваша сестра смотрит на вас с большой нежностью и любовью. Вы удовлетворены ответом на свой вопрос?– Тогда одна дама ответила, что она совершенно удовлетворена.

Менеджер положил этот запечатанный конверт рядом с другим и снова потребовал еще один. Это продолжалось до тех пор, пока все конверты в шляпе не были извлечены и на вопросы не были даны ответы. Ни один из конвертов не был вскрыт. В некоторых случаях медиум сначала читал вопросы слово в слово, прежде чем ответить на них; и когда он делал это, он подробно описывал почерк, даже формирование штрихов букв.

После того как все эти тесты были проведены, медиум снял повязку с глаз и казался очень истощенным. Затем столы были отодвинуты в сторону от сцены и установлен шкаф,

после чего были даны некоторые очень интересные кабинетные манифестации. Когда все это было закончено, управляющий собрал со стола запечатанные конверты и положил их на переднюю часть сцены, приглашая зрителей подойти, если они того пожелают, и забрать свои вопросы. Некоторые воспользовались ЭТОЙ возможностью и разорвали несколько конвертов, пока не нашли свои собственные вопросы. Публика, казалось, была очень впечатлена этим представлением, и на следующий день о нем заговорил весь город.

.....

На следующий вечер я снова отправился в общественный зал, чтобы посмотреть и, если возможно, понять это представление. Однако на этот раз я обнаружил, что был применен совершенно другой метод. Были розданы конверты и листки бумаги, и после того, как вопросы были написаны и запечатаны, менеджер прошелся по комнате, собирая их в маленький черный мешочек с завязками наверху. Когда он собирал конверты, пока вопрошающий все еще держал письмо, он давал этому человеку номер, который должен был служить номером этого конкретного человека во время представления. В то же самое время менеджер отмечал номер на конверте субъекта, рисуя круг вокруг цифры, после чего субъект бросал конверт в мешок.

Когда все было собрано, менеджер взял мешок кончиками пальцев и, держа его высоко над головой, направился по проходу к сцене, где с привинченного к потолку отверстия

свисал шнур. Другой конец шнура был прикреплен к предмету мебели на сцене. Затем он прикрепил черную сумку с конвертами к концу этой веревки, а затем, взяв другой конец, подтянул сумку к потолку возле винтового глаза, где она оставалась на виду во время представления.

Пока менеджер делал все это, призрачный медиум расхаживал по сцене, читая большую Библию. Теперь он положил Библию на стол и подошел к передней части сцены, в то время как медиум читал лекцию о духовной философии, а также о странной силе медиума. После этого менеджер объявил, что медиум проведет библейскую службу, во время которой он будет давать ответы.

Теперь медиум взял свою Библию и, усевшись в кресло лицом к публике, начал читать стих. После этого он на некоторое время закрыл глаза, а затем дал первое представление. – Я отвечу на ваши вопросы в том порядке, в котором менеджер дал вам ваши номера, начиная с номера один. А теперь, миссис Клара С., я вижу, что рядом с вами стоит пожилая дама, несколько сутулая; но я не могу ясно разглядеть ее лица. Кажется, она ваша мать. Она просит передать вам, что ваш сын чувствует себя хорошо там, где он сейчас, и чтобы вы не беспокоились, потому что он вернется к вам вовремя. Вы удовлетворены?

Одна дама в зале была явно тронута и признала, что медиум правильно ответил на ее вопрос. Медиум прочитал еще один стих из Библии, после чего он провел второй сеанс та-

ким же образом, как и первый. После этого он прочел еще один стих, и так продолжалось до тех пор, пока все вопросы в мешке не получили ответа. Управляющий опустил мешок и, высыпав конверты в маленькую корзинку, раздал их зрителям, не раскрывая.

Эффект от этого представления был столь же велик, как и от предыдущего, и медиум продолжал оставаться чудом города.

.....

На следующий вечер я снова присутствовал на собрании. На этот раз вопросы были написаны и скреплены печатью, как и в предыдущих случаях. На этот раз медиум был одет как "Махатма" и носил большой тюрбан. Как только вопросы были написаны, менеджер собрал их в маленькую плетеную корзинку и высыпал на стол на сцене. Он говорил только одно мгновение, описывая, что будет делать медиум. Все это время медиум сидел в передней части сцены. Теперь медиум позвонил в маленький колокольчик, который держал в руке, словно призывая духов, и начал самым удивительным образом проводить представление. Он, казалось, немного нервничал, но в конце концов встал и пошел через сцену, остановился на мгновение, а затем продолжил свою прогулку. Все это время он отвечал на вопросы. Время от времени он нервно расхаживал по комнате, а иногда ненадолго усаживался в кресло; но он продолжал давать ответ за ответом с безупречной точностью, в то время как запечатанные конверты оста-

вались на столе на виду у всех. За все это время, да и вообще за все время, пока публика писала вопросы, ни медиум, ни менеджер ни на секунду не покидали поля зрения зрителей.

После того как все ответы были получены, медиум, очень сильно истощенный, упал на кушетку на сцене; в то время как менеджер сгреб конверты обратно в корзину, а затем раздал их своим писателям в нераспечатанном состоянии.

Теперь я объясню, как этот "окультист" давал эти различные представления.

Сначала мы обратимся к сеансам, проведенным в первый вечер. Мальчик из публики собрал запечатанные конверты в шляпу и принес их на сцену, сидя с ними на коленях; он передавал их один за другим менеджеру, который держал конверт высоко, в то время как медиум с завязанными глазами на заднем плане давал ответы.

В данном случае от глаз зрителей ускользнуло простое маленькое движение. Зрители не знали, что должно произойти, и мальчик тоже не знал. Этот ход был исполнен следующим образом: как только мальчик вышел на сцену со шляпой, менеджер принял шляпу в правую руку совершенно естественным образом. Об этом никто не подумал, так как в этом поступке не было ничего подозрительного. Тем временем менеджер велел мальчику взять стул, стоявший слева от передней части сцены, и поставить его справа, лицом к зрителям, и сесть на него. Теперь этот разговор с мальчиком, естественно, занимал внимание зрителей; и пока мальчик исполнял

указания, менеджер повернулся к столу, стоявшему несколько позади сцены, и, по-видимому, взял с него большой носовой платок и все еще держа в руке шляпу, подошел к мальчику. Он протянул ему шляпу с конвертами и платок, в то же время указывая ему, как закрывать шляпу и как доставать конверты по одному. Все эти маневры казались настолько естественными, что публика не обратила на них никакого внимания.

Когда менеджер повернулся к столу, чтобы взять носовой платок, и в то время как большинство глаз было приковано к мальчику, когда он ставил свой стул и занимал свое место, менеджер ловко сменил шляпу в правой руке на другую точно такую же шляпу, которая была заполнена "пустышечными" конвертами и лежала за цветами, музыкальной шкатулкой и т. д.— да, на столе. Когда он тут же повернулся, держа шляпу, по-видимому, все еще в руке, но с большим носовым платком в другой руке, все казалось естественным, и публика не обратила на это никакого внимания.

Теперь менеджер, отдав мальчику шляпу и носовой платок, пригласил членов комиссии выйти вперед и завязать глаза медиуму, сидевшему слева от сцены. Комитет сначала положил на глаза медиума дамскую перчатку в качестве дополнительной меры предосторожности, а затем накрыл ее носовым платком и завязал на затылке. Этот метод завязывания глаз обычно используется большинством медиумов. Если лицо медиума правильно сформировано, он может легко

сдвинуть такую повязку со своих бровей, достаточно для того, чтобы видеть прямо под глазами, глядя вниз вдоль своего носа. Теперь члены комитета удалились в зал, и исполнитель подвел медиума к месту за столом.

Теперь, пока управляющий читал длинную лекцию, медиум тихо наклонился над шляпой конвертов позади предметов на столе, а затем, взяв один за другим, вскрыл конверты и вынул листки, положив их друг на друга, как колоду играль-ных карт. Лекция продолжалась достаточно долго для того, чтобы медиум мог выполнить эту задачу; и так как он держал записи в левой руке, то теперь мог немного сдвинуться вправо, так что его было довольно хорошо видно зрителям. Однако его левая рука так и не появилась в поле зрения.

К тому времени, когда лекция была закончена, зрители совершенно забыли о том, что менеджер вообще получил шляпу от мальчика. Действительно, на следующий день я заметил из разговоров зрителей, что они неизменно утверждали, что шляпа никогда не покидала рук мальчика или их глаз.

Теперь, когда менеджер держал каждый конверт высоко над головой, медиуму оставалось только прочесть верхнюю карточку в левой руке и драматично провести сеанс. После испытаний, когда столы были отодвинуты в сторону и установлен шкаф, ассистент вне поля зрения получал карточки из левой руки медиума, а затем, находясь за кулисами, помещал их в конверты, запечатывал их и затем обменивал на "пустышечные" конверты на маленьком столике. После

представления менеджер помещал оригиналы (теперь уже снова запечатанные) рядом с передней частью сцены, чтобы зрители могли взять и сохранить их в качестве сувениров, если они того пожелают.

Очевидно, что этот метод можно было бы немного разнообразить. Например, когда менеджер держит конверт высоко, медиум может сначала прочесть его и тщательно описать написанное. Тогда он мог бы попросить конверт, чтобы войти в контакт с писателем и дать ему правильный ответ. В этом случае он мог бы оставить лишние записи на задней стороне стола позади музыкальной шкатулки, а в левой ладони иметь только одну записку, которую он бы читал. Получив конверт, он должен был положить его в левую руку прямо поверх записки и оторвать конец конверта. Затем он должен был бы, по-видимому, вынуть записку из конверта, но на самом деле взять оригинальную записку из задней части конверта правой рукой. Затем он должен был правой рукой прижать эту записку к своей макушке и дать ответ, в то время как его левая рука кладет открытый конверт на стол или музыкальную шкатулку. В этом случае, как только он ответил бы на вопрос, он должен был вернуть записку менеджеру правой рукой и попросить менеджера, чтобы какой-нибудь мальчик побежал с ней к ее автору. После того, как записка вернется к своему автору, менеджер может держать в воздухе другой конверт, и медиум может продолжить сеанс. После проведения тестов менеджер должен удалить разорван-

ные конверты, так как они содержат "фиктивные" карточки.

Теперь я объясню вам метод, примененный во второй вечер. После того как вопросы были написаны и запечатаны, менеджер пошел среди зрителей, собирая конверты в матерчатый мешок. Сначала он пронумеровал конверты, одновременно проинструктировав каждого зрителя запомнить его номер, после чего конверты были опущены в сумку. Когда все конверты были собраны, менеджер поднял пакет кончиками пальцев и поднялся на сцену, держа его на виду. Он быстро прикрепил его к шнуру и поднял к потолку. До сих пор все было честно; но как раз в этот момент кто-то в глубине зала заявил, что он тоже хочет положить свой конверт в сумку. Исполнитель просит джентльмена из зала взять сумку, которую он теперь опустил и снял, и любезно подойти к другому джентльмену и взять его конверт. В то время как он делал это, менеджер удерживал аудиторию своей речью. Оба джентльмена, разумеется, были наемными сообщниками; а когда они встретились позади зрителей, то просто обменяли первую сумку на дубликат под плащом тылового сообщника, который затем проскользнул за сцену вместе с оригиналом.

Когда другой сообщник вернулся на сцену с дубликатом сумки и передал ее менеджеру, он поднял эту сумку до потолка. Этот метод может быть изменен менеджером, производящим обмен под своим собственным пальто в первую очередь, когда он находится в задней части зала после сбора

конвертов.

Тем временем ассистент за кулисами открыл и аккуратно переписал вопросы на лист бумаги, пронумеровав каждый из них. Сделав это, он положил каждый из них в дубликат конверта, который также был пронумерован управляющим цифрой в круге. Как только все записки были скопированы, этот помощник осторожно взял Библию медиума со стола, где она лежала, вставил лист, содержащий скопированные вопросы, и снова сунул ее в поле зрения.

В это время медиум медленно прошаживался перед сценой, пока менеджер читал свою лекцию. В конце лекции медиум вернулся к столу, на котором незадолго до этого положил свою Библию, взял ее и, подойдя ближе, сел лицом к аудитории. Затем он открыл Библию и медленно перевернул страницы, ища лист бумаги и быстро читая и запоминая первый вопрос. Затем он перевернул листки за этим листом бумаги и, наконец, выбрал стих и начал читать его с выражением. Читая этот стих, он позволил Библии достаточно наклониться вперед, чтобы зрители увидели, что в ней нет ничего, если бы такая мысль пришла кому-нибудь в голову.

Когда он уже переворачивал другие страницы после тайного прочтения вопроса, лист был скрыт от посторонних глаз. Прочитав стих, он позволил Библии закрыться, а затем, закрыв глаза, дал ответ на вопрос номер один. После этого он снова открыл Библию и медленно перелистал ее, тайком прочитав второй вопрос и, наконец, нашел второй стих, ко-

торый он начал читать торжественным тоном, затем он дал второй ответ, и так продолжалось до тех пор, пока все ответы не были даны. Затем он в полном изнеможении лег, а управляющий опустил матерчатый мешок с фальшивыми конвертами и высыпал их содержимое на маленький столик перед сценой. Затем он подошел к задней части сцены и взял маленькую плетеную корзинку, в которую сгреб фальшивые конверты с маленького столика, где они лежали на виду у всех. Теперь он спустился вниз и быстро вернул нераспечатанные конверты их авторам.

Корзина – это то, что известно как "корзина для смены заготовок". Она отделана красным атласом и представляет собой небольшой предмет с покатыми боками. У нее есть ручка, которая, когда она опущена, фиксирует два клапана по бокам корзины. Это делается двумя маленькими выступами на нижних концах ручки. Они сделаны из проволоки и согнуты таким образом, что при опущенной рукоятке они выступают вниз и удерживают обе боковые створки по бокам. Эти створки сделаны из картона и покрыты красным атласом, таким же, как и подкладка корзины. В каждом клапане есть пружина, которая закрывает его на дне корзины, когда он открывается – ручка поднимается. Конверты в нижней части корзины, таким образом, скрываются и удерживаются, когда створки освобождаются, и дубликаты падают в корзину с тех сторон, где они были скрыты створками.

Эта корзина может быть поставлена магазином магиче-

ских товаров, или ее можно легко сделать. Ручка может быть сделана из проволоки и обернута травой рафии, которая продается в универмагах. Подкладка из картона, покрытая красным атласом, сначала должна быть пришита в корзину, а затем два лоскута картона должны быть прикреплены к дну картона путем наклеивания на петлю ткани. Подходящая пружина может быть сделана из пружинной проволоки и зашита в нужное положение, после чего все это покрывается красным атласом и помещается в корзину. У корзины должны быть борта высотой около четырех дюймов, а дно – примерно семь с половиной на десять дюймов. Стороны и концы наклонены наружу, и это открытая плетеная корзина. Подходящие бантики из ленты на концах ручки и углах корзины скрывают механизм.

В данном случае помощник за кулисами, прочитав и поместив вопросы в дубликаты конвертов, которые управляющий предварительно пронумеровал, запечатал их и поместил в боковые части корзины, согнул створки и опустил ручку, фиксирующую их на месте. Теперь он поставил эту корзину на стол в глубине сцены, и когда управляющий был готов вернуть конверты, он сгреб со стола муляжи конвертов (где они лежали после того, как мешок был опорожнен) в эту корзину. Затем он поднял ручку, открывавшую створки, закрыл муляжи конвертов и оригиналы появились в поле зрения. Все это он сделал быстро и раздал конверты зрителям. Так как они были пронумерованы, то сделать это можно бы-

ло довольно просто.

.....

Теперь я опишу метод, примененный в третий вечер. На этот раз фиктивные конверты были помещены по бокам корзины, и ручка оставалась в опущенном положении, пока оператор собирал конверты. Когда управляющий вернулся на сцену, он взял корзину за ручку. Это высвободило фиктивные конверты и скрыло оригиналы, сохранив их. Он высыпал пустые конверты на маленький столик, а затем поставил корзину на стол в дальнем углу, так, чтобы ее не было видно. Ассистент за кулисами достал оригиналы конвертов, вскрыл их и, читая вопросы, повторил их в маленький телефон. Провода от этого телефона тянулись под ковром сцены к паре металлических пластин с гвоздем в центре каждой пластины, который указывал вверх. Эти пластины были расположены под определенными местами на ковре и непосредственно перед креслом медиума. Еще две пары проводов вели к двум другим позициям на сцене. В этот вечер медиум был одет как "Махатма" и носил большой тюрбан. Большая кисточка болталась у его левого уха, полностью скрывая маленький "приемник", который был прикреплен к этому уху. Два крошечных провода тянулись от этого приемника, внутри воротника, вниз по его лицу, и были соединены внутри его ботинок с другими проводами, проникающие в его подошвы. Эти последние провода были припаяны к медным пластинкам, прикрепленные к подошвам его ботинок. Теперь он за-

нял свое место в кресле и положил ноги на скрытые кнопки, которые теперь соприкасались с его обувными пластинами, завершая цепь, так что все, что шептали в телефон на сцене, повторялось ему в ухо. Затем он сделал несколько движений: позвонил в духовный колокольчик, который был сигналом для получения дополнительной информации от ассистента.

Вскоре он занервничал и пошел прочь, давая на ходу ответ. Теперь он на мгновение застыл в определенном положении, приложив руку к голове, как будто немного ошеломленный, и позвонил в колокольчик. В этом положении его ноги снова оказались над двумя скрытыми пластинами, и он снова получил информацию для другого ответа, который он дал, когда ходил вокруг. Теперь он остановился в третьей позиции и дал еще один ответ, после чего вернулся в кресло, продолжая свою работу. Это маневрирование он продолжал до тех пор, пока не были даны все ответы; после чего он упал на кушетку обессиленный, но ноги его были отвернуты от зрителей.

Теперь менеджер подошел к задней части сцены и взял корзину, в которой теперь лежали оригинальные конверты за закрылками; и, подойдя к маленькому столику, он сгреб пустые конверты; затем, взяв корзину за ручки, он спустился в зал и быстро вернул нераспечатанные конверты зрителям. Помощник, конечно же, запечатал вопросы в дубликаты конвертов, предварительно пронумерованных менеджером. Он спрятал их за закрылками и поставил корзину так, чтобы

она была видна на столе в задней части сцены.

Я использую различные варианты этих трюков в своих фокусах с двойным дном. Я сделал "корзину для смены заготовок", как описано выше, и также сделал аналогичную корзину, за исключением того, что она не содержит никакого механизма.

Я передаю открытки и конверты зрителям в передней гостиной. Когда вопросы написаны и запечатаны в конверты, я собираю их в механическую корзину; я подхожу к столу в задней части гостиной и, высыпаю их на него. На самом деле я просто поднимаю ручку, чтобы сохранить оригиналы, а вместо них на стол высыпаются пустые конверты.

Теперь я на мгновение уйду в соседнюю комнату, чтобы взять небольшой декоративный экран. Я тайком оставляю корзину с оригинальными конвертами в этой комнате и возвращаюсь с другой корзиной в руке вместо нее. Я ставлю маленький декоративный экран на стол позади конвертов, но оставляю конверты в поле зрения и прошу зрителей заметить, что я не подхожу к ним, пока не буду готов дать ответы. Теперь я небрежно ставлю немеханическую корзину на стол в комнате, где находятся зрители, и приступаю к другим трюкам.

Обычно я даю серию экспериментов, описанных в главе под названием "Медиумистическое чтение запечатанных Посланий". Я заявляю зрителям, что не буду давать ответы на вопросы, запечатанные в конверты до позднего вечера.

Между тем, если кому-нибудь придет в голову мысль о механической корзине, он легко может осмотреть маленькую корзинку, которой, как он думает, я только что воспользовался, так как она все еще лежит на столе в передней гостиной вместе с другими выброшенными принадлежностями, включая грифельные доски и т. д. Я не пользуюсь услугами помощника, поэтому по прошествии некоторого времени, когда благодаря другим запечатанным конвертам подозрение отвлекается от сеанса с заготовками, моя жена удаляется по каким-нибудь пустяковым делам. Выйдя из дома, она открывает конверты в корзине, готовит лист вопросов и кладет его в Библию; затем она снова запечатывает вопросы в конверты, предварительно помеченные мной, кладет их по бокам корзины, поднимает створки и опускает ручку. Затем она обычно входит с легкими закусками для зрителей, что объясняет ее отсутствие.

Я продолжаю другие опыты в течение десяти-пятнадцати минут после ее возвращения; затем я собираю свои излишки принадлежностей, включая подставную корзину, и переносу все это в комнату, примыкающую к задней гостиной, где оставляю ее. Я тотчас же возвращаюсь с механической корзиной, которую ставлю возле своего стола, а затем провожу еще один эксперимент.

Теперь я беру корзину и объявляю, что решил вернуть их авторам конверты, лежащие на столе перед экраном, прежде чем пытаться дать ответы. Я делаю это так, как будто это бо-

лее поздняя идея. Теперь я беру муляжи конвертов и поднимаю ручку, которая закрывает их и освобождает оригиналы (теперь запечатанные). Теперь я раздаю писателям их конверты, что я могу сделать, поскольку они пронумерованы, как описано ранее в этой главе. Я прошу каждого сидящего подержать свой конверт, пока я не дам ему ответ. Затем я обычно провожу какой-нибудь другой небольшой сеанс, прежде чем давать ответы.

Затем я беру свою Библию, которую, клянусь, незаметно принес в комнату, когда вернулся с последней корзиной. Затем я сажусь и неторопливо листаю Библию, читая стихи и давая ответы, как было описано выше.

Я всегда сначала тайно читаю вопрос, а потом переворачиваю лист бумаги и начинаю читать стих из Священного Писания. Делая это, я позволяю передней части Библии опуститься достаточно низко, чтобы зрители могли видеть печатные страницы. Это предотвращает подозрения. К тому времени зрители забывают, что я вообще выходил из комнаты с корзиной, и даже что моя жена удалялась за закусками. Они также не обращают внимания на Библию, когда я приношу ее.

Эффект воздействия на каждого человека, когда я называю его по имени и даю ответ от его “любимого”, называя имена и рассказывая удивительные вещи, намного сильнее, если бы я просто читал вопросы и давал буквальные ответы.

Некоторые великолепные выступления

Вероятно, самая большая афера, когда-либо совершенная во имя спиритизма, была недавно раскрыта в Стоктоне, штат Калифорния. Медиум и его сообщники материализовали все – от лягушек и мелких рыбок до огромного котла из золотого кварца весом в несколько сотен фунтов. Этот последний должен был быть привезен с гор на упряжке из мулов.

Материализация происходила через раздвижные панели в стенах, в то время как верующие сидели, взявшись за руки, на противоположной стороне стола и громко распевали священные гимны. Они заперли и запечатали единственную дверь в комнату, и им даже не снилось, что духи, принесшие кварц из шахты, были мулами.

Тысячи долларов были вложены в эту "духовную шахту", верующие складывали свои деньги на кварц, как он лежал на столе во время темного сеанса, и получали чудеса в обмен на свои деньги, которые духи дематериализовывали.

Медиум установил или велел своим духам создать "небесную сокровищницу", в которую верующие должны были вкладывать свои деньги и с которой они должны были получать пятьдесят процентов прибыли. Этот процент верующие продолжали получать на темных сеансах от духов в течение некоторого времени. Когда зажигали свет, прибыль каждого сидящего обнаруживалась на столе, сложенная в стопку пе-

ред ним. Когда банк духов обанкротился и главный медиум исчез, верующие потеряли около тридцати пяти тысяч долларов.

Говорят, что не менее важная персона, чем миллионер из Такомы, штат Вашингтон, внес значительный вклад в этот духовный фонд. Я знал об этом случае задолго до разоблачения (которое проводил исполнитель, нанятый для этой цели) и знал, что некоторые заинтересованные лица намеревались осуществить его, чтобы спасти некоторых достойных людей из лап этих медиумов. Это было сделано успешно, и союзники медиума подписали письменные признания в присутствии одного из самых набожных верующих и джентльмена, который в остальном был очень умен. Этот джентльмен был сильно удручен, но он все еще настаивал, что есть некоторые медиумы, которые не являются самозванцами, и что некоторые медиумы в Чикаго, которые вызывают духов, являются подлинными.

Полный и очень интересный отчет об этом разоблачении содержится в "Сан-Франциско Экзаменер" от 3 и 4 марта 1907 года.

Я мог бы сообщить достаточно случаев материализации, чтобы заполнить целый том. О них я знаю из разных источников, и в каждом случае они были неизменно мошенническими. Я приведу краткий отчет о материализации, свидетелем которой стал очень опытный медиум, находящийся со мной в дружеских отношениях. Этот джентльмен был пер-

воначально священником, а затем начал исследовать спиритизм, поскольку он верил в него. Он надеялся стать медиумом и одно время платил двум довольно известным медиумам, живущим в Чикаго, по три доллара за сеанс (три сеанса в неделю). Эти встречи проводились с целью развить у этого джентльмена способности медиума. Он продолжал эти занятия в течение долгого времени, но он был не ближе к тому, чтобы стать медиумом, чем был вначале.

В какой-то момент он заметил, как одна из сестер взяла одну грифельную доску и заменила ее другой. Он увидел край одной из грифельных досок, торчащий из-за платья одной из сестер. Они никогда не узнали, что их разоблачили, так как он ничего не сказал, но это "открыло ему глаза". После этого он проводил исследования везде и при каждом удобном случае и сам стал очень опытным медиумом.

Недавно, когда он был в Лос-Анджелесе, он посетил сеанс, проведенный медиумом, который утверждал, что он буддийский священник. Этот медиум был известен под именем "преподобный Свами Мадзининанда". У него в доме был алтарь, построенный примерно так же, как в римско-католических церквях. У него были различные свечи и изображения на этом алтаре, в том числе изображение Будды, а также ряд мистических фигур. Это была великолепная смесь "поддельного" буддизма, римского католицизма и современного спиритуализма. Медиум также носил костюм буддийского священника на своих сеансах.

Этот "священник" проводил здесь богослужения для верующих. Он научился всему в Индостане, то был его родной язык. Он пел, молился Будде и т. д. и все это на странно звучащей "тарабарщине". Некоторые вечера недели были посвящены "путешествию души", а некоторые вечера после религиозных служб были посвящены "черной главе".

Джентльмен, о котором я уже упоминал, присутствовал на одном из этих темных сеансов. Он сидел вместе с другими зрителями по кругу комнаты в полной темноте. От зрителей не требовалось держаться за руки, настолько велика была их вера. Наконец в темноте какая-то странная, туманная, светящаяся фигура поплыла по воздуху и остановилась перед зрителями. Мой друг тихонько опустился на колени и постепенно все ближе и ближе подбирался к светящейся форме, пока не смог обнаружить, что этот пар был чем-то вроде светящейся "сырной ткани". — Он не хотел разоблачать этого "священника", но хотел, чтобы "священник" знал, что кто-то его обнаружил. Мой друг соответственно взялся за марлю и слегка дернул ее вниз. Затем он тут же тихо вернулся на свое место.

В разговоре "жреца", который действительно держал эту фигуру на конце палки, немедленно наступила пауза. Все знали, что что-то случилось, но никто, кроме моего друга, не знал, что именно. Затем "священник" сказал своим медленным, странным, эксцентричным и размеренным тоном: "я получил очень сильное потрясение, и сегодня вечером я

не смогу продолжать дальше". На следующий день, беседуя с некоторыми из "верующих", этот "священник" со свойственной ему манерой говорить и с глубокой серьезностью заявил следующее, – вчера вечером я получил очень сильное потрясение. Я был как раз в середине "темной главы", и дух учителя, Кришны, вышел наружу. Я провел большую часть своей жизни в Гималаях, мой правый глаз пострадал от снега.– Затем, указывая на свой правый глаз, он добавил, – мой правый глаз имеет дефект, который вы не можете видеть, но из-за этого я могу видеть только в темноте. Я тут же перевел свой правый глаз вниз и посмотрел! Я отчетливо видел, как женская рука потянулась в темноте к моему халату, и эта рука схватила его и легонько дернула вот так.

"Преподобный Свами" здесь демонстрировал это, слегка дернув свое пальто вниз. Было очень забавно слышать, как он с величайшей серьезностью рассказывает об этом своим верным последователям тихим и размеренным голосом.

Вскоре после этого, когда газета "Лос-Анджелес Геральд" проводила крестовый поход против многочисленных медиумов этого города и выставляла в своих витринах конфискованные материалы некоторых из них, Этот "буддийский священник" был арестован и заключен в тюрьму за некоторые из своих практик.

Прохождение материи сквозь материю

Херевард Кэррингтон

Еще больше трюков "спиритуалистов"

Есть один очень умный "фокус", который иногда выполняется и который, по-видимому, показывает, что нечто в этом роде выполнено. Однако это не более чем хитроумный трюк, и сейчас, возможно, самое подходящее время для объяснения его способа действия. Общий эффект иллюзии таков: медиум просит кого-то помочь ему в эксперименте, в котором он собирается попытаться провести "материю через материю". Так как это испытание одно из тех, в которых легко может быть задействован сообщник, он очень тщательно выбирает человека, который хорошо известен или чей характер выше всяких подозрений. Если бы это было не так, то весь эффект фокуса был бы потерян для зрителей. Закрепив своего помощника, он протягивает ему для осмотра прочное стальное кольцо, достаточно большое, чтобы легко соскальзывать с руки и ладони. Кольцо совершенно прочное, и его может осмотреть любой желающий. Когда эта часть представления закончена, медиум и его натурщик затем соединяют или сжимают свои правые руки (как при рукопожатии), и натурщику дается указание ни на одно мгновение не отпускать руку. Однако для того, чтобы "сделать уверенность вдвойне надежной", руки скрепляются вместе любым

способом, каким только пожелают сидящие: например, руки связаны вместе лентой, а концы этой ленты связаны и узлы запечатаны. Лента соединяет запястья и руки медиума и его натурщика. Теперь на обе руки и нижнюю часть рук наброшен кусок плотной ткани, скрывающий их от посторонних глаз. Свободной рукой медиум берет железное кольцо и проводит им под тканью, чтобы оно соприкоснулось с его собственной рукой. Он держит его там некоторое время, но в конце концов срывает покрывающую ткань и показывает глазам изумленной публики кольцо, которое теперь обвивает его собственную руку, несмотря на то, что руки все еще находятся в статое кво, и натурщик ни на мгновение не ослабляет свою хватку. Руки и кольцо могут быть снова исследованы, если это необходимо, прежде чем руки будут разделены.

Это чрезвычайно эффективный фокус, и у него есть все признаки того, что он подлинный—действительно, трудно понять, где может быть обман. Однако этот трюк является одним из самых простых, какие только можно себе представить, и выполняется следующим образом:

Медиум снабдил себя двумя совершенно одинаковыми кольцами; одно из них зрители могут свободно рассматривать, другое медиум носит на правой руке, под пальто. Поэтому, когда обе руки соединены вместе, медиуму достаточно просто под покровом обволакивающей ткани опустить дубликат кольца вниз по рукаву и надеть его на свою соб-

ственную руку, и эта часть "чуда" совершается! Остается только объяснить, что происходит с первым кольцом. Ткань, наброшенная на руки, очень толстая и жесткая, как указано, и внутренняя сторона ее содержит двойную перегородку, или что-то вроде мешка, в который медиум просовывает дубликат кольца. Теперь ткань может быть показана с обеих сторон, не раскрывая кольца, и медиум убирает ее как можно скорее, чтобы избежать обнаружения.

Обман, объясненный психологией

Цель (этого отрывка) состоит в том, чтобы дать читателю возможность легче понять, как так происходит, что бдительный наблюдатель обманывается, полагая, что вещь такова, когда на самом деле это не так, и наоборот; а также дать представление о различных методах, используемых медиумом для достижения своих результатов.

Прежде всего, я должен обратить внимание читателя на одно или два правила, которые каждый фокусник усваивает в начале своего обучения и которые он учится применять так часто, что они становятся его второй натурой. Во-первых, никогда не позволяйте глазам останавливаться на руке, которая выполняет "ловкость", но всегда на другой руке или на каком-то предмете на столе или в другом месте, так как это будет привлекать внимание аудитории и к этой точке. Сидящие или зрители всегда будут смотреть на точку, за которой

пристально наблюдает маг, их глаза будут следовать за его глазами, и куда бы он ни посмотрел, туда же будет смотреть и зритель. Нет нужды говорить, что маг использует этот факт, и многие фокусы и иллюзии зависят от него для их успешного осуществления. Поэтому всякий раз, когда маг или медиум пристально смотрит на одну руку, следует следить за другой рукой, так как это верный признак того, что именно эта рука выполняет трюк.

Еще одно фундаментальное правило, которое соблюдают все ловкие исполнители, состоит в следующем: никогда не позволяйте зрителю заранее знать, что нужно сделать, т. е. если бы зритель знал, что ему предстоит, он бы следил за движениями исполнителя в определенные критические моменты—как раз в те периоды, когда пристальное наблюдение менее всего требуется,— и вполне возможно обнаружил бы исполнителя в процессе выполнения определенных движений, которые показали бы, как был выполнен трюк. Но, не зная, что происходит, зритель не может внимательно наблюдать в критический момент—не зная, что это за момент—и поэтому не может обнаружить трюк, его внимание отвлекается исполнителем, непосредственно перед тем, как это движение совершается, на какой-то другой объект или движение.

Способы отвлечения внимания зрителя разнообразны. Существует использование глаз, как было показано ранее. Затем следует произнесенное слово, исполнитель, говоря-

щий зрителям наблюдать за каким-то определенным объектом или действием, и задача состоит в том, чтобы заставить зрителей наблюдать за тем, что говорят. Они следуют по линии наименьшего сопротивления. Совокупное воздействие на зрителя произнесенного слова и глаз вместе обычно неотразимо.

Еще один важный фактор заключается в следующем: исполнитель всегда должен позволить любому предложению, правильному или неправильному, хорошо впитаться в сознание зрителя, прежде чем пытаться изменить его. Это происходит по двум причинам. Во-первых, если предположение верно, если, например, исполнитель действительно помещает предмет в свою левую руку, и вскоре обнаруживается, что предмет исчез из этой руки, он раздражается, слыша, как кто-то говорит, что он не был действительно уверен, что он был там в начале, так как "он был скрыт так быстро". Если же, с другой стороны, данное предположение было ложным, если, исполнитель говорит, что он положил предмет в левую руку, тогда как на самом деле он не сделал этого, а держал его в правой руке, тогда все еще необходимо допустить определенный промежуток времени между выполнением действия, которое, по-видимому, поместило предмет в руку, и показом руки пустой, по этой причине. Если рука, в которую предположительно помещен предмет, немедленно оказывается пустой, то естественный вывод сидящего состоит в том, что предмет в действительности вовсе не был помещен туда, а

удерживался в другой руке, что и есть факт. Если, однако, исполнитель позволил пройти некоторому времени между действием по помещению предмета в эту руку (предположительно) и показом руки пустой, он тем временем, не отрывая глаз от руки, внушает сидящим, что предмет находится там, и всячески действует так, как если бы он был там, идея постепенно укрепляется в умах зрителей, что предмет находится там в действительности, и они соответственно удивляются, обнаружив, что он в конечном счете исчез. Именно такое знание того, "как работает человеческий разум", как однажды сказал мне один мой друг, позволяет фокуснику обманывать публику. И именно таким же складом ума обладает медиум. Он действительно хорошо разбирается в человеческой природе.

Другой факт, который следует иметь в виду, состоит в том, что когда зритель однажды видел движение, сделанное два или три раза одним и тем же способом, он часто "видит", как исполнитель делает это движение в другом случае, когда исполнитель в действительности только начал делать движение и предложил остальное. Таким образом, если исполнитель бросает мяч в воздух два или три раза подряд, а в четвертом случае просто притворяется, что бросает его, на самом деле удерживая его в другой руке, то подавляющее большинство зрителей действительно "увидит", как мяч поднимается в воздух в четвертом случае, и будут так утверждать, когда

их спросят. Здесь мы зависим от ассоциации и привычки³⁹.

Очень похожая иллюзия упоминается профессором Хайслером, (*Borderlands of Psysical Research*, стр. 228-9), гранулы вроде бы помещались в коробку, а на самом деле были зажаты в руке медиума.

Профессор Макс Дессуар в своей замечательной статье "Психология фокусничества" пишет следующее: "пробуждая интерес к какой-нибудь незначительной детали, фокусник концентрирует это внимание на какой-нибудь ложной точке или сознательно отвлекает его от главного объекта, и все мы знаем, что чувства невнимательного человека довольно тупы. . . . Вызывая исчезновение какого-нибудь предмета, фокусник считает раз, два, три; предмет действительно должен исчезнуть до трех, а не в три, потому что, когда внимание публики отвлекается на три, она не замечает того, что происходит в раз и два. . . . Особенно удачный метод отвлечения основан на человеческом пристрастии к подражанию. . . . Фокусник рассчитывает на это во многих случаях.

³⁹ Профессор Джастро очень хорошо суммировал эту часть психологии обмана, когда сказал, – Он (фокусник) должен диссоциировать естественные факторы своих привычек, фактически уделяя внимание одной вещи, а внешне – другой; в то же время его глаза, его жесты и его "скороговорка" неверно направляют внимание на то, что, по-видимому, является существенной областью действия, но на самом деле только предлогом, чтобы отвлечь внимание от истинной сцены действия. Фокусник направляет ваше внимание на то, чего он не делает; он не делает того, на что указывает; и на то, что он делает на самом деле, он не указывает, чтобы не привлекать ненужного внимания. (Факт и Басня в психологии, С. 124-5).

Он всегда смотрит в ту сторону, куда хочет привлечь внимание публики, и сам делает все, что хочет, чтобы сделала публика. . . . Если трюк находится в левой руке, фокусник резко поворачивается к человеку справа, правильно предполагая, что зрители сделают то же самое движение и не заметят, что происходит в левой руке. . . . Каждое резкое, короткое замечание, по крайней мере на мгновение, отводит глаза от рук и направляет их ко рту, согласно вышеупомянутому закону подражания".

Успешный фокусник заранее тщательно изучает каждое сделанное движение, каждое сказанное слово во время исполнения фокуса, и убеждается, что все естественным образом вписывается в ситуацию и помогает скрыть истинное действие фокуса. Правая и левая руки должны быть обучены действовать независимо, чтобы не было необходимости смотреть на них. Многие фокусники учатся делать две разные вещи одновременно, по одной с каждой стороны; и способность делать это очень важна. Прежде всего, исполнитель должен быть полон сознательного самообладания и чувствовать себя хозяином положения не меньше, чем чувствовать способность справляться с любыми чрезвычайными ситуациями, которые могут возникнуть.

Переходя теперь к рассмотрению сеанса, мы обнаруживаем, что многие из этих психологических правил все еще остаются в силе, и их действие позволяет медиуму совершать многие действия, которые в противном случае были

бы невозможны. Сидящим дается определенное внушение, а остальное делают воображение и умозаключение. "Наши выводы относительно того, что мы видим или слышим, всегда основаны на сочетании наблюдения и умозаключения; но в повседневной жизни редко бывает необходимо различать эти два элемента, так как, когда объект и способ его представления знакомы, наши умозаключения обычно верны. Но совсем иначе обстоит дело, когда в силу таких обстоятельств, как плохой свет, нам приходится делать умозаключения более пропорциональные тому, что мы воспринимаем, чем обычно; или когда кто-то, например фокусник или чревовещатель, пытается обмануть нас, представляя один объект под знакомым аспектом другим и предлагая ложные умозаключения. Нередко на спиритических сеансах люди подбадривают друг друга верой в то, что они видят, скажем, живую человеческую фигуру, тогда как на самом деле они видят лишь нечто движущееся размером с человеческое существо; остальное-умозаключение. Насколько верны эти последние замечания, показывает утверждение, сделанное в Откровениях духовного медиума, что старая проводочная Маска, часто используемая на сеансах материализации, была распознана " десятками людей как отцы, матери, сестры, братья, кузены, возлюбленные, жены, мужья и различные другие родственники и друзья. Никто, кроме медиума, не знал, что это всего лишь пятидесятицентовая проводочная маска, поэтому никто, кроме медиума, не мог насла-

ждаться юмором происходящего".

Один из самых поучительных эпизодов, который я знаю в связи с этим вопросом о психологии обмана, – это случай с офицером и Индийским жонглером, приведенный доктором Ходжсоном⁴⁰. В данном случае трюк был проделан перед английским офицером и его женой, и доктор Ходжсон случайно услышал, как этот офицер рассказывал некоторым путешественникам об этом опыте за ужином в тот вечер. Говоря о движении монет, он сказал, что вынул монету из своего кармана и сам положил ее на землю, но что эта монета была такой же причудливой, как и другие монеты. Его жена осмелилась предположить, что жонглер взял монету и положил ее на землю, но офицер решительно повторил свое заявление и обратился ко мне за подтверждением. Однако он ошибся. Я наблюдал за этим сеансом с особым любопытством, так как знал, что необходимо для исполнения трюка. Офицер, по-видимому, намеревался сам положить монету на землю, но в этот момент жонглер слегка наклонился вперед, ловко и очень незаметно принял монету из пальцев офицера, когда тот нагнулся, и положил ее рядом с остальными. Если бы жонглер не взял таким образом монету, а позволил самому офицеру положить ее на землю, то трюк, как он его действительно проделал, был бы сорван.

Теперь я думаю, что очень маловероятно, чтобы движение жонглера полностью ускользнуло от восприятия офице-

⁴⁰ Труды Общества психических исследований, т. IV., стр. 385-6.

ра; очень маловероятно, чтобы офицер совершенно не знал о действии жонглера в момент его совершения; но я полагаю, что, хотя какое-то впечатление и было произведено на его сознание, оно было настолько незначительным, что было быстро стерто воображением офицера, который наклонился и положил монету на землю. Я могу сказать, что офицер не получил никакого представления о способе действия этого трюка, и его фундаментальное искажение единственного действительного события, которое могло бы дать ему ключ к его исполнению, полностью лишило его возможности впоследствии, поразмыслив, прийти к какому-либо объяснению. Точно так же многие честные свидетели могли бы сказать, что они положили одну грифельную доску на другую во время сеанса с медиумом, тогда как именно медиум сделал это и, возможно, произвел в то же самое время одну или две другие операции, совершенно незамеченные зрителем.

При чтении описаний сеансов грифельного письма мы очень редко находим утверждение о том, кто положил грифельные доски на стол или под стол и т. д., как правило, отчет гласил: "затем сланцы были положены на стол", без какого-либо понятного заявления о том, кто их туда положил. Такого рода рассказы абсолютно бесполезны с точки зрения доказательств. Мы должны сразу же спросить себя: кто поместил грифельные доски в такое положение? и если это был медиум—как это, вероятно, было в подавляющем большинстве случаев, то этот сеанс, по всей вероятности, переста-

ет иметь какой-либо доказательственный вес. Любой желающий может прочесть несколько отчетов о написанных на грифельной доске выступлениях и проверить эти утверждения, если он захочет это сделать. Часто утверждается, что сидящий действительно положил грифельную доску на стол, тогда как на самом деле это сделал медиум. Эта ошибка, конечно, совершенно бессознательна со стороны зрителя, но тем не менее отчет фальсифицирован. Ошибки такого рода встречаются очень часто, и зритель впоследствии думает, что он (зритель), должно быть, сам положил грифельные доски на стол!

Из всего вышесказанного видно, что существует огромная разница между тем, что действительно происходило на каждом данном сеансе, и тем, что говорится в отчетах. Широкая публика не может слишком глубоко укоренить в своем сознании этот чрезвычайно важный факт, что события, происходившие на сеансе, могут быть сообщены не совсем точно, так что отчет о сеансе может быть совершенно неверным и ошибочным, хотя сидящие и те, кто составлял отчет, могли быть совершенно честны в своем убеждении, что отчет точен во всех отношениях. Эффект от всего этого действительно очень велик. Многие спиритические сеансы совершенно необъяснимы в том виде, как они описываются, но это описание не является истинным отчетом о том, что происходило на данном сеансе. Факты искажены. Следовательно, человек, берущий на себя труд объяснить то, что произошло на сеан-

се, должен объяснить ряд вещей, которые в действительности никогда не имели места. В этой связи мы должны помнить, что ряд описанных фокусов совершенно невозможно объяснить никаким процессом обмана. Описание трюка было неверным.

Позвольте мне сделать это еще яснее и в то же время проиллюстрировать разницу между тем, что происходит на первый взгляд, и тем, что происходит на самом деле, следующим примером: фокусник кладет монету (скажем, Четвертак) в каждую руку и закрывает ладони. Еще одна четверть теперь помещается на пальцы каждой руки, так что теперь есть одна четверть в каждой руке и одна четверть на пальцах каждой руки. Маг объявляет, что, просто открывая и закрывая свои ладони, которые находятся на некотором расстоянии друг от друга, он тем самым перекладывает одну из монет из одной руки в другую, так что в одной руке останется три монеты, а в другой— только одна.

Теперь, если бы зритель писал отчет о том, что произошло, он бы наверняка сообщил:

Затем фокусник попробовал провести эксперимент — быстро открывать и закрывать ладони, заставляя монету переноситься, как и было обещано, но потерпел неудачу, и монеты с тыльной стороны каждой руки упали на стол довольно неуклюже. Однако их снова положили на тыльную сторону ладоней волшебника; движение повторилось, и на этот раз успешно. Монеты исчезли с тыльной стороны обеих рук, в

одной из которых теперь находилось три монеты, а в другой руке была только одна".

Таково в точности описание фокуса, которое дал бы среднестатистический человек, увидев его, и оно представляло бы его честное мнение о том, что произошло; в своем нынешнем виде действие совершенно необъяснимо обманом. Излишне говорить, что этот отчет не является истинным утверждением о том, что на самом деле произошло, как это будет ясно из следующего объяснения:

В первый раз, когда монеты были брошены на стол, движение было не таким "неуклюжим", как можно было бы предположить. На самом деле это было сделано намеренно, и именно это стало главным фактором в выполнении трюка. На самом деле в это время произошло следующее: фокусник быстрым движением бросил обе монеты из одной руки на стол, в то же время ловко открыв другую руку, позволил второй монете, находящейся на этой руке, упасть внутрь самой руки. Таким образом, хотя обе руки по-прежнему закрыты, одна из них пуста, а в другой находятся две монеты. Поэтому очевидно, что, когда на каждую руку снова кладут монету, маг у остается только повторить движение открытия и закрытия, и в одной руке будет три монеты, а в другой – только одна.

Этот трюк очень просто и поразительно иллюстрирует возможность сообщения о факте совершенно ошибочным образом, совершенно не осознавая того факта, что эта ошиб-

ка в сообщении была совершена. Точно таким же образом многие грифельные письма и другие явления передаются неверно, и поэтому объяснение сеанса становится невозможным. Беда в том, что "отчет" на самом деле не сообщает о том, что произошло на самом деле.

.....

Многие из моих читателей могут чувствовать себя несколько оскорбленными этим обвинением в том, что они не могут обнаружить такого очевидного обмана, когда он существует, и что они склонны делать такие ошибки в записи сеанса, как те, которые здесь упомянуты. Они могут утешать себя мыслью, однако, что нет ничего постыдного в том, чтобы совершать ошибки и заблуждения такого рода, ибо, как указал профессор Джастро⁴¹:

В некоторых аспектах это такое же техническое приобретение, как и диагностика болезни. Совсем не в ущерб чьей-либо наблюдательности или интеллектуальной проницательности можно быть обманутым действиями фокусника; то же самое справедливо и в отношении профессиональной части медиумических феноменов. До тех пор, пока эта домашняя, но спасительная истина не будет запечатлена со всей своей важностью для всех исследователей, мало надежды на то, что она вызовет правильное отношение к этим и родственным феноменам.

Эти замечания помогут нам понять, почему многие лю-

⁴¹ Факт и Басня в психологии, с. 148.

ди науки были обмануты очень простыми трюками и мошенническими приемами, исследуя спиритические феномены – их научная культура не является гарантией того, что они способны обнаружить мошенничество лучше, чем человек с улицы. На самом деле их обучение сделало их гораздо менее способными обнаружить мошенничество, чем обыкновенного человека, который больше соприкасается с миром и острее судит о характере и человеческой природе.

Как материализуются духи (Аноним)

Из "Откровений духовного медиума" – книги, ныне не существующей, так как копии и все экземпляры ее были скуплены "спиритуалистами" и уничтожены. Нижеследующее было любезно предоставлено Мистером Хереуордом Кэррингтоном:

Читатель, вы когда-нибудь посещали "сеанс" для "полной материализации формы"?– А вам никогда не приходило в голову, что на этих "сеансах" вы встречались с духом вашего покойного родственника?

Если вы никогда не имели удовольствия присутствовать на сеансе этого "типа", вы пропустили редкое удовольствие. Писатель помогал во многих из них и расскажет вам о некоторых чудесных явлениях, происходящих во время них, и о средствах, используемых для их создания. . . . В этой стране существуют сотни "материализующих медиумов", которые

ведут бизнес и имеют солидный банковский счет. Их бизнес иногда достигает сотен долларов за одну неделю. Эта "фаза" медиумизма рассматривается духовными наставниками как наивысшая из возможных достижимых, и если вы являетесь умным "медиумом в полной форме", ваше финансовое благополучие гарантировано. . . . Многие и разнообразные методы используются различными "медиумами" для достижения этой фазы. Именно в Бостоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско они работают лучше всего. Сеансы полной формы, которые чаще всего встречаются, очень просты в работе и легко выполняются медиумом. Вам обычно дают место в кругу стульев вокруг передней части "шкафа". Если вы незнакомец или тот, кто выглядит или действует так, как будто он хочет "схватить" "духов", вы сидите в самой дальней точке от шкафа; или, если есть два ряда сидений, вам дадут место в заднем ряду. . . .

Я отправился на "сеанс материализации", на котором мои друзья надеялись увидеть материализацию. Я был допущен в комнату для сеансов и обнаружил, что там уже собралось около двадцати человек. Я сидел в первом ряду кресел. Используемый шкаф был шкафом около шести футов в длину и четырех в ширину. Потолок и в комнате, и у шкафа был деревянный. После тщательного осмотра шкафа всеми теми, кто хотел это сделать, сидящие были пересажены в соответствии с требованиями медиума. Тогда там присутствовало тридцать пять человек. Комната для сеансов была очень

большой. Дверь была снята со стенного шкафа, служившего кабинетом, и на ее месте висели тяжелые шторы. Пол в комнате был застелен темным ковром, как и шкаф. Свет давала лампа, помещенная в ящик, прикрепленный к стене примерно в восьми футах от пола. Эта коробочка имела скользящую крышку спереди, управляемую шнуром, проходящим в шкаф. Таким образом, "духи" могли регулировать свет по своему усмотрению, без какого-либо движения со стороны любого из тех, кто находился в комнате для сеансов. Когда все было готово, медиум вошел в кабинет, сел и был привязан к своему креслу так крепко, что уже не мог пользоваться им сам. Он был самым тщательным образом привязан к своему стулу, и его стул был крепко прибит к полу. После того как сидящим было показано, что он совершенно беспомощен, занавес опустили. Теперь управляющий поставил перед дверью кабинета обычный кухонный стол, так что тот стоял на расстоянии около двух футов. На столе не было ни одного ящика. На столе лежали письменные принадлежности, гитара и маленький колокольчик. Управляющий уселся поближе к входу в кабинет и включил большую швейцарскую музыкальную шкатулку. Прежде чем закончился первый проигрыш, лампа была полностью выключена, и в комнате стало абсолютно темно.

Теперь из-за занавеса показалась освещенная рука, которая играла аккомпанемент музыкальной шкатулке на гитаре. Мы могли ясно видеть движения руки, кисти и пальцев, ко-

гда она манипулировала струнами инструмента. Видна была только одна рука, и она перебирала струны. После того, как мелодия была закончена, рука покинула инструмент и двинулась в комнату к передней части стола, и по звуку мы поняли, что она пишет на табличке, которая была помещена туда. Рука была голубоватого цвета и, казалось, заканчивалась чуть выше локтя и не имела никакой связи с телом. Она закончила писать и, казалось, поплыла в шкафчик наверху.

Свет был включен, и управляющий попросил тех, кто связал медиума, проверить его состояние и посмотреть, не были ли веревки испорчены. Осмотр был произведен, и стало ясно, что крепления не тронуты. Это сообщение было зачитано присутствующим вслух и содержало следующее:

Мы рады встретить здесь сегодня вечером так много искателей света и истины, и, судя по условиям, как мы их ощущаем, у нас будет удовлетворительный и приятный сеанс. Путь к достижению наилучших результатов заключается в том, чтобы каждый человек сохранял пассивное состояние и брал то, что мы должны ему дать. Вы можете быть уверены, что мы приложим все усилия, чтобы доставить вам полное удовлетворение.

Надпись была написана точно по линейчатым линиям, хотя и в абсолютной темноте. Рука и предплечье хоть и светились, но не испускали ни малейшей частицы света. Рука находилась по меньшей мере в пяти футах от дверцы шкафа и в семи футах от медиума. Конечно же, это был не он. Со-

общение было прочитано, свет снова погас, и снова заиграла музыка.

Снова появилась рука и, подплыв к столу, снова начала писать. Внезапно рука исчезла, и через несколько секунд я с удивлением почувствовал, как чья-то рука засовывает бумагу в карман моего пальто. Теперь появились две руки, и они играли на гитаре в воздухе. Затем появились три и четыре руки, яркие, как день. Две из них снова принялись писать, а когда они закончили, еще двое зрителей получили листы бумаги. Вскоре свет был включен для осмотра шкафа, который был проведен и также показал, что медиум не двигался. Тем из нас, кто получал сообщения, предоставлялась возможность их прочитать. Мы нашли их красиво написанными, как и прежде, и все содержали "ответы" . . .

После того, как свет снова погас, стали видны еще руки; стол плавал над головами круга, как и музыкальная шкатулка, которая весила по меньшей мере пятьдесят фунтов. Был произведен еще один осмотр кабинета, и все оказалось удовлетворительным. На этот раз свет не был полностью погашен, но был оставлен очень тусклый свет.

Музыкальная шкатулка снова заиграла, и пока она играла первую мелодию, из шкафа вышла высокая фигура в кремово-белом одеянии, с блестящими искрами в волосах и с чем-то вроде короны на голове. Ее узнал один из присутствующих джентльменов, спиритуалист, чьим духовным наставником она была, и который обратился к ней: – Моя короле-

ва.— Она постояла несколько секунд за столом, а затем вышла на открытое пространство между сидящими и столом. Джентльмен поднялся со своего места и, стоя рядом с ней, держа ее за руку, несколько секунд шепотом разговаривал с ней.

Это была, несомненно, дама, если внешность чего-то стоит. Руки у нее были совсем маленькие, теплые и живые, о чем могут свидетельствовать многие, в том числе и я, которым было позволено пожать ей руку. Наконец она направилась к шкафу и, казалось, стала еще ниже ростом, пока не скрылась за занавесками, оказавшись ненамного выше стола. Теперь управляющий объяснил, что дух слишком долго оставался снаружи и почти дематериализовался, прежде чем она добралась до шкафа. Теперь явился дух молодого человека, одетого в легкий костюм, который назвал свое имя и сказал, что его мать присутствует здесь. Так оно и было, и она успела перекинуться с ним несколькими словами, когда он исчез в шкаф. Дама сказала, что это, несомненно, ее сын, но что-то было не так, как прежде, но что именно, она не могла описать.

Следующим появившимся духом был мой сын Эдди. Он вышел из кабинета и крикнул: "Папа, папа!" Управляющий спросил, — кто твой папа? — и он ответил, — мистер (Смит).

Все это время он стоял между столом и шкафом, и видны были только его голова и плечи. Когда он подошел к столу, управляющий велел ему отойти в сторону, чтобы его было

видно.

Было довольно темно, но я мог поклясться, что это был мой сын. Он был как раз подходящего роста, с длинными льняными волосами и очень бледным лицом. Он был одет в светлую рубашу, темные бриджи и чулки до колен, с большим черным бантом на шее, он был точно таким же, каким я видел его в последний раз, когда он был здоров.

Когда Эдди все еще стоял перед столом, к нему подошел крупный мужчина и взял его за руку. Эдди заговорил:

– Мне обязательно возвращаться, дедушка?

Фигура повернулась ко мне и сказала:

– Сын мой, это большая радость для нас, но мы не должны долго оставаться здесь, так как это наша первая попытка материализоваться.

Он повернулся, чтобы уйти, когда управляющий сказал ему:

– Если этот джентльмен – ваш сын, вы должны назвать ему свое имя.

– Имя ребенка – Эдди, а мое собственное – Джей Эй Смит, – ответила форма, когда они исчезли в шкафу.

Управляющий предположил, что было бы неплохо изучить и посмотреть, был ли медиум в отключке или нет. Кабинет был осмотрен, и все оказалось удовлетворительным.

Дух за духом выходили из кабинета, по одному или по двое в течение часа; некоторые из них приходили к друзьям, а другие были "контролерами" медиума. Многие из них бы-

ли опознаны разными сидящими в комнате. Я, например, мог бы поклясться, что это был мой собственный сын Эдди, в то время как мой отец был совершенно узнаваем. . . .

В комнате снова стало темно. Внезапно на полу перед столом появился огонек размером с бейсбольный мяч. Он двигался по кругу диаметром около фута и становился все больше. Вскоре он потерял форму шара и превратился в светящееся облако. По-видимому, мы могли видеть его изнутри и сквозь него. В течение тридцати секунд он стал таким же большим, как шестилетний ребенок; все еще не было никакой определенной формы, только пушистая облачная масса, вращающаяся, извивающаяся и катящаяся. Примерно через минуту он уже был размером и формой со взрослого человека. Лица не было видно, но виднелись светлые, светящиеся пятна, как будто волосы и уши были украшены драгоценными камнями. Фигура заговорила и потребовала света. Когда включили свет, светимость исчезла, и мы увидели прекрасную молодую леди, одетую в ослепительно белый костюм. Ее руки и плечи были обнажены, а на шее висело ожерелье из очень ярких бриллиантов. Ее ноги были обуты в белые тапочки с ремешками поперек подъема. В ее ушах и волосах блестели и переливались прекрасные бриллианты. Ее лицо и руки были как алебастр, и в целом она была одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо видел. Присутствовавшие леди и джентльмен узнали в ней свою дочь. Они уже встречали ее здесь раньше. Они были с Востока и

были очень богаты. Дух просил, чтобы они пришли к ней, что они и сделали, и каждый из них был поцелован и обнят ею. Они немного поговорили с ней и снова заняли свои места, когда лампа медленно погасла. Когда свет стал тусклым, дух стал светящимся. Лицо и руки исчезли, а тело снова превратилось в облако, вращаясь, извиваясь и становясь все меньше, пока не превратилось в маленькое светлое пятнышко на ковре, которое внезапно исчезло совсем.

Сразу же после этого явления медиум и кабинет были подвергнуты осмотру, и стало ясно, что медиум не отходил от своего кресла. Свет снова погас, и музыкальная шкатулка завелась, когда на ковре появились два ярких пятна, по одному на каждом конце стола. Они прошли через тот же самый процесс развития, пока, когда свет был включен, на одном конце стола не появился еще один прекрасный женский дух, а на другом – ребенок, возможно, восьми лет. Девочка была признана присутствующей дамой своей дочерью, в то время как взрослый дух был признан и восторженно встречен джентльменом, который сидел рядом со мной слева, как его "дорогой ангел-хранитель". У них был довольно долгий разговор, в котором они пользовались очень милыми словами, обращенными друг к другу. Я предположил, что это была жена джентльмена. . .

Духи не исчезли, как в первый раз, но, когда свет был выключен, светящаяся фигура повернулась несколько раз и в двух случаях приняла форму людей, а когда свет был снова

включен, там стояли люди с бородами и человеческими формами. После примерно восьми или десяти таких материализаций и дематериализаций на наших глазах последняя пара полностью исчезла.

Свет снова погас, и из шкафа появилась светящаяся фигура, за ней последовали другие, пока семеро из них не оказались на полу. Свет был включен до тех пор, пока мы не смогли увидеть семь духов. Пятеро из них – женщины и двое мужчин. Они были разного роста. Занавеска на двери кабинета была отодвинута, и мы увидели медиума, сидящего в кресле, к которому он был привязан. После того как духи исчезли, включили свет, осмотрели кабинет, и сеанс закончился.

Вот, читатель, правдивое описание того, что можно наблюдать на сеансах медиумов-художников. Здесь нет самодетельности. Работа такого медиума всегда удовлетворительна по той причине, что если человек чувствует уверенность в том, что медиум-мошенник, его так хорошо развлекают, что он не жалеет денег, уплаченных за возможность стать свидетелем этого. Это также класс медиумов, которым часто удается получить большие суммы денег от богатых людей, которых они обратили в спиритизм.

Если бы автор не дал вам истинного объяснения того, каким образом эти вещи были созданы, вы, вероятно, сказали бы, что они были выдуманной очень богатым воображением. Если бы вы верили, что он видит эти вещи, вы, возможно,

предложили бы объяснение проповедника, сказав: "это работа дьявола"; или ученого, утверждая, что "это власть месмериста над вашим умом"; или "оператор обнаружил странную силу в природе"; или продолжили бы длинную диссертацию о гипнозе и четвертом измерении космических проблем. Однако это не работа дьявола, и нет никаких других законов, кроме естественных, необходимых для ее производства.

Описанный сеанс действительно имел место и был описан в письменном виде мистером Смитом на том языке, который использовался, хотя он и не был напечатан, и автор был одним из тех, кто помогал в его производстве. Теперь он приступит к объяснению этого конкретного сеанса. . . .

Следует помнить, что комната и кабинет были застланы темным ковром, а потолки были деревянными. Потолок шкафа не был бы похож на потолок комнаты, если бы шкаф был частью плана архитектора дома. Его не было, но он был сделан медиумом. Он просто соорудил планку и оштукатурил перегородку от угла широкой трубы до стены, таким образом закрыв пространство размером шесть на четыре фута. Панель в потолке шкафа была размером в двадцать квадратных дюймов. Эта панель была "подправлена" и могла быть смещена, оставляя достаточно большое отверстие, чтобы "духи" могли пройти через него с совершенной легкостью. Легкая лестница, доходившая до пола шкафа не более чем на три фута, была крепко закреплена наверху и давала возможность спускаться и снова подниматься. Там бы-

ло восемь человек, связанных с сеансом, описанным мисте-ром Смитом, семеро наверху и медиум в кабинете. Конечно, не было никакой необходимости в том, чтобы медиум осво-бодился от своих оков, и факты таковы, что он этого не сде-лал. Стол был поставлен поперек двери шкафа, но не для того, чтобы класть на него инструменты, а чтобы сильно ме-шать, если кто-то бросится и "схватит" материализованные формы. В этом случае "духи" наверху закрывали свет, дела-я комнату совершенно темной, и управляющий делал все воз-можное, чтобы передвинуть стол на другой конец комнаты или двинуть его в бок, вытянув ноги. Прежде чем нападаю-щий успел бы разобраться в положении вещей и пройти ми-мо него, духи прошли бы через ловушку, закрыли ее, подтя-нули лестницу, и "агрессор" обнаружил бы медиума, корча-щегося, стонущего и истекающего кровью изо рта. Кровоте-чение было для эффекта и было вызвано очень сильным со-санием зубов или десен.

Стол также служил удобной целью для материализации и дематериализации через пол. Теперь вы знаете, откуда взя-лись духи в этом особом доме и как они вошли и вышли. Те-перь давайте посмотрим, как они управляли материализаци-ями и какими методами пользовались для их получения. Ло-вушка и лестница работали практически бесшумно, но му-зыкальная шкатулка гарантировала, что ни малейшего звука из шкафа в комнате для сеансов не услышит никто.

Когда шкатулка заиграла, люк открылся, и по лестнице

спустился молодой человек в черном трико. Он был весь покрыт черным, за исключением правой руки, которая была обнажена чуть больше чем на половину от локтя до плеча. Голая рука светилась ярким голубоватым светом.

Такое положение вещей было вызвано тем, что он напудрил свою руку распыленной светящейся краской. Если вам не скажут способ превращения липкой краски в порошок, вы не сможете этого сделать и придете к выводу, что писатель в данном случае все придумал. Самое главное для вас будет знать, где вы можете приобрести эту краску. Автору не удалось раздобыть его нигде, кроме фирмы "Дево и Ко." из Нью-Йорка. Она помещается в пакет, напоминающий шестиунциевые стаканы для желе, и вы получите шесть из них за пять долларов. Чтобы превратить ее в порошок, разбавьте содержимое одного из стаканов одной пинтой скипидара. Когда краска будет тщательно смешана со скипидаром, смочите в нем полоски муслина и развесьте их сушиться. После полного высыхания можно стряхнуть порошок с ткани. Чтобы припудрить одну из ваших рук, возьмите одну из салфеток в руки и используйте ее как пуховку для пудры на руке. Вы не сможете собрать всю краску, но ее частички заставят светиться ваши короны, тапочки, звезды и украшения для одежды. Вам придется надушивать свои одежды каждый раз при использовании, ибо запах скипидара всегда будет оставаться в большей или меньшей степени. Чтобы осветить халат или костюм (медиумы всегда говорят "халат"), вы дей-

ствуете так же, как и в процессе с пудреницей, за исключением того, что к пинте краски вы добавите бокал, полный Демарового лака, который предотвратит осыпание или стряхивание порошка. Вы должны сделать халат не из муслина, а из белой сетки. Каждая леди знает, что из себя представляет сеточное плетение. Это самый легкий и тонкий материал, который писатель когда-либо видел в галантерейном магазине. Десять ярдов его можно положить в жилетный карман. Не скупитесь на материал, но наберите как можно больше его в свой халат.

Когда человек со светящейся рукой выходит из шкафа в темную комнату, то не видно никакой его части, кроме руки. Одной рукой он перебирает струны инструмента, а другой перебирает пальцами клавиши. Он что-то пишет на табличке, отрывает листок, который прячет, и, натянув длинный черный чулок на светящуюся руку, кладет в карман зрителя записку, написанную наверху при хорошем освещении. Это объясняет ровный, красивый почерк, который, как предполагается, был сделан в темноте. Он прикрывает светящуюся руку так, чтобы никто, не мог найти ее, чтобы "схватить", когда он будет достаточно близко. Установив стол, можно сделать так, чтобы эта светящаяся рука была видна так, как будто она плавает под потолком.

Когда были видны четыре руки, там работали два призрака с освещенными обеими руками. . . . Вы можете легко понять благодаря какой силе плавали музыкальная шкатулка и

стол над головами сидящих, и здесь объяснение бесполезно.

Когда появился первый женский дух, это была на самом деле молодая женщина, одетая в великолепный белый костюм без краски, поэтому свет был включен вверх, а не вниз, чтобы она была видна. Стразы и драгоценные камни Суматры были дешевы, поэтому она была щедро снабжена "бриллиантами", хотя многие из тех, кто является королевами или духовными наставниками или "контролерами" богатых фанатиков-спиритуалистов, носят настоящие бриллианты, подарок их богатого подопечного или "короля", как они обычно его называют.

Когда она направилась к шкафу, то использовала руки, чтобы не дать халату упасть ей под ноги, и по мере того, как она спускалась все ниже и ниже, пока не исчезла в шкафу, она не встала на четвереньки. Именно это и вызвало появление "дематериализации".

Когда сын Мистера Смита, Эдди, вышел из кабинета, его представлял мальчик лет восьми, сын одной из женщин – "духов" наверху. За свои услуги он получал два доллара в сутки, как и более крупные привидения. Он был напудрен до полной белизны, на его собственные волосы был надет светлый парик, и одет он был так же, как большинство мальчиков в возрасте, когда умер сын Мистера Смита. Мистер Смит узнал его по росту, светлому цвету лица и льняным волосам, а также по тому, что он называл его "папа" и правильно называл его. Его отец был "выдуман" из описания, данного ме-

диумом, и признан мистером Смитом правильным. Конечно, он знал свое собственное имя, потому что его дал ему грифельщик. . . .

Теперь мы подошли к той части феномена, в которой будут клясться все спиритуалисты, видевшие его. Речь идет о материализации и дематериализации духа с пола и перед вашими глазами. В нем вы видите сначала маленький свет, который становится все больше и больше, пока перед вами не встанет полностью сформировавшийся женский или мужской дух, как это было описано в опыте мистера Смита.

Чтобы осуществить то, чему он был свидетелем, тот же самый призрак, который прежде был признан джентльменом "своей королевой", приготовился следующим образом: сняв с себя всю одежду, она надела только длинную сорочку, доходившую ей до голенищ туфель. Она натянула пару белых чулок, а поверх них – пару белых туфель. В волосы и уши она вставила бриллианты из горного хрусталя, а на шею одела ожерелье из таких же красивых, но бесполезных камней. На каждую мочку уха и вокруг шеи были нанесены маленькие пятна светящейся пудры, чтобы представлять бриллианты, пока было темно. Ее лицо было напудрено, брови и ресницы подтемнены, а под каждым глазом пролегла темная линия. Теперь она взяла черную маску, закрывавшую ее голову, и ее "халат", и руки, и спустилась к шкафу. Придя туда, она надела на голову черную маску, чтобы светящиеся бриллианты не были видны до нужного времени. Она несла свой халат

в черной сумке. Выползая из-за занавески и забираясь под стол, она открыла на полу небольшую часть своего халата. Она встряхивала его и двигалась вперед, позволив ему выскользнуть из сумки, пока он весь не вылез наружу. Затем она вылезла из-под стола и стояла на коленях, и пора было показывать голову, поэтому, подобравшись поближе к халату, она сбросила под столом черную маску. Фигура теперь была размером со взрослого человека; она поправила халат на своей персоне и постучала, прося света. Как само собой разумеющееся, когда появлялся хоть какой-то свет, светимость мантии исчезала, и она появилась в простом белом костюме. Теперь можно было разглядеть ожерелье и серьги, но когда свет стал таким ярким, что их можно было разглядеть, светящиеся пятна исчезли, оставив зрителя думать, что то, что они видели сейчас, было тем же самыми, что они видели в темноте. Процесс дематериализации теперь будет очевиден, и описание только утомит читателя. Один маленький призрак был всем, что требовалось, так как его можно было заставить изображать мальчика или девочку по своему желанию, одев его в одежду любого пола.

В конце сеанса в комнату вошла вся сила "духов". Исчезнув, они взобрались по лестнице, потянули ее за собой, закрыли панель и люк в полу над ней, положили на место ковер и придвинули тяжелую кровать, с которой сняли колесики. Теперь они спустили лестницу вниз и спрятали ее в угольном сарае, пока шли домой. Они получили свою зарплату на

следующий день.

Если бы вы хоть раз внимательно осмотрели шкаф, то не нашли бы в нем ничего дурного. Именно этот медиум десятки раз приводил следователей в подвал под кабинетом и в комнату над ним, но так ничего и не было обнаружено.

Вы не всегда должны искать лазейку в потолке, или в полу. Ловушка в потолке невозможна, за исключением того, когда в качестве "кабинета" используется шкаф, а потолок сделан из дерева. Там, где этого состояния вещей не существует, вы должны искать в другом месте. Пол – это очень вероятное место, когда его нельзя сделать в потолке. Если вы не найдете его там, изучите основание или боковину. Если лаз находится в комнате для швабр, то при осмотре вы обнаружите наличие стыка около угла шкафа, но вы найдете его прочно прибитым примерно четырьмя гвоздями с каждой стороны стыка. Эта видимость необычайной твердости будет абсолютным доказательством того, что она не является твердой.

Гвозди – это не то, чем они кажутся, а всего лишь кусочки примерно в полдюйма длиной, которые даже не проходят через доску. Эта деталь крепится с другой стороны с помощью пары болтов, которые очень прочно удерживают ее на месте. В соседней комнате есть соответствующее отверстие, хотя никто и не пытается так тщательно скрыть его, поскольку никто никогда не идет в эту комнату. Через эту ловушку "духи" проникают в кабинет, ползая и извиваясь. Это не

очень желательная лазейка, потому что комната для швабр едва ли когда-нибудь бывает достаточно широкой для того, чтобы приведение могло быстро пролезть сквозь нее. Кроме того, исполнители должны надеть свои костюмы после того, как попадут в шкаф, а иначе они разорвут их на куски. Вы можете видеть, что это было бы очень неудобно.

Если комната обшита деревянными панелями, то приведение будет иметь в своей лазейке все необходимое пространство, так как оно будет простираться чуть ниже лепнины на верхней части обшивки до пола за полосой в четверть круга. . . .

Практически невозможно обнаружить эти ловушки, ища их в шкафу. Они были сконструированы так, чтобы избежать разоблачения, и люди не жалели усилий, чтобы сделать их настолько совершенными, чтобы не было упущено ни одного шанса из миллиона. Самое подходящее место для ловушек – в соседней комнате, наверху или в подвале. Глупо пытаться найти ловушку, колотя по стенам или полу; ибо, если вам случится ударить по ней, медиум, который достаточно умен, чтобы использовать ловушку, также достаточно умен, чтобы позаботиться о том, чтобы ее ударили, и ваш метод простукивания ни к чему не приведет⁴².

⁴² Следует помнить, что иногда медиуму удается полностью избавиться от лезек, либо имея в аудитории посредника, который производит все явления—медиум сидит связанный, либо с помощью какого-нибудь такого простого устройства, как следующее: предположим, что комната для сеансов закрыта с одного конца парой складных дверей; эти двери заперты, ключ хранится у члена аудито-

Имейте в виду, что когда вы исследуете кабинет, вы ищете именно то место, которое наиболее эффективно подготовлено для того, чтобы противостоять вашим исследованиям. . . . Не забывайте о роли управляющего в вашем поиске. Его или ее никогда не обыскивают, что было причиной многих неудач в поиске "свойств" медиума, когда сеанс проводился в комнате и кабинете, обставленных незнакомцем и скептиком. Не поддавайтесь обману, полагая, что все сидящие являются незнакомцами для медиума. Здесь может быть от одного до пяти человек, которые платят свои деньги так же, как и вы, и которые могут показаться наиболее скептически настроенными по отношению к кому-либо в комнате. Они, как правило, становятся получателями некоторых очень изящных "ответов" и обильно плачут большими горестными слезами, когда узнают любимые черты какого-нибудь родственника. Они самые осторожные из исследователей и, когда лазейка медиума находится в дверном косяке, они будут колотить по стенам и настаивать на том, чтобы ковер был поднят, они встанут на четвереньки и самым тщательным образом осмотрят пол. Они являются самыми близкими и критичными исследователями, но они очень тщательно исследуют все, кроме того места, где находится де-

рии, а замочная скважина запечатана, и полоски клееной бумаги также натянуты через щель между дверями, плотно запечатывая их вместе. Сообщники входят в комнату, в данном случае, просто толкнув обе двери в одну сторону, поскольку они так устроены, что это возможно. Теперь в конце одной из дверей осталось небольшое пространство, через которое прокрадывается сообщник медиума!

фект. Поскольку один или два человека, по-видимому, проводят такое критическое расследование, не позволяйте этому факту помешать вам сделать все самостоятельно. Подождите, пока они закончат, а затем исследуйте не только то, что они сделали, но и более конкретно то, что они не сделали. Их изучение проводится только для того, чтобы ввести в заблуждение других. Их "исследования" воспринимаются таким образом, что окружающие думают, будто они принимают их очень неохотно или потому, что они были настолько безотказны, что не могли поступить иначе.

Очень многие, вероятно, будут отрицать, что такие люди когда-либо работали. Они не являются интересными для медиумов, так как не могут обеспечить медиумам хороший бизнес. Автор посоветовал бы тем медиумам, которые проводят подобные высококласные сеансы, нанять несколько таких людей (их легко найти) и посмотреть, как это повлияет на объем бизнеса, который они будут делать. Возьмите хороших людей, тех, кто знает человеческую природу и знает, когда и что сказать. Большинство из них склонны говорить слишком много, тем самым заставляя обычного человека думать, что они являются друзьями.